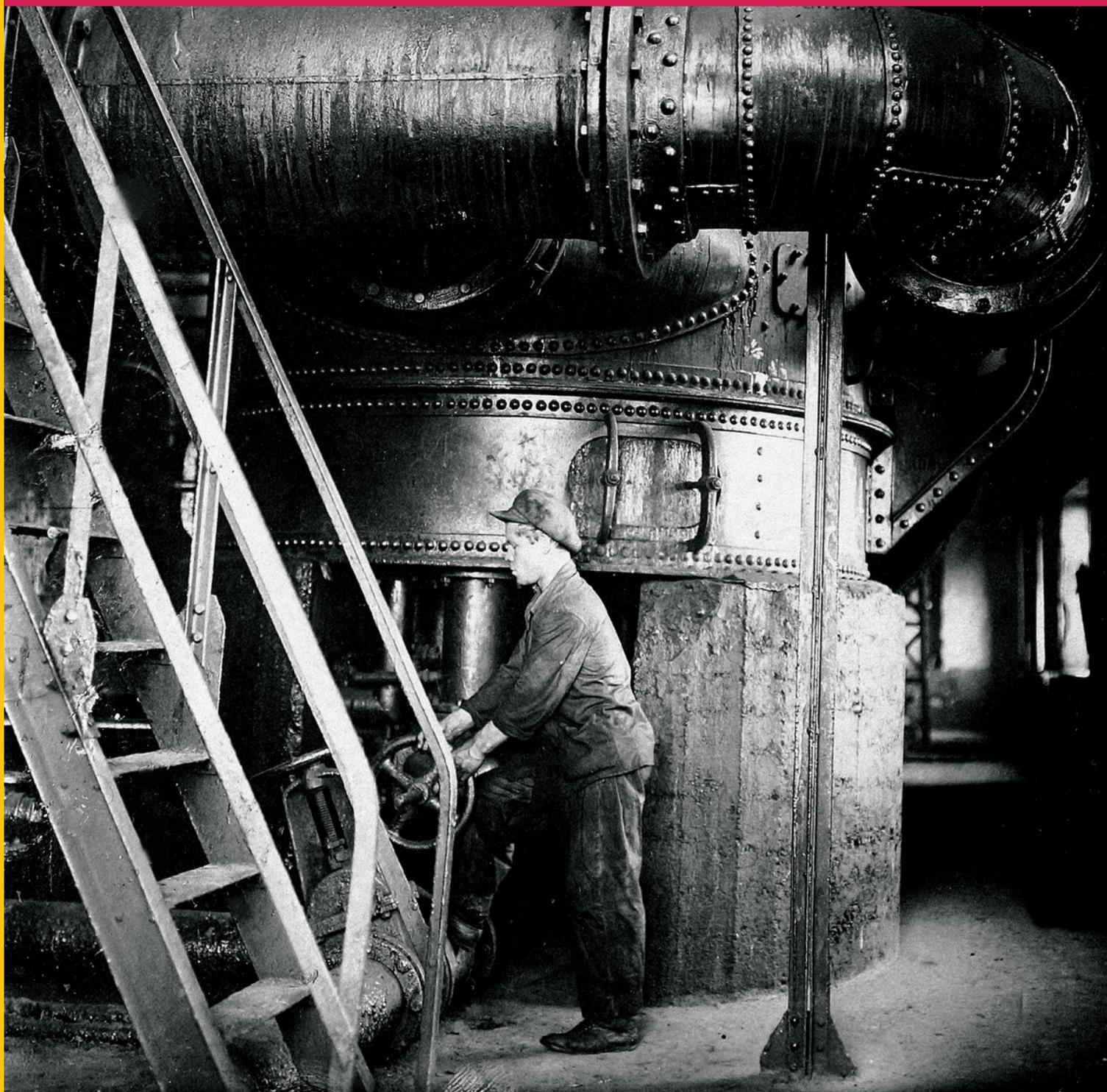

КРАСНАЯ

ГОРКА

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК ПЯТНАДЦАТЫЙ

КРАСНАЯ
ГОРКА

ГЛАВНЫЕ ТЕМЫ НОМЕРА

90-ЛЕТИЕ КХЗ
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА

КЕМЕРОВО 2014

ББК 63.3 (2Р-4кем)
УДК 98 (571)
К89

12 +

Учредитель и издатель: муниципальное автономное учреждение
«Музей-заповедник «Красная Горка»

В издании альманаха участвует администрация города Кемерово

Адрес редакции и издателя: 650044, г. Кемерово,
ул. Красная Горка, д. 17, тел.: 8 (3842) 64-24-12.

E-mail: redhill-kemerovo@mail.ru

Свидетельство: ПИ 12-1052 от 12.02.2002. Выдано Сибирским
окружным межрегиональным территориальным управлением
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Отпечатано в ООО «Издательский дом «Вояж»: 630048,
г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, д. 104

Тираж 999 экз.

Дата выхода в свет: 06. 10. 2014 г.

Заказ № 32525

Цена свободная

Главный редактор

Ю. В. Сергеев

Ответственный секретарь

Н. А. Шелепова

Редколлегия:

Е. Н. Бабкин, З. Ф. Волкова, И. В. Захарова, Л. Ф. Кузнецова,
И. В. Левина, В. А. Сухацкий, И. Ю. Усков

Дизайнер

Д. Ю. Сергеев

Корректор

Г. А. Рудакова

ISBN 978-5-900125-61-0

90-ЛЕТИЕ КХЗ

Спиридон Семенович Бывшев «Кокострой» стр. 28

Первый театр в Щегловске стр. 40

100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Пленные Первой мировой войны в Копикузе стр. 60

Листая журнал «Летопись
войны 1914-1915-1916 гг.»... стр. 72

Документы о Первой мировой войне
в Государственном архиве
Кемеровской области стр. 82

ИЗ ИСТОРИИ КЕМЕРОВА

Начальник стройки Виктор Соколовский стр. 52

Уволен по неработанности... стр. 88

В редакцию не вернулся стр. 92

О работе Кемеровского областного отдела БХСС
в 1943 году стр. 99

Мечта о городе-саде: первый проект
планировки Кемерова стр. 102

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Из Советской России. Доктор С. Ю. Рутгерс стр. 8

Американец в Сибири стр. 116

МУЗЕЙНЫЕ СОБЫТИЯ

Неоконченная история стр. 51

Встреча с амстердамской школой стр. 110

Новости стр. 114

Наши издания стр. 126

Горелая гора.
Здесь Михайло
Волков открыл
«горючий камень»

У старой пристани в начале
прошлого века швартовались
баржи с углем

Скульптурный
образ Святой
великомученицы Варвары
- покровительницы
шахтерского труда.
Авторы -
В. Мокроусов и
М. Лушников

Уважаемые кемеровчане!

Год культуры – еще один повод для гордости нашей великой страной. Гениальность и широта души нашего народа отразились во множестве шедевров живописи, литературы, театрального искусства, музыки, архитектуры. Имена великих российских деятелей культуры – неотъемлемая и известная людям всех национальностей часть всемирной истории. И, что особенно важно, в этом богатейшем культурном наследии немало достойных страниц, написанных нашими земляками-кузбассовцами. Наш шахтерский край, и в том числе его столица, – уникальный сплав культур и традиций, в сохранении которых призваны участвовать не только деятели искусства, педагоги, журналисты, сотрудники музеев, библиотек, но и всё общество, каждый житель Кузбасса.

Уверен, что одним из «локомотивов» этого движения станет коллектив музея-заповедника «Красная Горка».

Одноименный альманах – уникальное издание, которое вы сейчас держите в руках, – в свете истинной любви к городу с новых сторон открывает историю Кемерова и его жителей. Каждый номер альманаха «Красная Горка» всегда был интересен, разнопланов и неповторим благодаря энергии его творческого коллектива и, конечно, основателя – почетного гражданина города Кемерово, заслуженного работника культуры Российской Федерации, члена Союза писателей России Геннадия Евлампиевича Юрова.

Искренне надеюсь, что кемеровчане всегда будут ценить, беречь и приумножать наше культурное богатство, способствовать тому, чтобы жизнь столицы Кузбасса была наполнена красотой и гармонией!

Глава города Кемерово В. К. Ермаков

Дорогие друзья!

Вы держите в руках 15-й выпуск альманаха «Красная Горка». Каждый год, когда начинается работа над новым выпуском, мы в течение первых месяцев находимся в состоянии ожидания: каким будет этот номер? как соотносятся между собой материалы статей? какие темы станут новыми для альманаха, а какие традиционно продолжатся?

Новый выпуск – результат усилий людей, которые сделали очень многое для нашего музея, результат их глубокой заинтересованности в популяризации истории Кузбасса и родного города. Часть из них являются авторами этого журнала.

В этом номере вы найдете материалы об итогах прошедшего года и значимых юбилеях года нынешнего.

Большую часть журнала мы решили посвятить нашему музею. Сегодня музейные учреждения, призванные сохранять и популяризировать историко-культурное наследие, переосмысливают свою миссию и свои ценности, применяют технические новинки, учатся работать с новыми аудиториями.

Мы надеемся, что все, кто уже побывал на Красной Горке или еще только планирует сюда свой визит, отметят стремление сотрудников музея сделать его интересным и открытым для широкой публики. Нам хочется показать, что не только где-нибудь в Европе, но и в Кузбассе есть уникальные музейные проекты. Один из них – этот журнал.

С волнением ждем вашей оценки и надеемся, что новый выпуск альманаха «Красная Горка» вдохновит людей разных интересов, возрастов и профессий изучать историю малой родины, у альманаха появятся новые читатели и авторы, а у музея – новые друзья.

*Директор музея-заповедника «Красная Горка»
заслуженный работник культуры Российской Федерации
Наталья Шелепова*

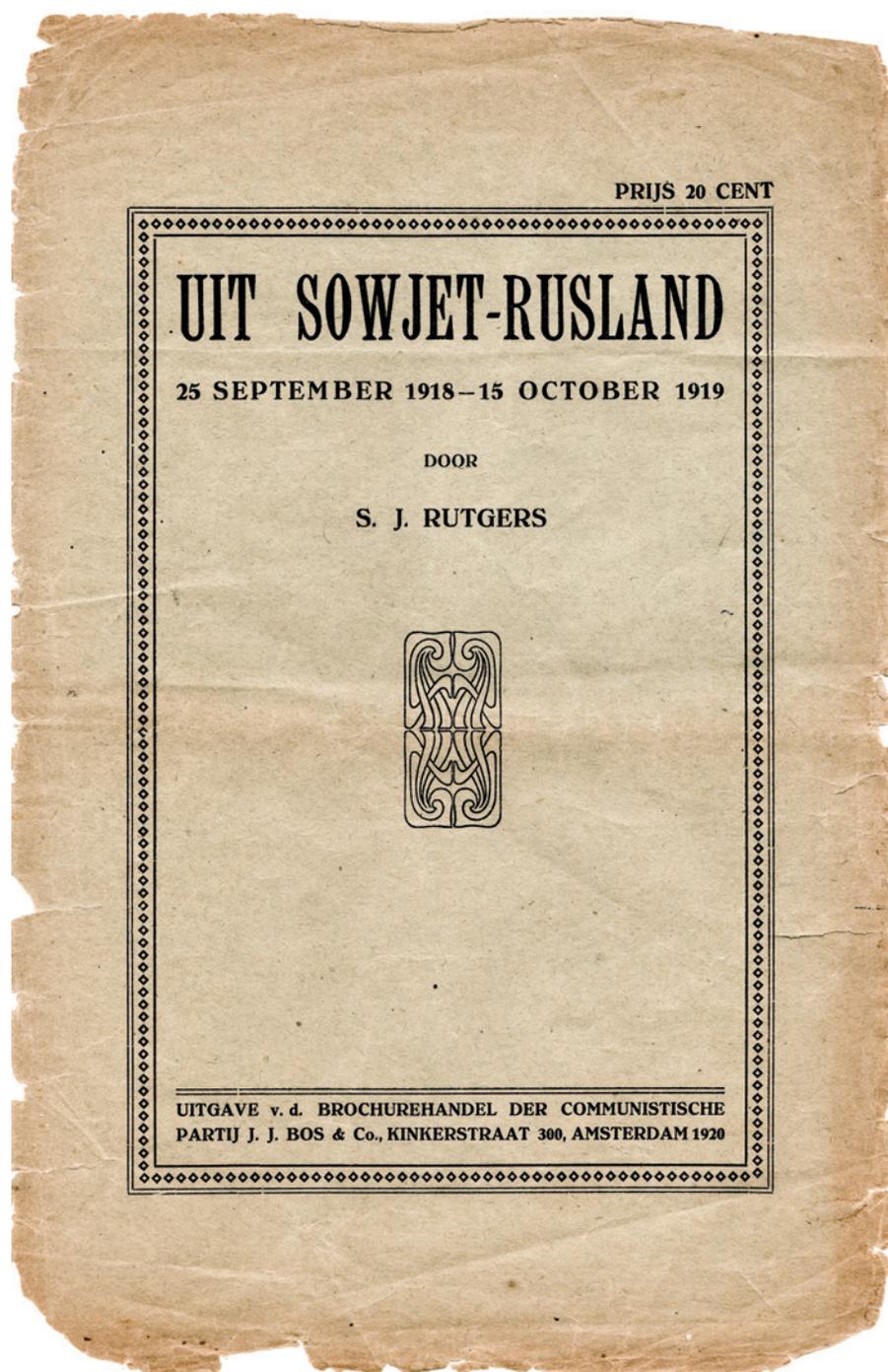

Музей-заповедник «Красная Горка» расположен на территории Кемеровского рудника. Благодаря музею, бывший индустриальный центр города превратился в один из самых популярных культурных центров Кемерова

Д О К Т О Р С . Ю . Р У Т Г Е Р С
ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

25 СЕНТЯБРЯ 1918 ГОДА - 15 ОКТЯБРЯ 1919 ГОДА

*Издание и распространение брошюр Коммунистической партии J. J. Bos и К°, Кинкерстраат,
300, Амстердам, 1920 г.*

Себальд Рутгерс в московской конторе АИК

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

*Доктор
С. Ю. Рутгерс*

В 2014 году в альманахе «Красная Горка» учреждается рубрика «Первая публикация», предназначенная для введения в научный оборот новых документов по истории Кемеровского рудника и города Кемерово. В этой рубрике будут представлены ранее не публиковавшиеся документы, отрывки из книг, статьи, письма, хранящиеся в музее «Красная Горка», в архивах, частных коллекциях. В фондах музея «Красная Горка» находится большое количество материалов на иностранных языках, которые недоступны исследователям, поскольку не переведены на русский язык.

В качестве первого материала предлагаем вашему вниманию статью Себальда Рутгерса «Из Советской России 25/IX-1918-15/X-1919», которая была издана в Амстердаме в 1920 году в виде брошюры на голландском языке. Брошюра несколько лет назад была передана в музей «Красная Горка», но содержание ее оставалось неизвестным, поскольку на русский язык она никогда не переводилась. В настоящее время статья переведена преподавателем Кемеровского государственного университета Надеждой Владимировной Рабкиной.

Публикация посвящается 135-летию со дня рождения Себальда Рутгерса (1879–1961) — организатора и руководителя Автономной индустриальной колонии «Кузбасс».

Голландец Себальд Рутгерс в 1918 году приехал в Советскую Россию из США, чтобы самому составить представление о событиях в стране, о которой в Америке рассказывали самые фантастические небылицы. Он прибыл в Москву накануне первой годовщины Октябрьской революции и присутствовал на Красной площади 7 ноября 1918 года. В Москве

Wil men zich over de Russische Revolutie als geheel of over bepaalde onderdeelen een oordeel vormen, dan zal men steeds de feiten en gebeurtenissen in hun historisch verband moeten beschouwen, d.w.z. als resultaten en elementen in een ontwikkelingsproces. Geen fotografisch beeld, hoe juist ook weergegeven, kan bevredigen, omdat het veel minder belangrijk is na te gaan **wat** op een bepaald moment bereikt is, als inzicht te verkrijgen in welke richting de ontwikkeling gaat en op welke wijze de verschillende omstandigheden deze ontwikkeling beïnvloeden.

Allereerst moet men natuurlijk ten volle rekening houden, behalve met de economische en maatschappelijke toestanden in het oude Czarenrijk, met den diep ingrijpenden invloed van den wereldoorlog. Deze had reeds het economische leven totaal ontwricht en op den kop gesteld. Hierin bracht de Februari-revolutie van 1917 niet alleen geen verbetering, maar het misdadige streven gedurende de Kerenski-periode, om te zamen met de bourgeoisie den imperialistischen oorlog voort te zetten, voerde tot verdere algeheele desorganisatie. De burgerlijke socialisten: Mensjewiki en Sociaal-revolutionairen, die een overwegenden invloed in de regering hadden, bleken, dank zij hun samengaan met de kapitalisten, niet in staat ook maar één ingrijpend vraagstuk ernstig aan te vatten.

Zoo aanvaardden de Bolsjewiki de erfenis van een faillieten boedel: het leger in volledige zelfontbinding; de groote massa der boeren zonder voldoende grond om te bebouwen, met als voorname klasse-uiting den wensch om de eigendommen van hun verdrukkers te plunderen en te vernietigen: waarom zouden zij de landgoederen ontzien of bebouwen zoolang er geenerlei vooruitzicht was de producten te beschermen tegen de hebzucht van landeigenaars en hypotheekbanken, steunpilaren van de „democratische” regeering; de arbeiders in voortdurende gisting, onderhandeling, staking, zonder eenige belangstelling in de productie, slechts vervuld van een groeiende haat tegen degenen, die hun revolutie aan de bourgeoisie hadden uitgeleverd!

Wie zich ook maar eenigszins een beeld tracht te vormen van de omstandigheden, waaronder de Sowjet-Regeering haar werkzaamheden moest beginnen, zal moeten erkennen dat hier een schijnbaar bovenmenselijke taak voor haar lag.

’t Is natuurlijk niet de bedoeling te trachten die moeilijkheden hier uitvoerig te schetsen of een algemeen overzicht te geven van

он познакомился с Лениным, наркомом иностранных дел Чичериным и председателем ВЦИК Свердловым.

Желая помочь России своими знаниями, Рутгерс, будучи специалистом по гидротехническим сооружениям, принял предложение поработать в правительстве, был назначен генеральным инспектором водных путей России. Он проехал по Мариинской водной системе, изучил множество незаконченных проектов гидростанций, оставшихся с царских времен.

В январе 1919 года Рутгерс начал работу в Советской Латвии, куда был приглашен в качестве технического консультанта по восстановлению и реконструкции Рижского порта.

В качестве делегата Компартии Голландии и левой оппозиции Социалистической партии США Рутгерс принял участие в подготовке и работе I-го конгресса III Интернационала, состоявшегося в марте 1919 года в Москве. После окончания конгресса он тяжело заболел и осенью 1919 года вернулся в Голландию для создания Голландского бюро Коминтерна.

Видимо, в этот короткий период, проведенный на родине, он и изложил в статье свою точку зрения на происходящие в России события.

Обращаясь к западному читателю, Рутгерс пытается объяснить, с какими проблемами и трудностями сталкивается Советское правительство, и рассказывает о первых успехах в их преодолении.

Многие его выводы об отношении западных стран к России актуальны и сегодня.

Если вы хотите составить мнение о русской революции в целом или об отдельном ее периоде, важно рассматривать события и факты в их исторической взаимосвязи, то есть как результаты и элементы единого процесса развития. В этом смысле никакая фотография, какой бы детальной она ни была, не будет передавать достоверную картину ситуации, так как гораздо важнее иметь представление о том, в каком направлении совершается развитие и какие события определяют это направление, чем составить себе картину только о текущих достижениях.

Прежде всего, наряду с состоянием дел в экономике и обществе при царском режиме, следует учитывать, какое огромное влияние оказала на российскую революцию мировая война. Она совершенно расшатала и перевернула с ног на голову всю экономическую жизнь. В этом отношении Февральская революция 1917 года не только не улучшила ситуацию, но и вызвала преступные намерения в правительстве Керенского вместе с буржуазией продолжать империалистическую войну, что привело к дальнейшей всеобщей дезорганизации. Буржуазные социалисты — меньшевики и социалисты-революционеры, которые имели влияние в правительстве, — оказались, из-за своей связи с капиталистами, решительно не в состоянии справиться ни с одной задачей.

Таким образом, большевикам досталось в наследство «обанкротившееся предприятие»: армия фактически самораспустилась; у большинства крестьян нет земли для обработки, а их классовое сознание выражается единственно в желании грабить и уничтожать имущество своих угнетателей — какой смысл им беречь поместья и обрабатывать землю, если нет никакой перспективы спастись от алчности землевладельцев и ипотечных банков, этих столпов «демократического правительства»? Рабочие же уже давно находились в состоянии постоянной тревоги, непрекращающихся переговоров, стачек; у них отсутствовал всякий интерес к производству, их переполняла растущая ненависть к тем, кто отдал их революцию буржуазии.

Тот, кто хочет попытаться составить цельную картину тех обстоятельств, в которых Советское правительство было вынуждено начать свою работу, должен признать, что перед этим правительством лежала неподъемная задача.

Я не ставлю перед собой целью подробно обрисовать все имевшие место трудности или дать исчерпывающий обзор развития российских отношений. Для Западной Европы важно

понять, каким образом рабочие постепенно перешли к созиданию и какие духовные силы выпустила на свободу революция.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Советы, установив в ходе своей борьбы власть диктатуры пролетариата, стремились к тому, чтобы общественно полезная работа во всех сферах жизни осуществлялась без эксплуатации одних другими. Профсоюзное движение, в форме профессиональных объединений или промышленных организаций, также стремится вовлечь в свои ряды как можно больше рабочих — так почему бы не создать единую организацию труда? На бумаге это выглядит очень просто.

И вот здесь как раз возникает необходимость рассмотреть все исторические события общественной жизни. Совершенно точно, что процесс развития, вызванный русской революцией, движется в направлении создания единой организации, но мы не можем подобрать аналогов такому процессу в прошлом, этот процесс целиком направлен в будущее. Органы диктатуры пролетариата ни в коей мере не должны корениться в старом обществе: ни в силовых структурах капитализма, ни в буржуазно-демократической государственной машине, ни в капиталистической армии или слепой капиталистической юриспруденции, ни в лживой буржуазной культуре; но всё же они формируются на основе тех структур, которые возникли под влиянием капитализма, как, например, профсоюзное движение. При капиталистическом строе объединяется лишь малая часть рабочего населения — при нем не возникают крупные объединения больших масс батраков и нищих крестьян, чернорабочих, конторских рабов, работников умственного труда, солдат, чиновников, домохозяек. Под капиталистическим господством у профсоюзов есть вполне определенная цель — обеспечить тех людей, которых они объединяют, собственной формой управления, своими комитетами, своими доверенными представителями. Эти структуры можно сколь угодно достраивать или перестраивать, тогда как изменения в революционное время происходят быстро, хотя и не так быстро, как это планируется на бумаге.

Советы, рожденные в борьбе за диктатуру пролетариата, включают в себя, кроме рабочих, еще и крестьян с солдатами и имеют своей

непосредственной целью влиять на все возможные дела в обществе и изменять форму в соответствии с этой целью.

При буржуазном строе дореволюционные Советы имели свои ограничения, однако и им удалось продемонстрировать гибкость, достаточную для того, чтобы при первой необходимости обеспечить побеждающий пролетариат управленческим и силовым аппаратом. Хотя масса рабочих, принимающих участие в образовании Советов, сейчас уже в несколько раз больше, чем число состоящих в профсоюзах, роль профсоюзных организаций нельзя недооценивать. Ее можно наглядно проиллюстрировать на примере попыток организовать Латвийскую Республику Советов. Латыши также сыграли большую роль в революции в России. Они вместе с полками рабочих из Петербурга составляли отборные войска Красной Армии, принимали огромное участие во всех организационных делах и когда они в 1919 году пришли к власти в Латвии, то уже имели большой революционный опыт. При этом стоит помнить, что сельское хозяйство в Латвии основано в основном на земледельческих предприятиях, управляемых наемными работниками, а Рига уже давно является признанным промышленным центром. В Латвии рабочие решили основать выборы в Советы целиком на профсоюзных организациях (разумеется, имеются в виду не те первые Советы, которые были сформированы второпях, в ненормальных условиях). Профсоюзы оказались незаменимы — для того чтобы принимать участие в политической и экономической жизни страны, человек обязательно должен был принадлежать к одному из профсоюзов. К примеру, чтобы руководить отделом гидротехнических сооружений, я должен был бы сперва вступить в профсоюз строительных рабочих.

Следует заметить, что даже этот предварительный этап не был осуществлен и на две трети, и просуществовала Латвийская Республика, к сожалению, недолго. Кроме того, такая организация дел вызвала определенные осложнения. Проникновение в профсоюзы интеллигенции и различных промежуточных групп определенным образом влияет на чистоту пролетарского характера революции, и если эти группы получают вес в профсоюзах, такое влияние может стать опасным. В Латвии приходилось принимать в профсоюзы индивидуальных предпринимателей, сотрудничающих с рабочими, что было связано с пищевым снабжением. При тогдашнем социальном составе это все

не вызывало каких-либо основательных возражений, и я полагаю, что при благоприятном соотношении такой метод работы заслуживает похвалы.

Могло ли это послужить причиной, чтобы отказаться от объединения отдельных Советов? Никто об этом и не думал. Даже если бы выборы в Советы целиком базировались на профсоюзах, что охватывало бы практически все работающее население, нельзя было бы избежать появления Советов.

Советы обладают более расширенной общественной функцией, чем профсоюзное движение, и поэтому перед формой этой организации и людьми, которые в нее делегируются, должны ставиться другие цели. Что касается формы организации, то она в обоих случаях зиждется на предприятии или рабочем месте как на самой мелкой единице.

Для представительства в промышленной организации эта профячейка выбирает дальше фабрично-заводской комитет (фабзавком) из 5-7 членов, который осуществляет определенные функции (контроль над управлением завода и т.д.). Следующие инстанции организуются в основном по промышленной линии, пока все нити не сойдутся во Всероссийском исполнительном комитете профсоюзного движения.

Для организации Совета, напротив, каждый завод выбирает своих делегатов в зависимости от количества рабочих на этом заводе, один делегат на определенное количество рабочих. Собрание этих делегатов всегда проходит на местном уровне, в местные Советы. Этими Советами, в свою очередь, формируются правительственные Советы и Всероссийские Советы, на последних же выбираются народные комиссары. Таким образом, возникает смешение крестьян и рабочих, и тем трудящимся, которые работают не на заводах или в цехах, также удается участвовать в создании Советов. Советы, следовательно, имеют более общественный характер за счет своего сложного устройства, чем промышленные организации, хотя последние сохраняют более пролетарский характер, что возможно и для Советов, при полном исключении буржуазии. Было бы познавательно проследить историю развития профсоюзного движения в России.

После Февральской революции 1917 года профсоюзы возникали как боевые организации, и большевики обладали в них большим влиянием. Кроме того, формировались также фабзавкомы, которые выставляли свои требования и добивались их, без какого-либо взаи-

*Делегаты
I-го конгресса
Коминтерна. В
последнем ряду 10-й
слева - С. Рутгерс*

модействия друг с другом. В этих фабзавкомках, кроме большевиков и членов профсоюзов, большим влиянием пользовались анархисты и прочие неорганизованные элементы. Когда после большевистской революции началась национализация, эти заводские комитеты, снова без всякого взаимодействия друг с другом, перешли к экспроприации «своих» заводов, и подчас вместе с капиталистами изгонялась и основная инженерно-техническая сила, а предприятия переходили под контроль своих же рабочих. При этом, к примеру, пороховой завод мог несколько месяцев работать без инженеров и химиков и все-таки не взлетал на воздух. В других случаях, если рабочие не нашли возможности приобрести сырье или предпочли вернуться к крестьянскому образу жизни, фабрики закрывались, а запасы и инструменты распределялись между ними. При этом требовалось тщательно проконтролировать, чтобы всем досталась одинаковая доля. Аналогичным образом поступали и некоторые экипажи кораблей, и не только военного флота, но и, к примеру, команды буксиров и барж на Волге.

Само собой разумеется, что Советы, как орган, представляющий интересы рабочих, активно выступали против такого подхода, и, в первую очередь, с помощью массовой пропаганды — мощного оружия социалистической республики. До всех доводился главный принцип: заводы — не для тех рабочих, которые заняты на них, а для всего общества. И этот принцип начал облекаться в материальную форму с созывом «Высшего Экономического Совета» — Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) с его местными ответвлениями,

в которых, кроме народных комиссаров, заседали и делегаты от профсоюзов и Советов. Вся национализация производилась этим ВСНХ, а управление предприятиями осуществлялось специальными комиссиями, одна треть представителей которых выдвигалась рабочими предприятия (для мелких предприятий — профсоюзами), а две трети — органами ВСНХ. Половина из этих двух третей назначалась из служащих и технического персонала. Таким способом большая часть административного комитета оставалась в руках рабочих, а рабочие, занятые на данном конкретном предприятии, не получали значительного перевеса влияния. Кроме административных кабинетов, оставались еще фабзавкомы, состоявшие исключительно из рабочих данного конкретного предприятия и выбиравшиеся ими же. Задачи этих комитетов ограничивались заботой о каждодневных нуждах рабочих и осуществлением общественного надзора. На том этапе революции существовала тенденция к уменьшению полномочий фабзавкомов, а управляться с делами предоставляли административным кабинетам, что объяснялось не только реакцией на изначально не организованную работу фабрично-заводских комитетов, но также ходом развития всеобщего профсоюзного движения: профсоюзное движение, которое при большевиках стало принимать огромное участие в борьбе за революцию, с установлением рабочей диктатуры значительно уменьшило свое влияние.

Стачки и борьба за улучшение материального положения потеряли смысл в той ситуации, когда рабочие сами стали руководить своим предприятием. Деятельность профсоюзов све-

*Москва, 7 ноября
1918 года. 1-я
годовщина
Октябрьской
революции. На
трибуне В.И. Ленин*

лась к участию в решении важных вопросов, но это вмешательство со временем несколько не увеличивалось и постепенно свелось к решению таких вопросов, как размер заработной платы, условия труда и т.п. На организацию промышленности они имели влияние только через делегатов, выдвигаемых в ВСНХ. Кроме того, быстро увеличивалась роль фабзавкомов, которые теперь могли активнее влиять на работу предприятий. Во многих местах они формировали советы комитетов и устраивали разнообразные конгрессы.

Таким образом, параллельно существовали две организации, что не могло не привести к трениям. Профсоюзы видели всю шаткость этой ситуации, поэтому была проведена реорганизация. Профсоюзы теперь организовывались в соответствии с предприятиями и профессиями и состояли в отраслевых объединениях, где минимальной единицей считалось предприятие.

Таким образом, фабзавкомы становились частью общего профсоюзного движения и оказывались под контролем вышестоящих инстанций, правительства или профсоюзных конгрессов. Они также потеряли свой партикулярный характер и получили возможность заниматься более общими проблемами. После этой реорганизации отмечалась тенденция к стремлению вернуть фабрично-заводским комитетам былое влияние.

Все чаще и чаще административные кабинеты стали сводиться к одному-двум представителям, которые управляли предприятием в тесном сотрудничестве с фабрично-заводскими комитетами. Конечным результатом было бы развитие до промышленной организации

в духе американской ИРМ (индустриальные рабочие мира) и европейских «Shopsteward», «Betriebsräte» или «Comité's d'usines».

Никто и представить не мог, что в России развитие на всех предприятиях пойдет по этому рецепту. Сила революции заключается в том, что это живой организм, который учится логически приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам. Размер влияния заводских комитетов зависит только от самого предприятия, сознательности и революционной образованности его рабочих.

К примеру, на уже упомянутом выше Шлиссельбургском пороховом заводе на Ладожском озере все управление целиком оказалось в руках фабзавкома. Хотя один из членов был назначен ВСНХ и был его представителем, он все-таки был избран рабочими и из рабочей среды. С другой стороны, в конце 1918 года я узнал об одном случае на заводе в Поволжье, там работало около двух сотен рабочих и управление целиком осуществлялось административным кабинетом, а фабзавком был распущен. Причина была выдвинута следующая: в фабзавком ушли лучшие квалифицированные рабочие завода, а найти других не представлялось возможным.

Здесь интересно было бы изложить историю Шлиссельбургского порохового завода. Раньше на нем было занято 10 тыс. человек, однако во время правительства Керенского завод был практически остановлен и снова заработал только через какое-то время после Октябрьской революции. В настоящее время там трудятся 4,5 тыс. человек, динамитный цех не работает, так как невозможно достать сырье, в связи с чем завод открыл новый цех по про-

изводству сахара из отходов деревообработывающей промышленности по технологии, разработанной одним русским инженером. Этот цех производит в настоящий момент всего несколько десятков пудов (40 фунтов) в месяц. Чтобы решить проблему с топливом, используют лес и торф. Инженеры, задействованные на этом предприятии, выступают единственно в качестве консультантов, без какой-либо ответственности перед организацией предприятия. Многие из них поначалу сильно протестовали, но постепенно некоторые отдали предпочтение такому образу действия. Среди рабочих изначально господствовало неуважение к труду инженеров, и они полагали, что инженеры первой категории несправедливо получают продуктовый паек (хотя впоследствии это обстоятельство многими было одобрено). В этом отношении также намечаются улучшения в том, что касается переоборудования завода и приведения в порядок нового цеха, где знание инженерного дела уже принесло свои плоды.

Кроме как на заседаниях фабзавкома, все более или менее важные вопросы обсуждаются и на еженедельных собраниях представителей всех подразделений (по два от каждого, итого 80 человек). Все важные вопросы переходят потом на рассмотрение на общественном собрании всех рабочих завода, занятых в химическом производстве, хотя среди них есть и машинисты, слесари, плотники и т.д. Продукция первоначально сократилась в три раза, до 40 пудов. После того как хлебный паек составил 1 фунт в день, производство возросло до 60 пудов за 6-часовую смену. В начале 1919 года ввели премии — не индивидуальные, а групповые, часть из которой можно было получить хлебом. Это стало возможным благодаря вышедшему на всех заводах и в рабочих группах постановлению посылать своего представителя в зернопроизводящие области для закупки зерна на всю группу на свободном рынке. Потом зерно разделялось между рабочими группы, и эти полуофициальные поставки также учитывались при обсуждении вопросов распределения продуктов питания. Такое зерно на пороховом заводе помещалось в общий фонд, из которого выделялись упомянутые премии, принесшие такой хороший результат, что производство возросло до 100 пудов — выше, чем до войны.

Один химик, посвятивший меня в сегодняшнее состояние дел на заводе, уверял, что рабочие не только стали ратовать всей душой за успехи предприятия, но многие из них существенно повысили свое техническое образова-

ние. Открылись курсы, где рабочие постигают теорию своего мастерства и где выступают с лекциями все задействованные на заводе инженеры. Открываются школы для детей до 16 лет, вечерние школы для рабочих, музыкальная школа, кинотеатры, концертный зал, куда приезжают с гастролями артисты из Петербурга. Современное кафе, обставленное лучшей мебелью из ресторанов Петербурга, позволяет кормить одновременно тысячу рабочих. Ежедневно там едят два раза в день 3 тыс. рабочих, хотя многие по-прежнему отдают предпочтение домашней кухне, но их количество уменьшается, и в будущем планируется еще увеличить число пунктов общественного питания. Эти пункты питания оборудованы по современным технологиям, причем кухонное оборудование взято из печально известной тюрьмы Шлиссельбурга. Кто не пользуется общественными пунктами питания, кооперируются, чтобы привозить из Петербурга одежду и другие предметы быта. Такими кооперативами руководит вышеупомянутый фабзавком.

Далее можно перечислить некоторые решения, принятые фабзавкомом и одобренные общественным собранием рабочих завода. В августе 1919 года было решено уменьшить хлебный паек в связи с проблемами в пищевой промышленности, хотя на самом заводе имелись запасы хлеба.

С воодушевлением было принято решение временно приостановить работу завода, чтобы предотвратить истощение запасов бензина. Завод в основном использовал в качестве топлива бензин, значительные запасы которого хранились в специальных бочках на заводе. Когда поставки из Баку прекратились, вопрос с бензином для предприятий и транспорта обострился по всей России. За время перестройки завода под использование древесины и торфа запасы бензина могли закончиться. Поэтому решено было остановить производство и бросить все силы на перестройку завода. При этом большая часть рабочих осталась без работы и вынуждена была довольствоваться частичной выплатой пособий. Поначалу многие были категорически против, но присланным из Петербурга пропагандистам удалось их переубедить, и решение было принято подавляющим большинством голосов.

Я написал о пороховом заводе для подтверждения общей картины, свидетельствующей о том, что участие рабочих в управлении предприятием может иметь очень хорошие результаты. Не стоит также забывать, что реше-

Шлиссельбургский
пороховой завод

ния, приведшие к увеличению производства за полгода и улучшению экономической ситуации на заводе, были одобрены ВСНХ, что позволяет осуществлять взаимосвязь с общим производством в стране.

В текстильной промышленности дело со свободой слова фабзавкомов обстоит аналогичным образом. Можно сказать, что здесь достигнута система общественной согласованности между ВСНХ и рабочими предприятий, что позволяет сгладить любые противоречия между фабзавкомом и административным управлением. В текстильной промышленности нередки случаи, когда одна комиссия по административному управлению руководит несколькими предприятиями, однако эти комиссии выбираются профсоюзами. На практике это происходит обычно так: один из членов Экономического Совета предварительно консультируется с рабочими предприятия относительно оптимального состава административной комиссии, потом имеет место голосование рабочих, а дальше этот выбор должен быть одобрен ВСНХ. Если есть жалобы, что, к примеру, рабочие склонны отдавать ведущие посты бывшему фабричному руководству, созывается собрание — и люди находят решение.

Многим такой порядок вещей покажется непонятным. Мы настолько привыкли к точно прописанным управленческим процедурам, что не в состоянии представить себе живой организм, где это управление основано на собраниях, обсуждении и приспособлении.

Также важно указать, из кого в конечном итоге оказывается составлена административная комиссия. В целом, во второй половине 1919 года было 50 таких комиссий, осуществлявших управление 543 национализированными текстильными фабриками. В этих комис-

сиях состояло около 300 человек, из которых 93 были рабочими текстильного производства, 61 — рабочими других сфер деятельности, 49 — административными работниками (клерки, бухгалтеры и т.д.) и 105 — техниками и инженерами. Из них 102 члена были коммунистами, 27 — кандидатами в коммунисты и 128 — беспартийными. Остальные принадлежали к различным другим политическим движениям или не указали своей политической принадлежности. Что касается образования, то здесь ситуация следующая: у 168 было начальное образование, у 32 — среднее, у 58 — высшее, 14 окончили техникумы, а 13 указали, что занимались самообразованием. Среди 11 членов центрального комитета, руководящего всей текстильной промышленностью, был один инженер, один бухгалтер, а остальные — рабочие.

Само собой разумеется, что ни о какой успешной национализации не могло идти и речи, если бы руководство предприятиями осталось старым. Как правило, самые современные и важные предприятия первыми попадали под национализацию, и среди них были и такие предприятия, где старое руководство не желало или оказывалось неспособным приспособиться к новым условиям.

В октябре 1918 года было национализировано только 12 текстильных предприятий, в феврале 1919-го — уже 17, а в октябре 1919 года — 543. Это означает, что сейчас национализировано 98% бумагопрядильных фабрик и 75% хлопчаткацких фабрик, 86% шерстопрядильных фабрик, 100% льнозаводов.

Кроме 543 национализированных текстильных предприятий, 307 находятся под руководством отдельных подразделений ВСНХ, 165 фабрик меньшего размера закрыто, хотя и находятся в рабочем состоянии, так что ВСНХ распространяет свои полномочия на 1015 текстильных предприятий.

В летние месяцы 1919 года все текстильные фабрики были закрыты ввиду трудностей с топливом и пищей, чтобы дать возможность работникам принять участие в сборе урожая. Некоторых задействовали в подготовке пищевого снабжения для рабочих-текстильщиков и в заготовке древесины для зимы. Другие оставались на месте для текущего ремонта завода и поддержания его в исправном состоянии. 1 октября 1919 года снова открылись 29 фабрик льна, 51 — хлопка, 57 — шерсти, 5 — шелка, 13 — конопли, 7 красилен и 34 трикотажные фабрики. 10 октября пришел первый поезд с хлопком из Туркестана, подход к которому ос-

вободила Красная Армия. В октябре 1919 года оставался еще годичный запас льна и шерсти было в достаточном количестве. Остро стоял вопрос сырья хлопка и прежде всего топлива, несмотря на поставки из Туркестана, потому что поезда из Туркестана не заходили в район Каспия. Да и добыча хлопка в Туркестане сократилась в 1919 году с обычных 9 млн пудов до 5 млн пудов. Но после того как Туркестан был отвоеван, были приняты меры к восстановлению производства хлопка.

Под влиянием дефицита хлопка были изобретены очень важные новые способы химической и биологической обработки льна на прядильных станках для хлопка. Эти изобретения были доведены до практического применения. На выставке достижений текстильной промышленности я видел много замечательных образцов, выполненных по этим технологиям. Модели выглядели упрощенными, зато были достигнуты хорошие результаты в переработке отходов производства.

Число сотрудников административного аппарата в этой области уменьшилось с 30 тыс. человек до 5,5 тыс.

Таким образом, проблемы привели к новым изобретениям и улучшениям. Я уже упоминал новый способ производства сахара. Также достигнуты неплохие результаты в изобретении заменителей чая и кофе. Также есть прогресс в переработке торфа. На так называемой электростанции «Проводник», в 60 км от Москвы, где добывается торф, сейчас устанавливается новая паровая турбина, и скоро можно будет обрабатывать торф гидравлическим путем: торф перемешивается с водой и транспортируется по трубопроводу при помощи насосов. Проблема в том, что вода так хорошо смешивается с торфом, что устранить ее можно только высушиванием. Сейчас уже выяснили, что, используя воду определенной жесткости, получаемую из скважин, можно преодолеть связь торфа с водой с помощью механических прессов. Новый подход произведет настоящую революцию в этой области и позволит обрабатывать торф круглый год вместо нескольких месяцев.

Не менее замечательные результаты продемонстрировали эксперименты в области перемалывания угля в порошок для локомотивов. Хотя запасов каменного угля не хватает и число локомотивов невелико, однако удалось выделить один локомотив и перестроить его для этого эксперимента. Испытания проводились под руководством экспериментального института, основанного во время революции. В нем

есть все условия — от тщательнейшего анализа металлов под микроскопом до испытаний сил тяги целых локомотивов и замеров напряжения и колебания железнодорожных мостов. Во главе института стоит рабочий, хотя, разумеется, вовлечено некоторое количество профессоров. Директор провел для меня экскурсию, показав работу различных отделов, которая оказалась на высоте. Также он продемонстрировал мне духовную свободу своих сотрудников, занятых научной деятельностью: ученые, которые занимаются определенными исследованиями, могут целыми днями работать дома или в библиотеках без какого-либо контроля над ними или последующих взысканий. Отношение к профессорам, занятым в этом учреждении, также было удовлетворительным.

Тем не менее отношение к интеллигенции разочаровывает. Общеизвестно, что ее представители поначалу дошли до открытого саботажа и отказа работать. Когда рабочие не поддались на их уговоры, служащие вынуждены были продолжить работу, но тихий саботаж преодолен еще не полностью. Также есть косвенно враждебные элементы среди инженеров и т.д., которые очень трудно приспособляются к новым условиям. Кроме того, там, где во главу угла ставятся интересы рабочего, возникает некоторое количество неудобств определенного характера в жизни тех, кто склонен ни в чем себе не отказывать. Я упоминал о подселениях, о дефиците некоторых товаров, в которых рабочий не нуждается, потому что их доступность стоит для него на последнем месте и он ее не замечает. мелкобуржуазный образ жизни настолько присущ духовной и материальной жизни интеллигенции среднего класса, что оторвать их от нее не представляется возможным.

Наибольшей проблемой является изменение межличностных отношений между рабочими и интеллигентами. Инженер, к примеру, настолько привык, что рабочие выполняют работанный им план, что совершенно не готов признать, что они получили решающий голос во всех проектах. Кроме того, рабочие принимают меры, которые, по мнению инженера, приведут к худшему результату. Это неизбежно ведет к противодействию со стороны интеллигенции, которая хочет сделать как можно лучше. К сожалению, невелико количество тех интеллигентов, которые пришли к выводу, что в революционный период не только госаппарат, но и ряд старых экономических, общественных и технических отношений должен быть разру-

шен до основания и отстроен заново. В русской революции так произошло (и можно ожидать того же результата в условиях других революций пролетариата), что интеллигенция среднего класса стала играть контрреволюционную роль, и то, что старые социалистические партии стали предателями, — уже доказанный факт.

Когда я работал главным инженером водных путей сообщения России, у меня была масса возможностей наблюдать настроения в рядах многих инженеров и их достижения. Я подчеркиваю, что все одаренные и высокообразованные инженеры приспособились к новому строю. В то же время возникло некоторое количество технических проблем, решение которых могло бы привлечь любого инженера, а результат был все же в высшей степени неудовлетворительным. Несмотря на то что высший ВСНХ признал за «специалистами» право на дополнительную зарплату, значительно превышающую зарплату народного комиссара, в тех цехах, с которыми я имел дело, ими было проделано мало работы. Там господствовало подавленное настроение, сильно заметное по сравнению с бурной жизнью и деятельностью в среде рабочих. Ситуация улучшалась по мере того, как инженеры больше контактировали с рабочими, а наиболее положительный результат достигнут там, где непосредственный контроль осуществлялся рабочими.

В отличие от слабой работы большинства центральных служб, где большинство — интеллигенция и бывшие чиновники, деятельность Бюро Труда оказалась наиболее удовлетворительной. В этом комиссариате всем руководили профсоюзы, и все должности, за редким исключением, занимали рабочие. В его компетенции входит не только охрана труда, но также и распределение труда по всей России. Этот комиссариат отличается отсутствием лишней бюрократической волокиты — в Москве в нем заняты всего 20 человек. Из них 15 были мобилизованы в связи с осложнением на Южном фронте в июле 1919 года, и весь труд лег на плечи оставшихся 5 сотрудников. Эта ситуация может послужить примером тех дополнительных трудностей, которые возникали из-за боевых действий.

Еще одна из существующих в Советской России проблем, которой занимается комиссариат труда, — это безработица. С середины 1919 года эта проблема перестала быть всеохватной, и сейчас, напротив, существует нехватка рабочей силы. Предпринимаются попытки привлечь рабочих из деревень в города с помо-

щью финансовой компенсации за переезд, издержки на дорогу и т.д. Для одного завода таким способом было завербовано не меньше 3 тыс. рабочих. Нехватка рабочей силы объясняется частично военной мобилизацией, частично тем фактом, что многие рабочие заняты на управленческих должностях. Городские рабочие переместились на поля вследствие недостатка снабжения в городах и благодаря тому, что еще не утратили связь с селом и, по крайней мере, не забыли сельский труд. Наиболее явно такая миграция наблюдалась в Петербурге, где было закрыто много предприятий. Число рабочих на предприятиях, где заняты более 100 человек, на 1 января 1913 года равнялось 194212. Из-за войны к 1 января 1917 года их насчитывалось 403376, а в декабре 1918 года их количество упало до 124071 человека. Это перемещение принесло пользу деревне, где намечилось значительное оживление благодаря возвращающимся домой солдатам, которые являются благоприятной почвой для пропаганды.

Комиссариат труда имеет один общий орган и несколько подразделений, самое важное из которых занимается трудовой статистикой. Каждое крупное профсоюзное объединение также имеет свой орган, в подавляющем большинстве курируемый большевиками. Только орган типографии оставался меньшевистским, а у рабочих химической промышленности он занимает нейтральное положение.

Для тех, кто привык к диктатуре меньшинства, может показаться странным, как во всех этих огромных профсоюзных организациях власть по-прежнему остается в руках большевиков. Но это явление можно наблюдать не только в Москве и Петербурге. На недавно прошедших в Симбирске (на Волге) выборах оказалось, что выбрано 80% коммунистов. Даже тогда, когда в Петербурге на выборах в октябре 1919 года выборщиками были члены кооперативов (50 тыс. чел.) и потребительских организаций, склонявшихся к оппозиции, из 166 делегатов 144 оказались коммунистами. Это происходит потому, что у коммунистов замечательная организация, они работают слаженно, как единый организм, и действуют по общему плану. Но более всего это следствие логики фактов. Оппозиционные партии не только раздроблены, но у них нет и подходящей программы, которую можно было бы противопоставить коммунистам. Они сами вынуждены признать, что только под руководством коммунистов страна может победить контрреволюцию. У большевиков мощнейшая пропаганда,

и рабочих они убеждают с помощью железной логики. Это также сбавывает и с крестьянами. И будь число образованных пропагандистов на селе выше, сложностей, которые имеются в деревне сейчас, удалось бы избежать.

Отношения с крестьянами, особенно на юге России, представляет для Советов наибольшую проблему. Была оставлена попытка завоевать деревню с помощью комиссий из бедных крестьян, и основная задача теперь — не допустить к участию в деревенских Советах богатых крестьян и деревенских ростовщиков. Принудительные меры, когда для формирования коммуны применяется давление, единодушно порицаются, и среднему крестьянину активно идут навстречу. Относительно результатов образования коммун еще ничего определенного сказать нельзя. Основная масса для них набирается среди бедных крестьян и городских рабочих. Им помогают семенами, сельхозорудиями, научными консультациями, и в ряде случаев уже достигнуты удовлетворительные результаты. Земля, ранее принадлежавшая поместьям, обрабатывается бедными крестьянами совместно, а работникам выплачивают фиксированную зарплату с соответствующим социальным обеспечением, больничными, пособием по безработице и т.д. Руководство осуществляется по той же схеме, что и на предприятиях. Оказалось, что комитеты на сельхозпредприятиях, по аналогии с фабзавкомом, имеют ничтожно малое влияние. В последнее время возникла тенденция отдавать сельхозпредприятие под надзор ближайшему заводу или городским рабочим, которые потом получают часть продукции. В том, что рабочие могут принимать участие в сборе урожая, лежит возможность для сближения города и деревни.

Само собой разумеется, что территории помещий должны по возможности обрабатываться машинами и что нехватка такого оборудования представляет собой большое затруднение для дальнейшего развития. Еще одна нерешенная проблема заключается в том, что крестьяне в большинстве своем хранят сбережения, так сказать, «в кубышке» и ничего не покупают. Это проблематично для реорганизации денежных отношений, поскольку крестьяне сопротивляются любым попыткам конфисковать бумажные рубли, что мешает связи города и деревни. В этих обстоятельствах продажа продуктов по фиксированной цене воспринимается крестьянами как одностороннее бремя, чему не способствует присутствие рабочих в деревне. Отношения улучшатся, когда промышленность встанет

*Шлюз
Мариинской
водной системы*

на ноги и начнет обеспечивать деревню тем, что ей необходимо. Но это произойдет не раньше, чем закончится послевоенное время.

При оценке развития России нужно постоянно помнить о том, что она находится в состоянии войны, что линия фронта протянулась на тысячи километров. В бездонной кровавой пучине сгнули лучшие ее молодые революционеры — рабочие войска из Петербурга и других мест, которые занимали самые опасные участки и были непобедимы, потому что на места павших тут же становились их товарищи. Но при этом исчезла та продукция, которая могла бы улучшить состояние экономики. В условиях, когда в первую очередь необходимо заботиться о нуждах Красной Армии, то, что собиралось с таким трудом, в некоторых случаях пропадает зря. Промышленность вынуждена производить орудия, винтовки, амуницию и т.д. вместо того чтобы делать топоры, косы и другие сельскохозяйственные орудия.

Но хуже всего то, что выведена из строя система путей сообщения, а это существенно затрудняет доставку сырья и распределение продуктов. Из 19,5 тыс. локомотивов в России (включая Сибирь и Украину) в руках Советского правительства к началу 1919 года оказались 8989, из которых 1112 требовали ремонта. Эта ситуация тяжелая, но не катастрофическая. Состояние вагонов таково, что из 260 тыс. вагонов в неисправном состоянии находятся 44 тыс. За 1919 год состояние локомотивов также улучшилось за счет применения новых материалов при починке старых локомотивов и создания новых. Но износ в этой области сильный, и помощь зарубежной промышленности точно не помешала бы. С подходящей организацией и сосредоточенностью только на мирных нуждах

железной дороге все равно предстоит долгий путь восстановления. Почему это произошло? Железная дорога обслуживала нужды армии, и здесь важную роль играл характер войны: только Советы концентрировали силы на одном участке фронта, чтобы отбить готовящееся нападение, как тут же обострялась ситуация на другом фронте.

То, чего хотят западные демократические режимы, они не в состоянии добиться военными силами, и это истощение и дезорганизация. Интервенция в случае применения этих режимов сводится к поддержанию или неподдержанию бандитских генералов, но так они могут ввести в заблуждение своих собственных рабочих. Но факт остается фактом: перемещение фронта, допустим, с юга в Сибирь или Петербург, предъявляет огромные требования к железной дороге. В особенности плохо то, что часто приходится класть объездные пути или вести все составы через один пункт, при этом гражданские составы вынуждены уступать место военным. И главное в такой спешке — не допустить путаницы. Кроме того, Донецкий каменноугольный бассейн находится в руках врага и частично разорен, а сообщение с Баку, откуда приходит бензин, опять приостановлено. Если раньше в качестве топлива пользовались углем или бензином, то теперь перешли на дрова. Дрова занимают много места при транспортировке, да и сами локомотивы передвигаются на дровах (не меньше половины всего железнодорожного транспорта на сегодняшний день).

Другие транспортные средства также пострадали от войны. Автомобили едва в состоянии обслуживать административный аппарат, почтовые перевозки и транспортировку больных, так как нужды армии на первом месте. Самолеты используются только для нужд армии. Все лошади заняты в сельском хозяйстве или используются для транспортировки дров из леса. Система водного транспорта также сильно повреждена войной. Волга, главная водная артерия, многократно становилась целью атак обеих воюющих сторон, и всякий раз линия фронта пролегла по ней.

Если принять во внимание все эти обстоятельства, удивительно даже то, что Советская Республика просто продержалась на плаву два года. А она еще и усилила свои позиции, да так, что даже официальные враги — меньшевики и национал-социалисты — предпочли сотрудничать с ней на благо революции. Учитывая, сколько всего при таких обстоятельствах достигнуто в экономике и промышленности,

можно с уверенностью утверждать, что Советская Республика жизнеспособна и будет существовать дальше, и каждый пролетарий должен верить в себя, чтобы взять свою судьбу в свои руки.

На данный момент основная задача России — повысить производство, но не для получения выгоды, а для собственных нужд. Придется преодолевать замкнутый круг: чтобы развивать промышленность, нужны еда и сырье, а чтобы их получить, нужно что-то отдавать крестьянам взамен. Есть два пути решения этой проблемы: или нужно завоевать доверие крестьян, чтобы они согласились продавать товары за советские деньги или за обещание обменять эти деньги на промышленные товары, или люди должны трудиться на заводах, преодолевая голод и физическое истощение. Доверие крестьян часто подрывалось неразумными мерами, которые применялись по отношению к ним. Но сейчас ситуация улучшилась, и борьба ведется только с богатыми крестьянами и деревенскими ростовщиками; много внимания уделяется пропаганде духовного развития крестьян.

Что касается продуктивности фабрик, то на практике доказано, что при наличии достаточного питания, сырья и топлива она может превосходить дореволюционные показатели. Слова комиссара Красина о том, что такой результат может быть достигнут в каждой отрасли промышленности за три месяца при вышеупомянутых условиях, можно принять на веру. Но проблема сырья и топлива опять-таки связана с проблемой питания.

Хотя пищевое снабжение также улучшилось в последнее время. За второй год революции органом, ответственным за распределение средств, было распределено в три раза больше продуктов, чем за первый год, и ожидается, что за третий год это количество вырастет еще вдвое. Рабочие кооперативы, нейтральные кооперативы и отдел распределения продуктов в будущем планируется объединить из соображений экономии, но нехватка продуктов питания — вопрос первостепенной важности, и его решение не терпит отлагательств.

Удалось добиться положительной динамики в текстильной промышленности с введением премий там, где это возможно. Под руководством одного американского инженера, ассистента знаменитого Тейлора, пытаются реализовать на практике элементы новой системы, направленной на избавление от ненужных движений и излишних растрат в процессе производства, чтобы производить как можно больше

при наименьших энергозатратах как для организма рабочего, так и для техники.

Более многообещающим средством, возникшим спонтанно среди революционных рабочих, представляются так называемые коммунистические субботники. Их смысл заключается в том, что для преодоления временных трудностей рабочие бесплатно работают в свое свободное время — вторую половину и вечер субботы, как правило, лишние 6 часов.

Русские коммунисты готовы жертвовать своим здоровьем для повышения производства и укрепления революции. В первую очередь на эту работу подписываются коммунисты, а потом постепенно подключаются и остальные. Субботники — это не безрадостное выполнение однообразного ежедневного труда. Работа концентрируется на тех пунктах, где она имеет первостепенное, особое значение. К примеру, произошли перебои с поставкой товаров и остро необходимы вагоны. Тотчас составляется колонна, вагоны разгружаются, и снабжение восстанавливается за короткое время. Эта работа осуществляется представителями всех профессий — от советского служащего или пропагандиста до рабочего ручного труда или мастера. Под звуки «Интернационала» организуется соревнование. После выполнения задания все идут в ближайший клуб, который организован в реквизированном у миллионеров особняке, пьют чай и общаются. И результативность такого труда на одного человека в час в два-три раза выше, чем за зарплату, несмотря на неквалифицированный характер труда и недоедание. Ленин также отметил этот новый институт: добровольный общественный труд, самодисциплина, взаимное стремление целенаправленно и быстро выполнить необходимое, нет ни надзора специалистов, ни надоевших высокомерных конторских служащих, только свободный труд под песни и шутки. Получат ли коммунистические субботники широкую поддержку и распространятся ли на целые сферы промышленности, на все дни недели? Имеем ли мы здесь дело с зачатком нового вида труда, который охватит все общество и революционно изменит его? Совершенно точно, что русская революция богата новыми возможностями, и в этом загадка ее мощи, ее непобедимости, неуязвимости от ударов извне.

Еще на первом заседании ВСНХ Ленин заметил, что со временем Совет, как инструмент рабочей диктатуры, потеряет свое значение, по мере того как мощь пролетариата будет нарастать, и что советы народного хозяйства, которые

организуют непосредственно экономическую жизнь, окажутся, возможно, самым прочным созданием революции. С тех пор реорганизованная профсоюзная организация (или, точнее, организация на предприятиях) принимает все больше участия в управлении, и все идет к тому, что она будет играть еще большую роль в работе ВСНХ. Многие склонны видеть в свободной организации труда элемент общества будущего, особенно в том, какое выражение она нашла в коммунистических субботниках.

О чем-то таком мечтают энтузиасты из Пролеткульта (организация, продвигающая культуру пролетариата): что все экономические, общественные и духовные функции сольются в единое целое — единство труда, науки и искусства. Они говорят о рабочих школах, в которых будет больше науки, и об искусстве, основанном на труде, охватывающем всю общественную жизнь, как о зачатках для организации настоящей коммунистической жизни. Это демонстрирует потрясающую гибкость советской системы, которая, несмотря на лишения, разброд политических движений и переизбыток форм управления, все равно развивается независимо и свободно.

ФАКТОРЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

То, что материальная сторона дел пока далека от совершенства, не вызывает сомнений, здесь необходимо принимать во внимание нужду и голод военного времени. Враги пролетариата считают, что рабочие в своей борьбе руководствуются в своих действиях только соображениями материальной выгоды. Это в корне неверно, и этот поток клеветы наглядно иллюстрирует, что классовая борьба движима духовными принципами в той же мере, в какой наши противники руководствуются материальной выгодой.

Факт остается фактом: немислимое терпение русских народных масс имеет под собой в первую очередь духовные мотивы. Если жизнь, несмотря на все сложности, еще терпима, то образуется психическое напряжение, которым оказываются охвачены не только рабочие массы, но и крестьяне. Один гражданский журналист, посетивший различные области России во второй половине 1919 года, делился со мной своим удивлением относительно того, насколько хорошо рабочие из отдаленных уголков России осведомлены о политической жизни за

рубежом. Огромное количество литературы исчезает под спросом масс, как снег на весеннем солнце, организуются всевозможные курсы, лекции, собрания и публичные чтения. Добавьте еще тот факт, что искусство, театр, музыка и т.д. оказались доступны всем — и станет ясно, что этим полугодичным и полугодичным пролетариям есть что защищать.

Один уже тот факт, что человек стал хозяином своей судьбы, получил возможность нести ответственность за решение общественных проблем, влиять своими собственными делами на ход мировых событий, на мировую революцию, снимает всякие сомнения на тот счет, что здесь как-то задействована материальная выгода. Не случайно, что значительная часть той громадной энергии, которой обладает Советская Республика, направлена на развитие умственных способностей, на пропаганду, народное образование, искусство. Эту деятельность Советского государства нельзя рассматривать изолированно. Как принцип труда пронизывают весь школьный блок, точно так же пропаганда пронизывает всю общественную жизнь, и она неразрывно связана с искусством. Да, сам факт существования советской власти, организации промышленности и сельского хозяйства, Красной Армии, обязан всем в первую очередь пропаганде, в самом широком смысле этого слова.

Возьмем, к примеру, Красную Армию. Там господствует строгая дисциплина, сила и средства принуждения используются там в значительно большей мере, чем в любом другом советском институте, но все же любой поймет, что такая организация не может существовать как единое целое только за счет грубой силы. И снова это чудеса пропаганды. Троцкий на своем поезде, на котором едет огромное количество пропагандистской литературы, целая передвижная типография и целый отдел пропаганды, ездил по всему фронту на бесчисленные военные собрания и выступал с речами, которые оказались очень популярны.

Под его руководством состоит целая армия так называемых политических комиссаров, которые отвечают за состояние духа красных солдат на своих участках. И какими только средствами это не достигается! Пропагандисты организуют публичные чтения, передвижные библиотеки, театральные постановки, показы фильмов и т.д. И все же нередки попытки отвлечь солдат от цели борьбы, местами пропаганда дает неудовлетворительный результат, но такое состояние духа всегда удается исправить.

Неудивительно, что в сфере образования, искусства и науки появляются новые принципы единства.

Принципы трудовой школы были определены Луначарским. Очевидно, что при существующих условиях эти принципы еще не всегда удается соблюдать. Тот факт, что школ стало в два-три раза больше, чем до революции, сам по себе потрясающее достижение. Тем не менее пора приступить к введению вышеупомянутых принципов; из разговоров с людьми, отвечающими за образование, я узнал, что в этой сфере открывается несколько замечательных возможностей, к чему вернусь немного позднее. Здесь же я бы хотел привести несколько цифр, которые наглядно продемонстрируют достижения в данной области. В качестве примера возьму первый район Петербурга, по которому мне оказались доступны некоторые цифры на середину 1919 года. Петербург делится на 12 районов, первый значительно больше, чем остальные, и общая картина будет, в принципе, ясна на его примере. В этом районе 81 школа на 300-400 детей от 7 до 14 лет, 47 школ для детей от 14 до 18 лет, 11 курсов для взрослых рабочих по 350-400 слушателей в каждом, 18 курсов чтения и письма на 30 человек. На всех курсах проводятся также лекции по коммунистической политике. Есть еще 6 вечерних курсов для мальчиков и девочек 12-14 лет; 11 детских садов для детей от 3 до 7 лет по 60 мест в каждом; 10 детских клубов для детей от 7 до 12 лет, по 60 детей в каждом; 12 клубов для взрослых на 80-90 человек; 2 курса для преподавателей на 275 человек в общем; 2 музыкальные школы на 600 учащихся и 1 художественная школа на 45 человек.

Практически все дети, даже те, кто не ходит в школу, могут получить горячее питание раз в день, для чего открываются специальные детские столовые, и, несмотря на общее состояние дел, они получают дополнительный хлеб, одежду и т.д. Этого все равно недостаточно, но сам факт наглядно демонстрирует состояние духа русских «варваров», которые недоедают сами, лишь бы спасти своих детей от всех ужасов нищеты.

Что касается попыток, предпринятых Советским правительством в сфере ухода за детьми, то информация о них доходит и до Западной Европы, и даже самый злобный противник советской власти вынужден признать, что здесь сделано все, что можно.

Еще пример: в Москве до революции было только два детсада для детей пролетариев, а в

середине 1919 года их насчитывалось уже 125 для детей от 3 до 7 лет, в каждом в среднем 40 детей, две или три возрастные группы — на 3-4 года, 5-6 лет, 7 лет. Помещения светлые и хорошо проветриваемые, с покрашенной в белый цвет детской мебелью, у каждого ребенка свой стульчик, дети не стеснены в передвижении. Малыши приходят в половине девятого, их при необходимости умывают и стригут. В половине одиннадцатого завтрак — молоко и хлеб с маслом (!), это масло буржуи покупают у спекулянтов по цене от 3 до 400 рублей, а взрослые рабочие видят на своем столе крайне редко. В два часа горячий обед из двух блюд, а по праздникам и из всех трех. Дети постарше помогают ухаживать за младшими, помогают на кухне и при уборке. Малыши после обеда отправляются спать, а в четыре часа старшие дети отводят их по домам. Здесь господствует свобода, дети вольны играть во что захотят, от кубиков до игрушечных поездов, присутствуют все современные достижения в области игрушек, даже пластилин. Кое-где есть и пианино, а в хорошую погоду организуются игры на свежем воздухе.

Большая проблема — найти хороших руководителей для этих детсадов. Ими обычно руководят матери и старшие сестры детей или подходящие работницы с местных фабрик. Они проходят шестинедельные курсы, затем практику в летних детских лагерях в качестве вожатых, потом они в течение дня работают в детских садах, а по вечерам продолжают образование. Ежедневно проводятся собрания учительниц и воспитательниц в целях обмена опытом.

Время от времени проходят родительские собрания. В каждом районе есть помещение в местном клубе, где могут собираться все, кто работает в детских садах. Для всех москвичей есть центральное здание с библиотекой, залом для собраний, залом, где выставляются поделки, сделанные руками детей, и модель детского сада со всеми средствами ухода за детьми. Здесь также проводятся учебные курсы. Разумеется, шестинедельные курсы — это слишком мало, но по их завершении образование дополняется на собраниях и лекциях: люди просто не могут себе позволить тратить время на более полное образование с его сухой, оторванной от практики премудростью.

Кроме детских садов и яслей, которые позволяют матерям работать и одновременно заботиться о детях, существует еще ряд учреждений для постоянного пребывания. Это касается

не только сирот и подкидышей, но и тех детей, чьи родители так заняты работой, что не могут должным образом заботиться о них, — прежде всего речь идет о тех, кто приносит свою жизнь на алтарь общественного служения и является лучшими рабочими в советских учреждениях. Само собой разумеется, что о детских домах заботятся. Те сладости, которые передают родители или друзья, делятся поровну между всеми детьми, и всех гостей они называют «папа» и «мама».

Появление общественных организаций, которые осуществляют уход за детьми не в форме благотворительности, абы как, а обеспечивают полноценное духовное и физическое воспитание, — нормальный шаг в сторону развития института брака. Нельзя сказать, что семья насильственным образом разрушается. Женщина должна заботиться о семье из четырех или более человек (например, мать, отец и двое детей или ребенок, мать, член семьи или приживалка), при этом не получая зарплату. Но любые отношения между мужчиной и женщиной должны быть основаны на свободном сожительстве, где дети формируют самую прочную связь. Однако часто эта связь разрывается, от чего страдают в первую очередь дети. Отношения в браке уже улучшатся, если найдется способ облегчить заботу хотя бы об одном ребенке в семье. То, что полученная свобода не ведет к распутству, недоступно для разгоряченного воображения лицемерных и извращенных порочных проповедников нравственности. Даже количество разводов, после того как разводы и бракосочетания были сведены к простой формальности, увеличивалось только в самом начале, через несколько месяцев наметилось падение. В плане сексуальных отношений в Советской России также меньше лицемерия, чем в нашей испорченной западной цивилизации, и это не недостаток, как многие думают, ибо таким образом решается проблема проституции. Правда, что и здесь еще есть женщины, предлагающие себя за деньги, но это явно вымирающее явление переходного этапа, и речь в основном идет о женщинах из бывшей буржуазии, которые не могут приспособиться к новому рабочему строю. Но это только на период неизбежных страданий переходного революционного времени, и скоро сия печальная форма денежных отношений уйдет в прошлое вместе с черным рынком.

За последний, богатый впечатлениями год одно из самых ярких моих воспоминаний — восхищение русскими женщинами. Не будучи

1918 г.
Первый
советский
детский дом

обязаны принимать непосредственное участие в боевых действиях, они навсегда сохранили за собой место в революционной борьбе. Нельзя назвать ни один вид труда, в котором не участвовала бы женщина, ни одно дело не оказывалось для них непосильным. Я помню много ярких пропагандистов, замечательных организаторов и храбрых воительниц. И в рядах Красной Армии, плечом к плечу с товарищами-мужчинами, с оружием в руках, жертвовали они свои жизни: при освобождении Красной Армией Риги погибли 300 женщин, прикрывавших отход в задних рядах. И когда необходимо было найти дополнительные резервы для Петербурга и Москвы, их находили только благодаря тому, что обученные и вооруженные женщины были готовы защищать города от внешних и внутренних врагов революции. Во что бы превратились сферы образования и управления без спокойного, упорного труда тысяч коммунисток?

Я сам обязан своей жизнью жертвенной работе медсестре-коммунистке, которая месяцы без сна дежурила у моей постели. И велико количество медсестер, которые самоотверженно работают в тифозных больницах, что порой означает для них верную смерть.

Можно ли помыслить себе революцию без силы духа и энтузиазма женщин? Могли бы мужчины сохранить бодрость и присутствие духа в неизбежных ужасах войны, если бы не самоотверженная любовь женщин-революционеров, которые сохраняли красоту и доброту даже в самый разгар битвы? И при этом старая буржуазия бормочет непристойности про женское общество в России, как если бы эти бла-

городные, храбрые воительницы обязаны были вступать в брак, что почитают своим долгом дочери буржуазии.

Стоит сказать еще пару слов о матери и ребенке. Декретный отпуск начинается за 8 недель до родов и заканчивается через 8 недель после, и все это время женщины получают полноценную заработную плату, а также надбавку на весь период грудного вскармливания. Беременные женщины имеют право на дополнительный паек хлеба по первой категории, а также на молоко, как и грудные младенцы. На каждого младенца выделяется по 20 метров ткани на пеленки и одежды. В середине 1919 года в Москве для 19 тыс. детей были выписаны карточки на молоко, 4,5 тыс. детей находились в яслях и других подобных учреждениях, а по всей России это число составило 45 тыс. детей. В Москве сейчас 28 яслей, в Московской губернии — 76, во Владимирской — 17 и т.д.

Распределение молока осуществляется на специальных пунктах, с которыми связаны женские консультации. В Москве сейчас таких консультаций двадцать против дореволюционных семи, и в ближайшем будущем планируется довести их число до 66. По всей России их сейчас 406. Большая проблема на данный момент — нехватка сосок, так как их производство невозможно из-за недостатка бензина. Нехватка таких элементарных вещей, а также лекарств и перевязочного материала означает ежедневные страдания, которые ведут к формированию ненависти к недоступному западному капиталу.

Большой успех в деле защиты материнства — создание приютов для матерей с детьми (род-

домов). Это нечто новое для Москвы, где сейчас строятся три таких учреждения, а по всей России их 47. Эти заведения соответствуют самым высоким требованиям гигиены, женщины находятся под надзором квалифицированных врачей и медсестер и могут оставаться там, пока полностью не оправятся, а ребенок в первые дни жизни получает всю необходимую заботу, которую на данном этапе рабочая семья не может предоставить, даже в Советской России. Но, что еще важнее, мать в таких учреждениях получает всю необходимую информацию о том, как правильно заботиться о ребенке.

По всей России пропаганде, просвещению и воспитанию уделяется много внимания. Очень убедительно выглядела выставка товаров для матери и ребенка, которую я посетил в Москве. Там было собрано буквально все, связанное с этой темой, чего раньше никогда не делалось.

Во-первых, был представлен непрерывный ряд статистики: младенческая и детская смертность в разных странах и другие мыслимые и немыслимые данные — возраст, грудное вскармливание, социальное положение, количество детей в семье, физическое и духовное развитие родителей, наследственность, алкоголь, туберкулез, венерические и другие заболевания и т.д. И основная часть этой статистики представлена не языком сухих цифр, а оформлена художниками в виде наглядных пособий. Все это собрание выполнено в крупном формате, на дубовых досках, защищенных стеклом, так что после Москвы их можно будет возить по всей России. На выставке было собрано все, что используется в яслях и больницах, при родовспоможении и уходе за младенцами, часто в сравнении с менее целесообразными средствами: иллюстрации и фотографии из роддомов, пунктов распределения молока с оборудованием для пастеризации, объемные модели того, что может и не может есть ребенок на разных стадиях развития; этнографические обзоры традиций ухода за ребенком в Индии и Австралии; нарушения и отклонения, вызванные всевозможными вредителями, туберкулезом и сифилисом; коллекция моделей детей разного возраста, коллекция хороших и плохих игрушек, вредных лакомств и т.д. И все это выполнено с большой любовью, очень доступно сгруппировано в просторных, хорошо освещенных залах, посещаемость которых очень высока. Все посетители по возможности делятся на группы, к которым прикрепляется экскурсовод из числа 250 учащихся профессиональных школ, где готовят младший персонал для роддомов, яслей,

больниц и т.д. Разумеется, раздаются брошюры, чтобы родители могли и дома продолжать свое образование.

И еще один сюрприз: в маленьком зале демонстрируется фильм, в котором в романтической форме сравнивается должный и недолжный уход за младенцами. Естественно, героиня фильма, молодая трамвайная кондукторша, показывает, как правильно пользоваться всеми благами современного общества: приютом для брошенных детей, женской консультацией, роддомом, и после просмотра фильма зритель уже знает, как надо и как не надо пеленать ребенка.

Вся выставка оформлена с большой заботой, все экспонаты очень детальные, и каждый представляет звено в цепи общего целого. Неудивительно, что женщины все больше чувствуют свою связь с советскими учреждениями и готовы за них бороться, если понадобится.

Также растут женские организации: на четырех женских конференциях 60 тыс. женщин были представлены 3,5 тыс. делегатками. Неумолимая, страстная пропагандистка и организатор женского движения Александра Коллонтай обладает практическим мышлением и стремится основывать свою пропаганду на необходимости удовлетворения самых базовых нужд матери и ребенка.

Если иногда благие намерения Советского правительства реализуются не в полной мере, тогда в дело вступает женская организация: если не выдается паек или случаются сбои в работе молочной кухни, организация делает все возможное, чтобы исправить ситуацию; если не все в курсе, что женщин с детьми надо пропускать впереди обычной публики в переполненный трамвайный вагон, организация печатает эту информацию (на билетах) и раздает своим членам.

Но, кроме чисто практической деятельности, пропаганда помогает воспитывать полноценных членов коммунистического общества, что осуществляется на собраниях, в книжных клубах, на лекциях, чтениях как в городе, так и в деревне. В этом настоящая сила и надежда на будущее. Маленькая иллюстрация той пользы, которую приносит рабочим пропаганда, и типичный пример торжества правосудия в Советской России: человек, оскорблявший и толкавший в трамвае женщину еврейской национальности, был приговорен народным судом к штрафу и обязательному посещению серии из трех лекций по антисемитизму.

Возвращение к «просвещенному западному

Александра
Михайловна
Коллонтай

обществу» было для меня куда менее воодушевляющим. Лимитрофные государства Латвии и Эстонии были настолько разграблены и дезорганизованы, что Россия показалась бы святым государством по сравнению с Антантой, представители которой обращались с населением этих стран как с людьми второго сорта и довели их до полного истощения, в том числе скупив по номинальной цене все, что еще можно было скупить, включая земли. Мелкобуржуазное правительство, полное ненависти к Антанте, не в состоянии стряхнуть с себя этих мнимых благодетелей, потому что без поддержки иностранных штыков ее население немедленно установило бы большевистский режим и отправило бы самозванное правительство по домам. Один член правительства Латвии, ставленник Альбиона, рассказал мне, что в Бордо долгое время стоял корабль, полностью загруженный старыми пушками и другим мусором мировой войны, и не мог отбыть, пока за него не заплатили наличными, для чего, конечно же, пришлось занять денег.

Когда правительство «социалистической» коалиции в Эстонии приняло наконец земельное право, предполагающее экспроприацию больших земельных владений, в местных газетах можно было прочитать, что то или иное поместье куплено англичанами.

Один гражданский американский журналист сказал мне: надо было бы позволить членам Версальской мирной конференции провести в этих лимитрофных государствах всего неделю, тогда бы им хватило этой их свободы самоопределения. Как если бы это помогло господам лучше быть в курсе событий! Состояние дел в Польше настолько безнадежное, что даже мелкобуржуазные элементы бегут оттуда в большевистскую Россию, чтобы положить конец

своим несчастьям.

Другое впечатление — Германия. О том, с какой скоростью здесь экономическая жизнь отделяется от социальной, нет нужды писать. Сегодня Вена, завтра Берлин, послезавтра Париж. Переход сегодняшней производственной системы в хаос и нищету не за горами.

Как всё это разочаровывает после встречи с восточноевропейскими рабочими! В Европе налицо отсутствие четкой линии, осознанных целей, согласованности действий, уверенности в победе. Капиталисты и их приспешники, мелочные, трусливые в своем сопротивлении, насквозь фальшивые, обезумели в панике от большевизма; рабочие массы пребывают в благоговейном восхищении, мелкая буржуазия — в страхе, без настроения помогать России, делать хоть что-нибудь, чтобы спасти себя и весь мир от краха... И все это вместо того чтобы похоронить бездонную коррупцию под руинами капитализма.

Громада русской революции стоит как утес посреди моря посредственности и бессилия. Поднимутся и новые утесы, но не раньше, чем все поймут, что это невозможно без массового движения рабочих, борющихся за революцию.

Революция — это будильник и единственный источник великих мыслей, дел и широких перспектив.

Перевод с голландского Н. В. Рабкиной

1930-е

МУЗЕЙНЫЙ ГИД

коллекции

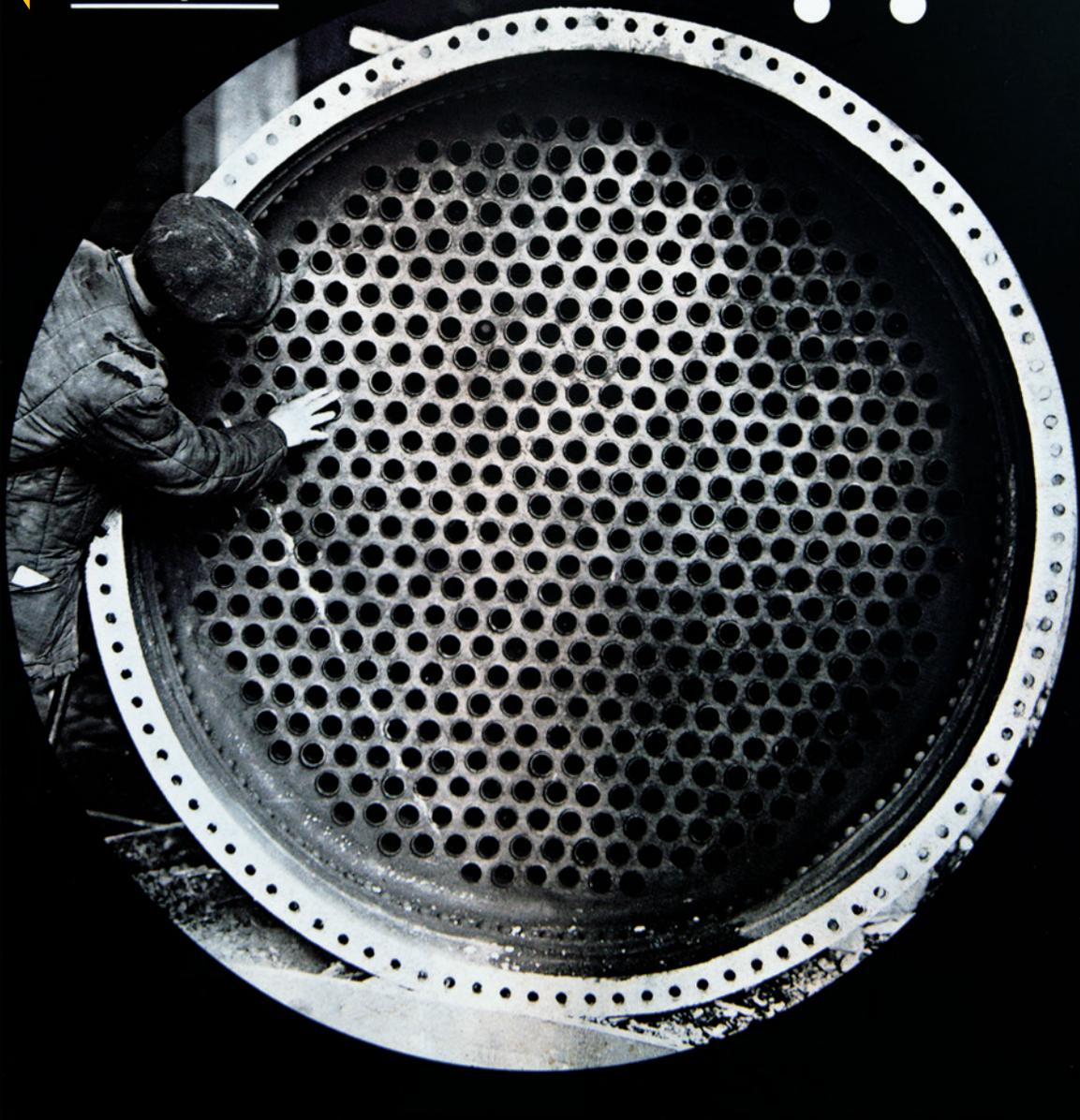
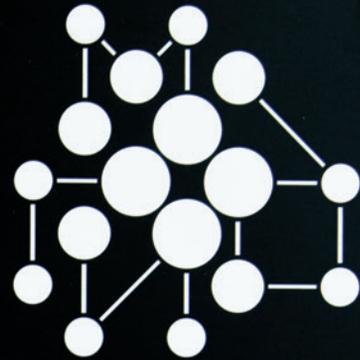
Фотографии

Спиридона Бывшева:

«Коксохим», 1930-е,

Кемерово

2012

Фотографии Спиридона Бывшева: «Коксохим», 1930-е, Кемерово
В составе путеводителя «Музейный гид», 2012

Фотофиксация трудовых достижений советского народа, которым был посвящён журнал 1930-х годов «СССР на стройке», предпринималась не только централизованно, но и на местах! В городке Щегловск, ныне известном промышленном центре Сибири – Кемерово, жил фотограф Спиридон Семёнович Бывшев. Он, казалось бы, просто документировал, как на пустом месте возникает гигантский завод, но делал это так, что и сейчас на его снимки очень интересно смотреть. Более того: сейчас мы видим в этих индустриальных ландшафтах, может быть, гораздо больше, чем вкладывал в них автор. Наш отстранённый от производственных проблем взгляд улавливает формальную красоту построения композиции кадра, осмысления объёмов агрегатов и станков. Здесь чувствуется особый подход художника, и эти фотографии, конечно, достойны первой публикации в новом издании Программы.

Наталья Толстая, руководитель Программы «Первая публикация» Благотворительного фонда В. Потанина

Открытие фотовыставки С. С. Бывшева

10 июля 2014 года в музее «Красная Горка» открылась фотовыставка «Коккострой», посвященная юбилею Кемеровского коксохимического завода и приуроченная ко Дню фотографа. Выставка состоит из снимков Спиридона Семеновича Бывшева, который вел фоторепортаж строительства Коккостроя от закладки до запуска завода в 1934 году. Фотографии размещены на территории музея – напротив цехов коксохимического завода, раскинувшихся на левом берегу реки Томи. Рядом с выставкой находится «Телескоп в прошлое», в котором можно увидеть кинохронику строительства завода. В открытии выставки приняли участие внук С. С. Бывшева Игорь Патрин, известные фотографы, журналисты, краеведы и коллекционеры г. Кемерово.

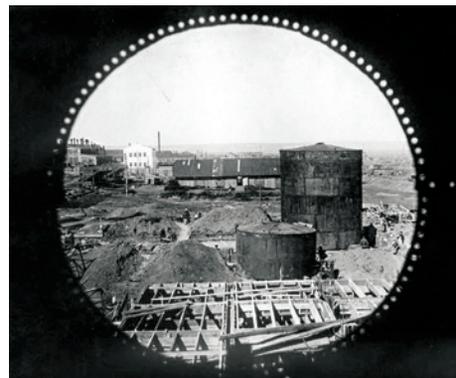
Спиридон Бывшев был первым профессиональным фотографом города. В его работах отражен конструктивизм 1920-30-х годов, что позволяет искусствоведам называть его «кемеровским Родченко». Творчеству Бывшева посвящена брошюра, выпущенная Благотворительным фондом В. Потанина в рамках программы «Первая публикация». Предлагаем вам познакомиться с материалами этого издания (автор – кандидат искусствоведения Наталья Горленко).

Фотосалон С. Бышцева

Монтаж перекрытия силосных башен. 1932.
Иив. Кр-1328/18

Вид на строительную площадку. 1932.
Иив. Кр-1328/19 и с. 14 сверху

В фотографическом фонде музея «Красная Горка» хранится уникальная коллекция снимков фотографа «Кокостроя» Спиридона Семёновича Бывшева. Он фиксировал строительство завода на протяжении четырёх лет — от закладки до запуска. В производственной съёмке Бывшева заключён не только обширный фактографический материал о возведении завода, в ней отражены вехи развития искусства фотографии конца 1920-х — начала 1930-х годов. В снимках Бывшева очевидны параллели с работами крупнейших западных и советских фотографов тех лет: Л. Хайна, М. Бурк-Уайт, А. М. Родченко, М. В. Альперта, А. С. Шайхета, Е. М. Лангмана.

Имя С. С. Бывшева можно отнести к числу наиболее значимых художественных открытий последних лет. Известно о нём совсем немного. Родился в 1891 году в Орловской губернии в крестьянской семье. Получил среднее образование, переехал в Москву, где предположительно поступил на службу к фотографу И. Шепелеву. Затем Бывшев оказался в Томске (вероятно, поехал за своим работодателем) и стал работать в «Московской фотографии» Шепелева. В 1912-1913 годах он служил в армии, с началом Первой мировой войны — в Таганроге в пехотном запасном батальоне и ожидал отправки на Кавказский фронт, но участвовать в боевых действиях ему так и не пришлось. По воспоминаниям родственников, после войны Бывшев вместе с женой приехал в Москву, где учился у знаменитого фотографа М. С. Наппельбаума. Возможно, это происходило в Первой государственной фотостудии при ВЦИКе, которую Наппельбаум открыл в Москве в 1919 году (в студии он вёл фотокурсы для слушателей). В ателье Наппельбаума Бывшев снял портрет оперного певца Л. В. Собинова.

В начале 1920-х годов Спиридон Бывшев вернулся в Сибирь и открыл своё ателье в городе Щегловске (название Кемерово до 1932 года).

Фотография Бывшева располагалась на улице Никольской, главной улице города, в довольно большом деревянном доме в стиле модерн. В том же доме жил и сам фотограф с семьёй.

Бывшев снимал в основном портреты, наиболее удачные были выставлены в окне студии в качестве рекламы. По воспоминаниям внука фотографа, Спиридон Бывшев хорошо рисовал, увлекался музыкой, собрал большую коллекцию грампластинок и библиотеку из десяти тысяч книг.

Установка стропильных ферм на строительстве тепляков коксовых печей. 1930.
Иив. Кн-1328/36

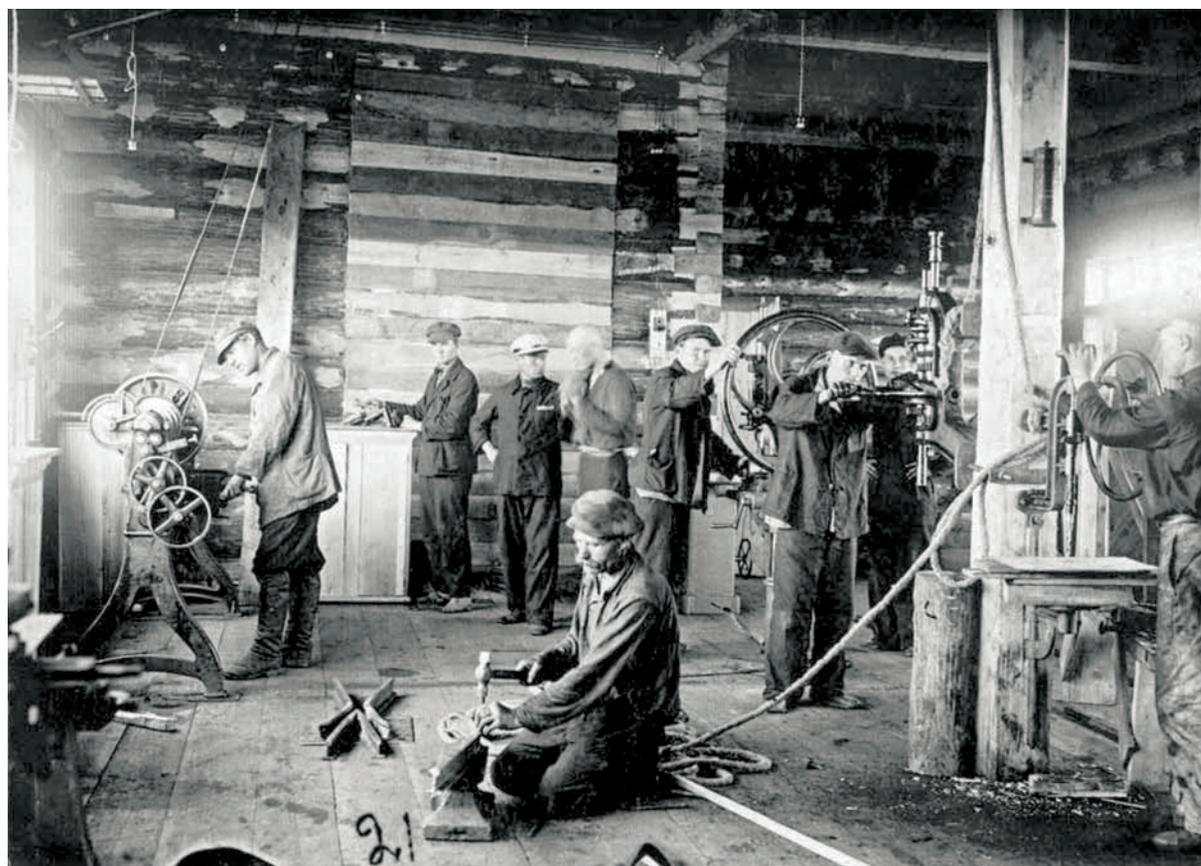
С. С. Бывшев

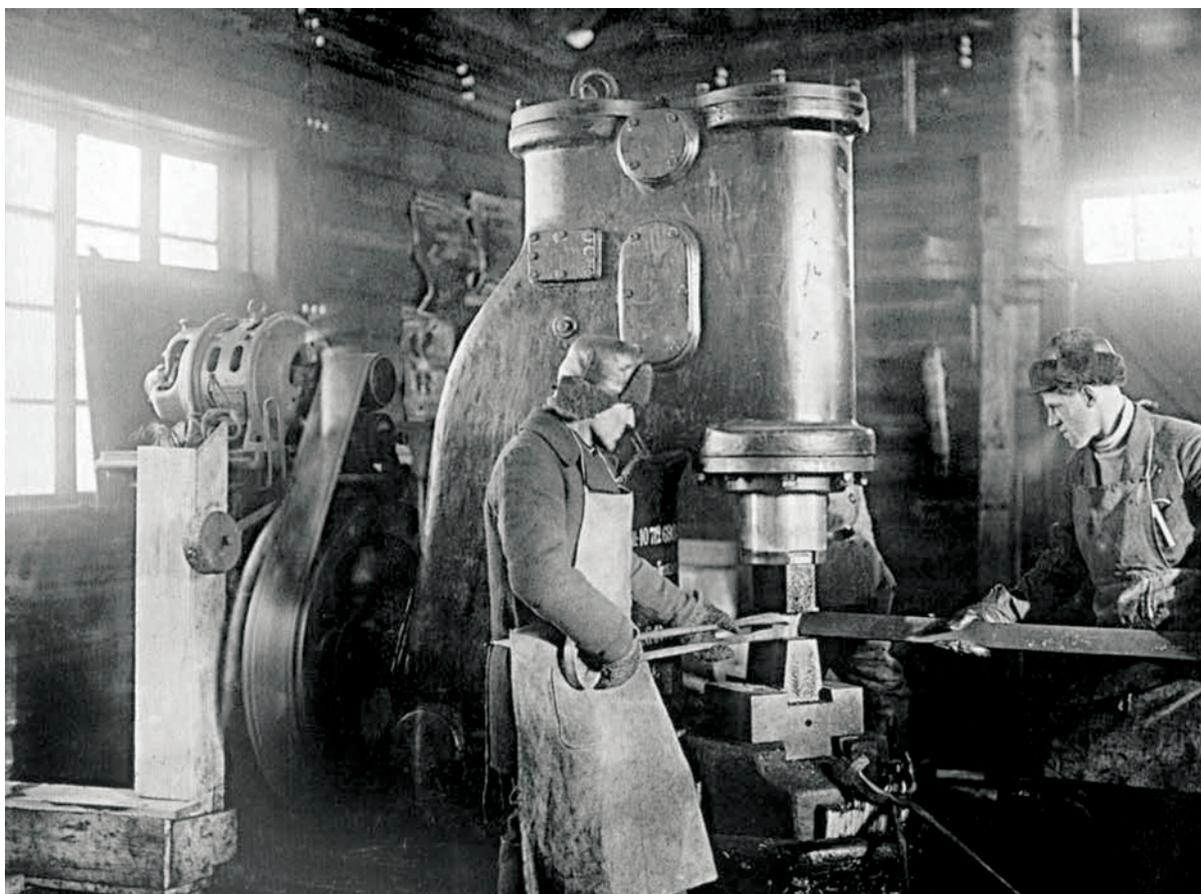
Монтаж безалюминиевых струбберов. 1932.
Иив. Кн-1328 / 1

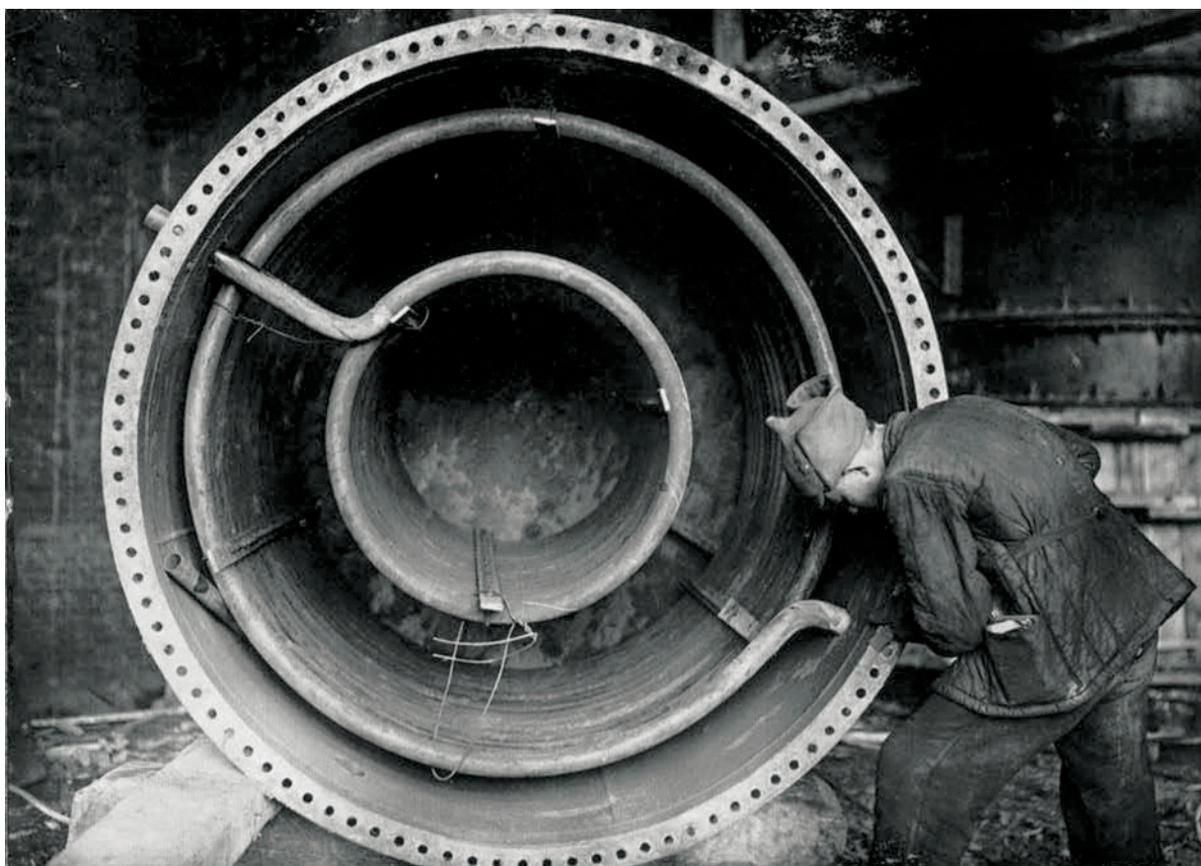
Доска позора – элемент системы психологического и административного воздействия на не выполняющих план. 1931.
Иив. Кп-1328/39

Механическая мастерская – один из подсобных цехов завода для ремонта оборудования, изготовления инструментов и различных приспособлений для строительства. 1930.
Иив. Кп-1328/18

Кузнецы осваивают импортную технику – пневматический молот
немецкой фирмы Весте Гробс. 1931.
Иив. Кр-1328/9

Монтаж дефлегматора. 1932.
Иив. Кр-1328/13

Серия в несколько сотен снимков строительства нового коксохимического завода в Кемерове — почти единственное, что осталось от фотоархива Спиридона Бывшева. Два чемодана с другими работами фотографа родственники выбросили за ненадобностью. Многие вопросы остаются без ответа: как Бывшев занялся фотографией, сохранились ли его записи или дневники, каких художников любил, каких мастеров в области фотографии считал своими учителями, состоял ли в каких-либо фотографических обществах, в каких выставках и конкурсах участвовал, в каких газетах или журналах работал, а главное, как в целом он «пережил» колоссальные изменения в своей профессии в 1920-е — 1930-е годы? Однако то немногое, что известно о Спиридоне Бывшеве, — его сохранившийся портрет с характерно чёрными от фотографических реактивов ногтями, снимок ателье, несколько семейных портретов и особенно серия кадров возведения завода, — позволяет, хотя и далеко не в полной мере, реконструировать творческий облик фотографа.

Фотоателье Спиридона Бывшева, вероятно, работало совсем недолго. С середины 1920-х годов в фотографии стали происходить серьёзные изменения: отныне она должна была служить новому государству, а фотоаппарат — использоваться «в качестве орудия классово-борьбы и пропаганды». «Путь советской фотообщественности», провозглашённый в одном из номеров газеты «Правда» за 1926 год, заключался в переходе «от разрозненных «артистических фотографий» кустарей-профессионалов к проникновению фотоаппарата в рабочие дома и крестьянские избы». Приоритетным жанром фотоискусства нового государства объявлялся фоторепортаж как средство документации социалистической действительности. И профессиональные фотографы, и фотолюбители должны были превратиться в сотрудников советских печатных изданий. «Прежде всего, — сообщалось на страницах журнала «Пролетарское фото», — наше искусство — «прикладное». Оно не боится этого, а гордится этим, т.к. оно отвергает «украшательские» и «развлекательные» идеи».

После «Выставки советской фотографии за 10 лет» (1928), чрезвычайно богатой по составу участников (хотя провинциальный фотограф Бывшев в ней не участвовал) и представленных работ (более 8 тысяч экспонатов) и показавшей всё разнообразие искусства фотографии в России, начались споры о «пригодности» работы фотомастеров «старой шко-

лы» новому общественному строю. «В дилемме «общественный» или «художественный» снимок виделось противопоставление: за пролетарскую или за буржуазную культуру». Новая, «актуальная» фотография — в равной степени и документальная, и художественная. «В обстановке сегодняшних побед советского фоторепортажа, — писал журнал «Пролетарское фото», — система взглядов старых фотографов, сторонников «чистого искусства», ничего, кроме иронической улыбки, вызвать не может. Она терпит поражения на каждом шагу в нашей повседневной практике»⁵. Главный минус художественной фотографии, по замечанию одного из критиков выставки, — организованность и сконструированность жизни:

«Сейчас перед фотоискусством встаёт сложная и ответственная проблема стиля нашей эпохи»⁶. В процессе поиска стиля в 1930 году были закрыты Русское фотографическое общество (самое многочисленное и авторитетное), Всероссийское общество фотографов, Государственная академия художественных наук, провинциальные фотографические общества, закрыт журнал «Фотограф», практически сошло на нет участие русских фотомастеров в зарубежных выставках и конкурсах, прекратили существование частные фотоателье. Скорее всего, в такой обстановке Спиридон Бывшев вынужден был закрыть свою студию. Предположительно, он устроился фоторепортёром в местную газету.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов фотография существовала в чрезвычайно сложных условиях, фотографы боялись «впасть» в «правый» или «левый» уклон. С одной стороны, нужно было избежать обвинений в следовании принципам «старой школы», а следовательно, в подверженности буржуазным влияниям, с другой — «не увлечься трюкачеством», «не уклониться влево». Тогда часто приговаривали: «Тебе ярлык приклеят, уклон пришьют...»⁷. Угадать «верный» ход оказывалось невозможным, любой фотографический приём мог быть раскритикован с тех или иных позиций. Примером этому служат фотографические «разоблачения» рубежа 1920-х — 1930-х годов. В 1929 году в «Советском альманахе» вышла статья «О «правых» влияниях в фотографии», разгромившая выставки «Искусство движения» (выдающийся по художественному качеству совместный проект Государственной академии художественных наук и Русского фотографического общества, среди участников которого были Н.П. Андреев, А.Д. Гринберг, Ю.П. Ерёмин, М.С. Наппельбаум, Н.И. Сви-

щов-Паола): «Мы не можем допустить, чтобы фотография использовалась буржуазными и оппортунистическими элементами как лазейка для протаскивания вредной, реакционной, классово враждебной нам идеологии».

«Левые» в лице А. М. Родченко и группы «Октябрь» (среди участников — А. М. Родченко, Б. В. Игнатович, О. В. Игнатович, А. П. Штеренберг, И. О. Сосфенов, Б. П. Кудояров, Д. Г. Дебабов, Е. М. Лангман), устроившие выставку «Пятилетка в 4 года» (1931), также подверглись критике за «формалистический уклон при недостатке политического чутья», за то, что «эстетические изыскания заслоняют социальное содержание объекта и в отдельных случаях приводят к объективной контрреволюции».

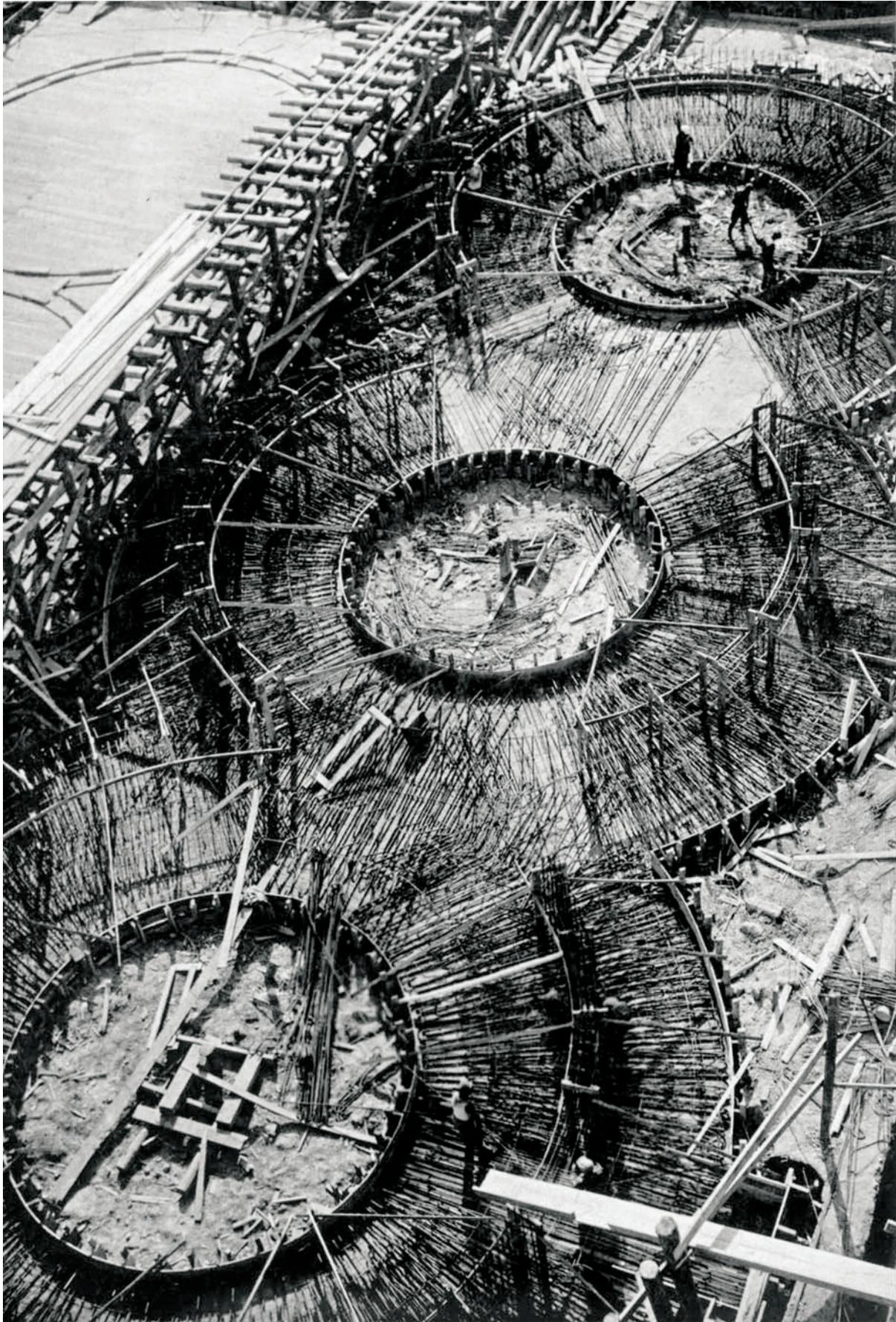
Однако золотую середину между «правыми и левыми» уклонами найти так и не удалось. Созданное в противовес «Октябрю» Российское объединение пролетарских фотографов (РОПФ) во главе с критиками Л. П. Межеричером и В. Гришаниным (фотографы С. О. Фридланд, А. С. Шайхет, М. В. Альперт, Р. Л. Кармен, М. А. Озерский, Я. Н. Халип и др.) обвинили в том, что у них «вместо обобщений получалась инсценировка, слащавое и потому фальшивое приукрашивание действительности»¹⁰. Мастера РОПФа критиковали фотографов «Октября» и требовали от них самооблачений и предъявления работ с «чёткой, классовой линией» (на этой волне из группы был исключён её основатель А. М. Родченко), однако что значит «классовая линия» — на конкретных снимках объяснить не могли, демонстрируя тем самым всю абсурдность подобной полемики. Конфликт этот в какой-то мере разрешился постановлением 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». «Рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций» объявлялись узкими и тормозящими «серьёзный размах художественного творчества», все прежние группировки распускались, и образовывалась система союзов по различным видам творческой практики. Это означало в том числе прекращение столь жестоких гонений на художественную фотографию (ведь теперь она воспринималась иллюстрирующей слова Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселее!»), хотя приоритетной всё равно оставалась фотография документально-репортажная. «Коллективизация» в области фотографии завершилась созданием монопольного фотоагентства «Союзфото», снабжавшего снимками прессу и книгоиздательства.

Неизвестно, как фотограф небольшого, находящегося вдали от столиц города реагировал на стремительные изменения в своей профессии. Наверняка он следил за ними. Будучи портретистом и типичным представителем «старой школы» фотографии, Спиридон Бывшев вынужден был перестраиваться. Этот процесс перестройки очевиден даже в рамках одной серии строительства «Коксохима». Манера съёмки трансформируется в соответствии с объектом: от традиционных портретов и панорам-пейзажей с симметрично-устойчивой композицией он переходит к экспериментальной «левой» фотографии, осторожно «пробует» её приёмы — ракурсы, фрагменты, крупные планы.

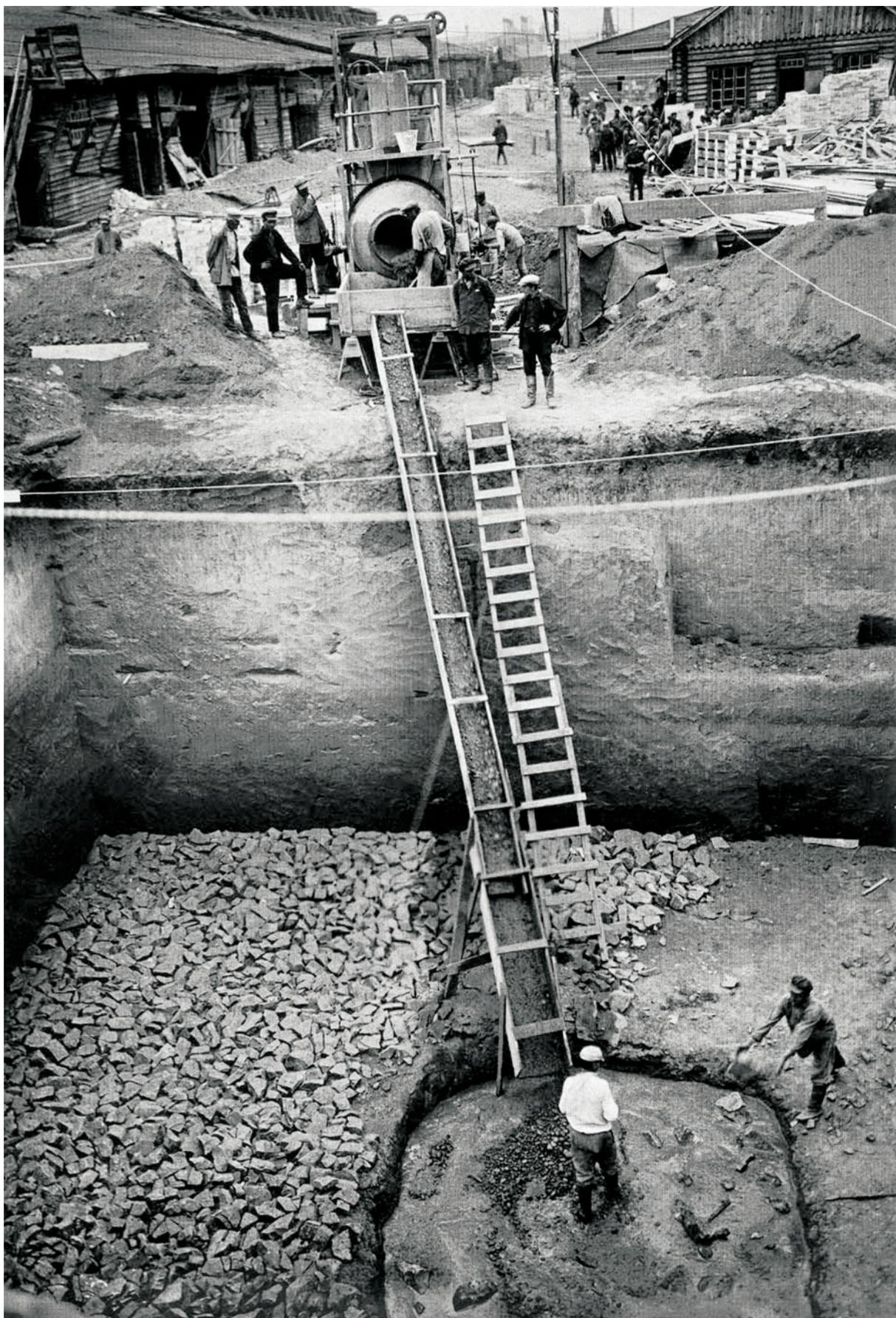
Спустя два года после начала первой пятилетки, в 1930-м, «Советский фотографический альманах» объявил, что «только тот советский фотограф, который отдаёт все свои фотознания и всё своё фотоискусство делу пропаганды пятилетки и коллективизации с аппаратом в руках, участвует в социалистическом строительстве и классовой борьбе»¹³. В этом же году вышел первый номер журнала «СССР на стройке» и началось строительство нового коксохимического завода в «индустриальном сердце Сибири» в городе Кемерово. В этом регионе планировалось создать вторую, восточную угольно-металлургическую базу страны. «Коксострой» был самым крупным из кемеровских предприятий и первым коксохимическим заводом, возводимым по отечественному проекту. Строительство началось в 1930 году, в 1934-м состоялся торжественный пуск.

Главным принципом работы фоторепортера в это время была объявлена фотосерия: «Чтобы развернуть сюжет, — писали в журнале «Пролетарское фото», — придать ему движение и действие, необходима фотосерия», овладение серийной съёмкой, как указывала «Правда» в 1931 году, — политическая задача фотографии. Образцом фотографической серии стала серия «Газета» А. М. Родченко. Она состояла из 25 снимков, изображающих путь создания газеты от работы в редакции и типографии до чтения первыми читателями.

Задачи журнала «СССР на стройке» описал Максим Горький: «Чтобы лишить наших врагов внутри и вне Советского Союза возможности исказить и порочить показания слов и цифр, мы решили обратиться к светописи, к работе солнца — к фотографии. Солнце не обвинишь в искажениях, солнце освещает то, что есть, так, как оно есть. Мы должны привлечь на службу нашему строительству фото и кино... Фото должно быть поставлено на службу стро-

Установка подвижной опалубки на верхних рабочих площадках силосов. 1931. Инв. Кп-1328/49

*Заливка фундамента с использованием редких в то время бетономешалок. 1931.
Иив. Кн. 1328 / 62*

ительства не случайно, не бессистемно, а систематически и постоянно. Фотографические изображения нашего строительства, при этом изображения в динамике, должны быть доступны всем интересующимся нашим строительством. «СССР на стройке» должен быть журналом, действительно отображающим хозяйственную перестройку старой Руси. Журнал имеет намерение показать в строительной работе живых людей, учёных-изобретателей, рабочих-изобретателей, инженеров, рабочую массу, её организаторов и организаторов рабочего государства». «СССР на стройке», будучи амбициозным пропагандистским проектом, собрал лучших фотографов страны (среди них А. М. Родченко, М. В. Альперт, Б. В. Игнатович, Е. М. Лангман, Б. П. Кудояров, Д. Г. Дебабов, А. С. Шайхет).

Очевидно, что Спиридон Бывшев, фотографируя «Коксохим», усваивал новую стилистику съёмки, в том числе из журнала «СССР на стройке»: с неожиданных ракурсов, с высоких точек (по воспоминаниям родственников, фотографировал с самой высокой трубы на строительной площадке). Во многих снимках Бывшева заметно желание передать ритм металлических конструкций, романтику машин и футуристическое обаяние индустриальных сюжетов. В других же, как можно сейчас предположить, он был излишне объективен: на фотографиях видны крайне тяжёлые условия труда, бедность работников, отсутствие технической оснащённости строительства. Понятно, что «старая Русь» пока не очень перестроилась. Серия Бывшева, в которой новый техницизм соседствует со старой очеловеченностью и показана «человеческая сторона системы», близка работам американцев Льюиса Хайна и Маргарет Бурк-Уайт, которых на Западе называли представителями «русского стиля». Хайн — мастер социальной фотографии, ещё в 1908 году участвовал в проекте «Питсбургское исследование», посвящённом изучению условий труда и жизни рабочих в Питсбурге, самом индустриальном городе США. Одновременно с работой Бывшева на «Коксострое» Хайн фотографировал строительство небоскрёба Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке. Из этих снимков получилась книга «Люди за работой», опубликованная в 1932 году. Маргарет Бурк-Уайт в начале 1930-х снимала Днепрострой и Сталинградский тракторный завод, некоторые её снимки были напечатаны в «СССР на стройке» в 1931 году. Достоверно неизвестно, видел ли Спиридон Бывшев фотографии

своих западных коллег, но как профессионал, наследник «старой школы», ученик Наппельбаума (который несколько лет работал фотографом в США), он наверняка имел привычку внимательно следить за развитием фотографии на Западе, несомненно также изучал фоторепортажи в журналах «Даёшь»,

«Прожектор», «Огонёк», «Смена», «СССР на стройке». Не случайно легко найти схожие фотографии у Бывшева и Хайна, Родченко, Игнатовича, Шайхета, Альперта, Шагина.

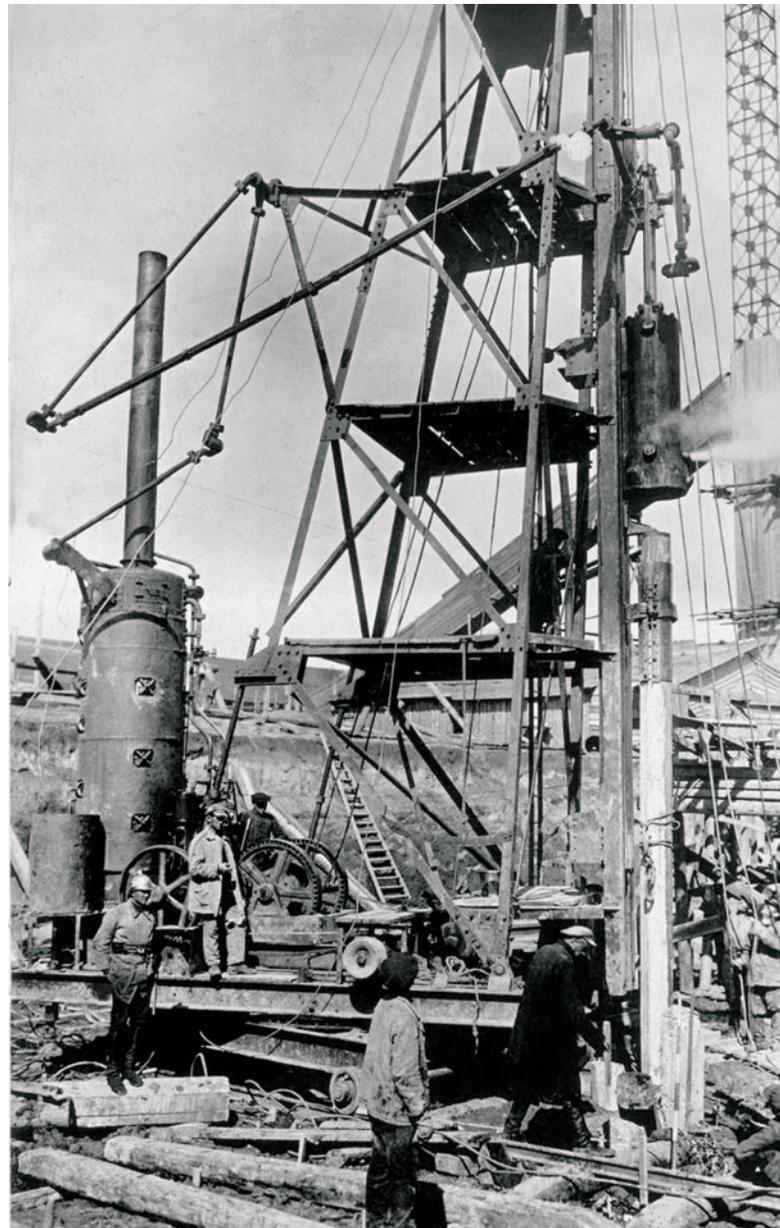
Фотографический проект Бывшева длился четыре года, фотограф чрезвычайно подробно отснял все стороны и этапы строительства завода (работа не прекращалась ни летом, ни зимой): закладку первого камня, приём рабочих, организацию жилья для сотрудников, конные дворы, столовые, конторы, производственные митинги, закладку фундаментов, деревянные и металлические каркасы заводских зданий, завоз и установку оборудования. Детально протоколируя стройку, Бывшев старался обеспечить художественное качество снимка, он искал эффектные панорамы, при съёмке отдельных зданий экспериментировал с ракурсами, останавливался на «художественных» деталях (трибуна для митинга в форме серпа и молота, доска позора в виде звезды), строил оригинальные кадры с круглыми металлическими конструкциями, обыгрывал разнообразие заводских геометрических форм — фундаментов, цистерн, сосудов. В снимках людей за работой, в портретах меньше смелости, модели явно позируют (фотограф, вероятно, просил рабочих замереть), что связано, возможно, с отсутствием подходящей камеры и опыта съёмки объектов в движении. Видно, как фотограф открывает для себя новые сюжеты и приёмы съёмки, пытается перепрофилироваться, как бы «подогнать» себя под меняющееся время. От этого в разных кадрах (например, в групповых, довольно статичных портретах и более смелых индустриальных сюжетах-пейзажах) сложно угадать одного автора — настолько меняется и предмет съёмки (от пустых полей и телег, запряжённых лошадьми, к обилию металлоконструкций с машинами), и сам фотограф, становясь то портретистом, то репортёром.

В год открытия «Коксохима» прошёл I Съезд советских писателей. На нём утвердили формулу социалистического реализма и объявили поворот социалистической культуры к классике. В 1935-м состоялась «Выставка советского фотоискусства», в которой приняли участие

представители «старой школы» и фоторепортеры. За первыми признали «высокую культуру», но указали на «оторванность от социалистического строительства», репортёрам же требовалось повысить технику, освободиться от протокольности, штампов и натурализма. В дискуссиях по поводу этой выставки (следующей большой экспозиции после «Выставки советской фотографии за 10 лет» 1928 года) абсурдной критики было не меньше. Особенно ярко в этом отношении звучит замечание одного из критиков по поводу работы А. М. Родченко «Пионерка»: «Почему пионерка смотрит вверх?! Пионерка не смеет смотреть вверх, это — не идейно! Вперёд должны смотреть пионерки и комсомолки!». А. Д. Гринберга упрекнули в том, что он «выставил несколько некрасивых голых женщин, явно не умеющих не только работать, но даже развести примус». Так что определить, каким должен быть советский фотограф, вновь оказалось крайне затруднительно.

Над чем работал Спиридон Бывшев по завершении серии «Коксостроя», неизвестно, однако после выставки 1935-го и дискуссии о формализме и натурализме 1936-го ему вновь предстояло профессионально сориентироваться. В течение шести вечеров в Доме кино обсуждались вопросы теории и практики фотографии: осудили формализм и натурализм, «инсценировки», техническую неграмотность, но ответить на вопрос, что же такое социалистический реализм в фотографии, так и не удалось. В 1937-м разоблачили «подлых врагов народа», которые «проникли и в организации советской фотографии»¹⁹, были повержены, казалось, неприкосновенные авторитеты (председателя бюро фотосекции Г. М. Болтянского обвинили в политической близорукости, Л. П. Межеричер оказался «неразоружившимся троцкистом»). В этом же году в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась Первая Всесоюзная выставка фотоискусства, экспонаты которой должны были отразить «счастливую жизнь советского народа под солнцем сталинской Конституции»²⁰. А. М. Родченко записывал в дневнике: «Ещё настроение плохое оттого, что всё время кого-нибудь забирают как врагов народа, и они исчезают бесследно. Ходят слухи о многих случаях, когда эти люди страдают невинно. Всякая сволочь пишет доносы, и человек сидит...». В разгар сталинских репрессий, в том же 1937 году Спиридон Бывшев скончался после длительной болезни в больнице в Томске.

Начало забивки свай «паровой бабкой» под силосы, или угольные башни — соединённые между собой круглые железобетонные хранилища для угля. 1931. Инв. Кп-1328/34 х с. 15 внизу

**КРАСНАЯ
ГОРКА**

ПЕРВЫЙ

театр

В ЩЕГЛОВСКЕ

Организатор народного театра,
главный инженер коксохимзавода
Иван Иванович Лоханский

Во втором и третьем изданиях известной книги И. А. Балибалова о нашем городе, увидевших свет в далекие 1960-е годы, любознательный читатель мог найти строки о том, что культурная жизнь небольшого городка Щегловска в первые годы его существования «сосредоточивалась в маленьком садике на Нижней Колонии, где в гуще жидких тополей стоял длинный деревянный барак, называвшийся клубом. В летние вечера этот единственный зеленый уголок привлекал молодежь всего левобережья танцплощадкой и довольно крупным по тому времени симфоническим оркестром, созданным главным инженером коксохимзавода Иваном Ивановичем Лоханским». При этом И. А. Балибалов называл Лоханского, с которым, кстати говоря, был лично знаком, «страстным любителем искусства».¹

¹ Балибалов И. А. Кемерово. Кемерово, 1962. С. 235, 236; его же. Кемерово. Кемерово, 1968. С. 106.

В последующих изданиях своей книги И. А. Балибалов еще более развил и конкретизировал данную тему. «Вся культурно-просветительная работа в уездном Щегловске, — писал он, — проводилась силами любителей. Почин сделали строители коксохимзавода. Среди них нашлись умельцы, которые своими руками изготовили комплект инструментов для симфонического оркестра. Летом 1921 года (по последним данным, это произошло несколько раньше. — Н. Г.) на восточной окраине рабочего поселка Нижняя Колония открылся клуб. Невиданным событием явилось выступление симфонического оркестра и драматического кружка. Организатором народного театра был первый строитель завода Иван Иванович Лоханский. Этот талантливый инженер, получивший образование волею счастливого случая, принадлежал к числу тех русских специалистов, которые не замыкались в скорлупе кастовых предрассудков, а жили интересами трудового народа. Спектакли созданного им народного театра, где он был и режиссером, и ведущим актером, первые строители завода принимали восторженно».²

О жизни и загадочной судьбе И. И. Лоханского мы уже рассказывали в одном из предыдущих выпусков альманаха «Красная горка». Но не лишним будет еще раз напомнить читателю, как начиналась эта, образно выражаясь, оркестрово-театральная эпопея под руководством Лоханского в нашем тогда совсем юном и захолустном сибирском городишке, еще вчера называвшемся селом. А начиналось все это отнюдь не при советской власти, как можно подумать, читая Балибалова.

² Его же. Кемерово: вчера, сегодня, завтра. Кемерово, 1976. С. 134; его же. Кемерово: вчера, сегодня, завтра. Кемерово, 1982. С. 109.

*И.И. Лоханский
(нижний ряд,
3-й слева) среди
руководителей
цехов и отделов
Кемеровского
химического завода
(11.02.1923).
Похоже, это
его прощальная
фотография*

*Актеры
самодеятельного
театра клуба
Кемеровского
химзавода (сезон 1922-
1923 гг.)*

Итак, 1916 год. Первая мировая война в разгаре. Несмотря на трудности военного времени, Копикуз продолжает строить химический завод в районе волостного центра Щеглова. На должность главного инженера строящегося предприятия приглашен молодой перспективный инженер Иван Иванович Лоханский, еще со студенческой скамьи — большой поклонник и активный участник самодеятельных театральных постановок. Теперь, с высоты нашего времени, можно с уверенностью сказать, что у этого замечательного человека были две великие страсти в жизни — коксохимия и театр.

В Щеглове (Щегловске) Лоханский развил бурную деятельность. В предыдущей публикации мы уже цитировали полузабытую повесть советского писателя-документалиста М.А. Никитина (1902–1973), посвященную самому раннему периоду истории нашего города. (Никитин основывался на рассказах И.И. Лоханского, с которым лично встречался

в 1935-1936 годах.) Это строго документальное повествование, с подлинными датами и персонажами. Лоханский выведен здесь под именем инженера Лохвицкого. Напомним читателю, о чем шла речь, для чего приведем следующий ключевой отрывок из повести: «Было это в мае 1917 года. В Щегловске только что прошла первомайская демонстрация, в ней приняли участие и военнопленные. Их было свыше 600 человек. Живя в охраняемых бараках, они до сих пор представляли особый мирок, и выход их на демонстрацию как бы означал выход в большой мир.

Лохвицкому нужно было строить рабочий поселок, и он решил на вербовать строителей в лагере военнопленных. Как и следовало ожидать, в лагере удалось найти не только слесарей и плотников, но даже музыкантов, в которых так нуждался любительский театральный кружок. Лохвицкий объединил пленных музыкантов в самодеятельный оркестр, а из заводских

любителей образовал театральную труппу.

Случилось так, что большинство артистов одновременно вошло в состав пожарной дружины. Учения пожарной дружины неизменно привлекали публику. Так же охотно посещала публика и любительские спектакли добровольных пожарников. Остряки утверждали, что дружинники исполняют роли в театре, как пожарники, а пожары тушат, как артисты. Это не мешало, однако, острякам с боем занимать места в здании конторы, когда там ставились спектакли».³

В том же году, как и Лоханский, в Щегловск прибыл еще один новоиспеченный инженер — В. В. Ревердатто, будущий знаменитый ученый (правда, отнюдь не в области коксохимии). Летом 1917 года эти два молодых энтузиаста создали культурно-просветительное общество

личного капитала общества для его дальнейшей деятельности. На «Пожарном празднике» играл оркестр военнопленных на инструментах собственной работы. После же гулянья просветительное общество имело уже возможность приобрести за свой счет необходимые музыкальные инструменты, в чём оказало также денежную поддержку и управление Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества, которому принадлежал химический завод. Таким образом просветительное общество обзаводится своим оркестром. В дальнейшем работа просветительного общества начнет разрастаться и расширяться, привлекая к себе внимание более широких слоев рабочего класса. Начинают ставиться спектакли, для каковой цели приспособляется один из классов школы, где воздвигается миниатюрная, но техниче-

Коллективный выезд на природу участников художественной самодеятельности клуба Кемеровского химзавода (сезон 1922-1923 гг.)

для рабочих и служащих строящегося химического завода, о чем в очень скором времени весьма красочно написала губернская газета «Красное знамя». Уникальная информация, опубликованная газетой, имеет настолько большую ценность для понимания культурного генезиса нашего города, что невозможно еще раз не обратиться к данному тексту.

«Не имея ни копейки в своем распоряжении, — сообщала газета, — просветительное общество начало свою деятельность, устроив спортивное гуляние под названием «Пожарный праздник» в имеющемся при заводе саду. А «Пожарным праздником» это гулянье называлось потому, что пожарная добровольная дружина Кемеровского химзавода продемонстрировала свои упражнения. Этот «Пожарный праздник» дал просветительному обществу около 300 рублей чистого сбора, таким образом был положен краеугольный камень на-

ски оборудованная сцена. В устройстве сцены и ее оборудования принимают участие все члены просветительного общества своим трудом: плотники, маляры, слесари, электрики в свободное от заводских работ время — все вносят свою лепту, посвящая этому делу весь свой досуг. С помощью постановок спектаклей инвентарь просветительного общества и его личный капитал в настоящее время достигают уже нескольких тысяч рублей. Общество имеет много декораций, большую театральную библиотеку, кинематографический аппарат, оркестр и прочее. В спектаклях, устраиваемых просветительным обществом, главным образом, принимают участие рабочие под режиссерством инженера И. И. Лоханского. Были поставлены пьесы: «Огарки» Белой, «От нее все качества» Томского, «Гибель надежды» Хиерманса, «Графиня Эльвира», «Ямщики» и другие и даже оперетты «Веселая вдова», «Волшебная флейта» (неужто Моцарт? — Н. Г.) и «Чары весны».

³ Никитин М. А. Сибирские повести. М., 1968. С. 270-271.

Группа
девушек-актрис
самодельного
театра
при клубе
Кемеровского
химзавода

Было устроено несколько концертов, в которых принимал участие собственный хор просветительного общества под управлением В. П. Катукова. Спектакли ставятся весьма тщательно и не уступят в своей постановке многим провинциальным «заправским» театрам, но, к сожалению, вследствие тесноты помещения, спектакли приходится ставить по два, три раза подряд, и то едва удастся удовлетворить всех желающих попасть на спектакль, так как в зале вмещается не более 200 зрителей. По мысли председателя просветительного общества инженера В. В. Ревердатто, предполагается строить большую аудиторию на 500-600 человек как для спектаклей, так и для намеченных лекций и технических курсов, которые предполагается устроить для рабочих в самом недалеком будущем. Много труда и любви к делу положено нынешними руководителями просветительного общества инженерами Лоханским и Ревердатто для поднятия культурного уровня населения заводского поселка, для отвлечения его от пьянства, картежной игры и разврата, за что можно им сказать большое спасибо от «широкой души», как говорят украинцы, и пожелать им в будущем успеха в их беззаветной работе на пользу рабочего люда».⁴

Судите сами, дорогие читатели, какой разнообразный и интересный репертуар был уже тогда в самодеятельном театральном коллективе, созданном усилиями инженера Лоханского, личности несомненно яркой и неординарной. О его подвижничестве, о чисто человеческих качествах сохранились довольно скудные свидетельства современников. Например, А. Е. Ломаченко, известный на химзаводе мастер по огнеупорной кладке коксовых печей, в своих незавершенных воспоминаниях, хранящихся

ныне в Кемеровском областном краеведческом музее, писал следующее: «Лоханский Иван Иванович держал себя просто с рабочими, жил в дружбе. Он был хорошим артистом. Вместе с рабочими сделал летний театр, сами ставили спектакли, а в зимние времена ставили спектакли в школе. Кроме того он был любителем пожарного дела, сумел организовать пожарную дружину из рабочих. По воскресеньям он делал пожарную тревогу. Одевался просто/.../».⁵

Надо заметить, что при Колчаке деятельность Щегловского культурно-просветительного общества худо-бедно продолжалась, но с восстановлением советской власти Копикуз приказал долго жить, и общество разделило печальную участь своего учредителя. Однако, несмотря на все невзгоды и испытания Гражданской войны, инженер Лоханский остался в Щегловске. При большевиках он возглавил химический завод и, разумеется, сохранил свой театр, своих актеров-любителей из числа рабочих и служащих химзавода. Тем не менее сразу же после изгнания колчаковцев в городе остро встал вопрос о клубе, при котором в новых условиях мог бы существовать самодеятельный театр. Разумеется, речь шла о рабочем (или даже партийном) клубе. И на этот счет в облгосархиве сохранились кое-какие документы из фондов бывшей КПСС.

Уже 18 февраля 1920 года, т.е. через полтора месяца после окончания боев в городе, состоялось заседание членов Щегловского комитета РКП (б), на котором среди прочих рассматривался и интересующий нас вопрос. Вот выдержка из протокола заседания: «СЛУШАЛИ: /.../ 3. О рабочем и партийном клубе. ПОСТАНОВИЛИ: По постановлению общего собрания 18 февраля запросить Обсбикопь

⁴ Цит. по: Дыдевич В. М., Щербаков М. Г. Кемеровский коксохим. Кемерово, 1974. С. 23-24.

⁵ Кемеровский областной краеведческий музей (КОКМ). Научный архив.

о предоставлении дома инженера Лоханского на химическом заводе под клуб/.../».⁶

Разумеется, подобное решение не могло быть принято без согласия хозяина дома, даже больше — без его прямого участия. Не вызывает сомнений, что И.И. Лоханский, пользовавшийся огромным уважением у рабочих и кровно заинтересованный в сохранении своего любимого детища, сам активно агитировал за принятие такого решения. Ради искусства он готов был многим пожертвовать: ведь у театра, пусть даже самодеятельного, должна быть крыша над головой. И надо сказать, рабочие химзавода, те же члены партии, охотно шли ему навстречу, что, впрочем, неудивительно. Не стоит забывать, что в самом начале 1920-х годов (и об этом мы уже писали в предыдущей

Пятницкий, от военного комиссариата — тов. Сайкин, от отдела Управления — тов. Попов Ф., от отдела народного образования — тов. Скарин и от уездного агентства Центропечати — тов. Бехтерев». Первый пункт в повестке дня гласил: «Открытие Народного Дома». После доклада и последующих прений «ПОСТАНОВИЛИ: Предложить внешкольному подотделу при отделе народного образования [принять решение] об отводе помещения под Народный Дом, занимаемого в настоящее время Чекатиным/.../[Обеспечить] организацию Народного Дома в самый кратчайший срок, предложив со своей стороны техническую помощь/.../».⁷ Так в городе Щегловске появился свой Народный дом, а у театра Лоханского — постоянный кров над головой.

Актеры самодеятельного театра клуба Кемеровского химзавода (сезон 1923-1924 гг)

публикации) спектакли любительского театра под руководством (и с участием) инженера Лоханского пользовались совершенно феноменальной популярностью у жителей Щегловска и окрестных сел и деревень.

В марте 1920 года встал вопрос об открытии в Щегловске так называемого Народного дома, куда должен был переехать и рабочий клуб со своим театром. Проблема рассматривалась на большом «совещании представителей от отделов [Щегловского] уездревкома, заинтересованных во взаимоотношениях между советскими учреждениями в области культурно-просветительной работы в уезде».

Согласно сохранившемуся протоколу совещания, на мероприятии «присутствовали: от уездного центрального бюро РКП (б) — тов.

Вероятно, именно это здание рабочего клуба имела в виду З.Н. Сайдашева (Вейс), одна из старожилок Щегловска, когда через много лет вспоминала: «На заводе был построен клуб для рабочих, в саду. Мы туда частенько бегали. Ставились спектакли, руководил Лоханский/.../Жил Лоханский на берегу Томи недалеко от завода/.../».⁸

Кстати говоря, сам Иван Иванович (если брать известное нам литературное наследие инженера) упомянул о Народном доме лишь однажды. И то это была весьма лаконичная фраза. В своей известной статье «Кемеровский химический завод и коксовые печи», опубликованной в одном из столичных журналов в мае 1923 года, он писал: «Культурная жизнь заво-

⁶ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-15. Оп. ба. Д. 1. Л. 19 об.

⁷ Там же. Л. 24 об., 25.

⁸ Цит. по: Балибаловские чтения. Вып. 7. Кемерово, 2013. С. 279, 280.

да сосредотачивается в Народном Доме, вмещающем 600 человек зрителей. При Народном Доме имеется рабочий клуб, библиотека и читальня». ⁹ Характерно, что о рабочем театре в статье не сказано ни слова.

Какой же образ жизни вел в первые годы после окончания Гражданской войны в Кузбассе главный инженер (а по факту — директор) Кемеровского химзавода И. И. Лоханский? Каков был режим его дня? Об этом сохранились довольно саркастические свидетельства иностранных колонистов, которые как раз в начале 1920-х годов появились в Щегловске. Отношение руководства АИК «Кузбасс» к Лоханскому было резко критическим, и надо признать, не без оснований. В своих воспоминаниях, опубликованных почти через полвека после описываемых событий, Нэмми Спарк, один из иностранных колонистов, писал: «Полдюжины русских инженеров, которые по-прежнему работали на химзаводе, не испытывали никакой симпатии к Советскому правительству, а еще меньше — к американцам, приехавшим в Кемерово, чтобы ими руководить. Ровно в 10 часов утра русский директор приезжал на завод на конном экипаже. Сидя в кабинете, он занимался чисто администраторской работой, отдавая распоряжения своим помощникам. Он знал, что точно в 3 часа дня к конторе подъедет экипаж с грациозной лошадейю ¹⁰ и он уедет. Рабочий день закончен». ¹¹

Куда же так спешил «русский директор»? Догадаться, конечно, несложно. Иван Иванович Лоханский спешил к своей труппе. Там, среди актеров-любителей, был его второй дом, и всю вторую половину дня он посвящал «служенью музам», а именно — музе трагедии Мельпомене и музе комедии Талии (поскольку театр ставил и то и другое, но о репертуаре чуть позже).

Американская колонистка Рут Эпперсон Кеннелл вскоре после возвращения из России опубликовала небольшую повесть для детей «Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове». Кроме основной сюжетной канвы, в книжке почти нет вымысла. Повествование, во многом, основано на реальных событиях, связанных с деятельностью АИК «Кузбасс» в Щегловске начала 1920-х

годов. Большинство персонажей имеют реальные прообразы. В частности, инженер Лоханский выведен в повести под именем «директора химзавода Сорокина», о котором в городе постоянно «говорили, что он увлекается театром и много времени проводит в Народном Доме на левом берегу, где занимается постановкой любительских спектаклей». ¹²

Нельзя не отметить также еще одну любопытную деталь: театр под руководством Лоханского приносил определенный доход, потому что посещение спектаклей было платным. Суммы, полученные от публики, бывали разными, но вырученные деньги очень часто шли на различные «добрые дела».

Вот характерный пример. 1921 год, в России разворачивается борьба с голодом. А что в Кузбассе? Обратимся к архивным документам, в частности, к протоколу общего собрания парторганизации Щегловска от 22 сентября 1921 года. По первому (и главному) вопросу повестки дня собравшиеся слушали «доклад уездной комиссии по организации помощи голодающим/.../ Докладчик/.../сообщил, что комиссия предполагает организовать по уезду месячник помощи голодающим путем организации постановок спектаклей/.../в наиболее урожайных волостях/.../Тов. Аптекарь (рабочий, член партии. — Н. Г.) задает вопрос, все ли результаты от постановок спектаклей комиссией получены и в каком количестве. Докладчик ответил, что деньги собраны не все, и предполагается, что уже собрано около полутора миллиона/.../». ¹³

Однако не всегда удавалось собрать нужные суммы. Перед нами еще один архивный документ — протокол заседания президиума Кемеровского райкома РКП (б) от 26 июня 1923 года: «СЛУШАЛИ: Заявление завжеготделом о том, что устроенный в пользу аэроплана «Красная Сибирячка» спектакль не дает нужных результатов, ибо рабклуб, беря плату за оркестр, грим и т.д., этим самым чистую выручку сводит ни к чему.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) Признавая положение с рабклубами ненормальным, предложить культотделу к 15 сего июля разработать проект расширения, оживления и углубления работы рабклубов и урегулирования их отношений с организациями, имея в виду, что часть постановок спектаклей для рабочих должна быть бесплатной.

⁹ *Топливное дело. 1923. № 5. С. 39.*

¹⁰ *Впрочем, по воспоминаниям З. Н. Сайдашевой (Вейс), «Лоханский ездил на двух рысаках, с бубенцами /.../» (Цит по: Балибаловские чтения. Вып. 7. Кемерово, 2013. С. 279).*

¹¹ *Цит. по: Неизвестный Кемерово. История американской колонии в Сибири (1921–1926). Кемерово, 2010. С. 119.*

¹² *Кеннелл Р. Э. Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове. Кемерово, 2008. С. 36.*

¹³ *ГАКО. Ф. П–15. Оп. 6а. Д. 5. Л. 57.*

2) Обратить внимание/парт/ячеек на работу и участие в работе рабклубов.

3) Вопрос по заявлению завженотделом разрешить по согласованию его с культотделом и рабклубом/.../».¹⁴

В конце того же года (протокол от 20 ноября 1923 года) Кемеровский райком РКП (б) вновь принимает постановление: «/.../Договориться с рабклубом о проценте отчислений в пользу МОПР со спектаклей/.../».¹⁵

Были и другие расходы «театральных доходов», что, может быть, воспринималось неоднозначно. В свете сказанного нельзя не коснуться тех разногласий, которые с самого начала работы труппы в рабклубе стали возникать у Лоханского с парторганизацией химзавода (и города). На этот счет почти не сохранилось документов, но можно сказать, что начиналось все как бы с пустяков.

Перед нами протокол общего собрания членов РКП (б) химзавода от 6 декабря 1921 года. Пункт 6 повестки дня: «О Нардоме». По этому пункту читаем буквально следующее: «Тов. Корнев указывает, что публика ведет себя во время спектаклей вызывающе и нетерпимо, в особенности, во время, когда говорят ораторы. Тов. Чистов говорит, что у нас/Нардом/не называется Нардомом, а/в/последнее время/его/переименовали в театр, и наше старое постановление о названии рабклуба имени Рукавишникова (первый председатель Щегловского Совдепа, погибший в Гражданскую. — Н. Г.) остается на бумаге, и/Нардом/кем-то переименован.

ПОСТАНОВИЛИ:/.../2. Выяснить, кем повышены цены на билеты, кем переименован Нардом в театр.

3. Прекратить эксплуатацию Нардома труппой упробфа (неразборчиво. — Н. Г.)/.../».¹⁶

Можно только гадать, какие коллизии сотрясали и какие страсти (отнодь не театральные) пылали тогда в Щегловском Народном доме. Повторяем, архивных документов о рабклубе сохранилось крайне мало, и поиск их продолжается. Не совсем понятно, в частности, кого в итоге определили в «виновники» всех этих «переименований» и «повышений» (хотя без Лоханского тут вряд ли обошлось). Во всяком случае в следующем 1922 году у главного инженера было несколько скандальных столкновений с партийными органами завода по поводу использования Народного дома. В этих

¹⁴ Там же. Оп. 6. Д. 2. Л. 30.

¹⁵ Там же. Д. 16. Л. 28.

¹⁶ ГАКО. Ф. П-242. Оп. 1д. Д. 6. Л. 29, 29 об.

стычках И. И. Лоханский неизменно отстаивал интересы своей труппы: речь шла о времени проведения в Нардоме репетиций и спектаклей, а оно, это время, нередко перекрывалось разного рода идеологическими диспутами и митингами.¹⁷

Вообще говоря, идеологическая составляющая все больше вплеталась в этот медленно разгорающийся конфликт. На дворе, как-никак, был нэп, что, конечно же, находило свое нелицеприятное, а зачастую и весьма спорное отражение во всех сферах советского (и несветского) искусства. Не миновало сие поветрие и маленький любительский театр в далеком сибирском городке Щегловске. К тому времени экономика страны повсеместно начала восстанавливаться; жизнь, казалось бы, налаживалась; нэп, что называется, «цвел и пахнул». После стольких лет войн и лишений людям хотелось чего-то светлого и веселого. И вот летом 1922 года Лоханский «со товарищи» разродились спектаклем «Рабыни веселья». Спектакль, наверное, был очень веселым, что видно и по названию. Но очень скоро местные партийные инстанции выяснили, что пьеса насквозь пропитана буржуазной пошлостью и безыдейностью. (Хотя, возможно, в наше смутное время она вполне пришлась бы ко двору.) И, похоже, именно эта злополучная постановка имела для любительской труппы Лоханского (да и для него самого) самые роковые последствия...

Обратимся к уникальному документу. Перед нами протокол № 10 общего собрания членов РКП (б) Кемеровского химзавода от 14 августа 1922 года. На собрании присутствовали 40 человек. При обсуждении текущих дел был рассмотрен и интересующий нас вопрос. Приводим этот судьбоносный текст целиком: «/.../О пьесе «Рабыни веселья».

Ковалев говорит, что постановку пьесы «Рабыни веселья» допустить нельзя, так как она не дает рабочему никакого воспитания, а наоборот, развращающе действует на рабочую молодежь. Далее/он/указывает, что Нардом химзавода устроен трудами рабочих, и рабочие в настоящий момент не могут получить в нем полезного для себя развлечения. И хозяином этого Нардома благодаря бешеным ценам сделалась нэповская публика, и рабочий химзавода остается за бортом.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) Протестовать против постановки пьесы «Рабыни веселья», и вперед без просмотра цензора ни одна пьеса не должна быть поставлена.

¹⁷ См., например: Там же. Оп. 1. Д. 313а. Л. 53, 53 об.

Коллектив
самодеятельного
театра при клубе
Кемеровского
химзавода в 1924 г.

2) Расторгнуть договор об аренде Нардома с Ангевичем.¹⁸

3) Распустить труппу Райгуля (! — Н. Г.).

4) Установить цены/на/места на спектакли такие, чтобы рабочий мог купить билет/.../».¹⁹

На полях данного документа чья-то начальствующая рука (подпись неразборчива) красными чернилами начертала две резолюции. Там, где говорится о выступлении Ковалева (рабочего химзавода, активного партийца), приписано: «Вызвать Ковалева». На первой странице протокола, в верхнем левом углу, та же рука размашисто набросала следующий текст: «Провести на заводе агитацию и разъяснить постановление райкома по отношению пьесы «Рабыни веселья». 16 августа 1922 г.».²⁰

Ну что ж, дорогие читатели, наступали тяжелые времена для самодеятельного театра рабклуба. Усиливались цензурные ограничения. Театральный сезон 1922/23 года оказался последним для И. И. Лоханского. Он еще руководил труппой (и играл в спектаклях), но уже в марте 1923 года, как мы знаем, вынужден был уволиться с завода и покинуть Щегловск. Некоторые актеры-любители покинули сцену вслед за своим руководителем. После него труппу возглавляли разные случайные лица, приглашаемые партийным руководством завода со стороны, но всякий раз ненадолго. Рабочий театр Кемеровского химзавода постепенно терял свое былое лицо, скатываясь к примитивному агитпропу. На этом и закончилась уди-

вательная эпоха расцвета самодеятельного театрального творчества в нашем юном городе, связанная с именем инженера И. И. Лоханского.

В заключительной части данного очерка хотелось бы рассказать о нескольких уникальных фотографиях, которые читатель видит перед собой. Все они относятся к началу 1920-х годов и ныне хранятся в фотофонде Государственного архива Кемеровской области. Эти раритетные фотодокументы, живые свидетели далекой эпохи, в той или иной степени касаются истории любительского театра Кемеровского химзавода и хорошо иллюстрируют наш очерк.

Происхождение фотоснимков неясное. Все они хранились в бывшем партархиве Кемеровского обкома КПСС до тех пор, пока в 1991 году, согласно известному президентскому указу, фонды партийного архива не были переданы в состав фондов Государственного архива Кемеровской области. Не сохранилось никаких документов, которые бы проливали свет на то, при каких обстоятельствах, когда и от кого эти фотографии поступили в партархив. Известно лишь, что работники партархива проводили большую работу по сбору редких фотоматериалов от старожилов города и ветеранов партии и комсомола в период 1960-80-х годов.

Для данной публикации мы отобрали семь редчайших фотоснимков и расположили их в примерной хронологической последовательности. На фото №1 читатели могут видеть коллективное фото (скорее всего, копию) руководителей цехов и отделов Кемеровского химического завода,²¹ датированное 11 февраля 1923 года. Среди них И. И. Лоханский. По на-

¹⁸ Ангевич — на тот момент управляющий Кемеровским районом, а также управделами «Кузбастреста», непосредственный начальник и покровитель И. И. Лоханского. Очень скоро будет исключен из партии и снят со всех постов.

¹⁹ ГАКО. Ф. П-242. Оп. 1. Д. 314. Л. 123 об., 124.

²⁰ Там же. Л. 123

²¹ См.: ГАКО. Фотофонд. Оп. 8. Ед. хр. 750.

шему мнению, это его последнее фото в Щегловске. К сожалению, не все лица на снимке идентифицированы. Согласно надписи на паспорту, слева направо: 1-й (верхний) ряд: 5 — Кинсватор Яков; 6 — Городилов, начальник планового отдела химзавода; 7 — Зевакин; 2-й ряд: 1 — Ломаченко, начальник строительства печей (по кладке огнеупора); 2 — Кравченко Флегонт Иванович, гл. бухгалтер конторы химзавода; 3 — Семиградская Надежда; 5 — Семиградская Анна; 3-й (нижний) ряд: 3 — Лоханский Иван Иванович, гл. инженер химзавода; 4 — Шуман Франц Станиславович, начальник ремонтно-механического цеха; 5 — Тебеньков Василий Владимирович, бухгалтер химзавода.

Огромный интерес представляет еще одна коллективная фотография (фото №2). Скорее всего, это тоже копия.²² Снимок поистине бесценный! Здесь мы видим труппу И.И. Лоханского в поздний период ее существования, и вот почему можно так считать. На стенке, если присмотреться, висит рекламный плакат с надписью: «Сезон 1922-1923 гг.». Поэтому, с известной осторожностью, фотографию можно датировать либо концом лета, либо осенью 1922 года. Вглядитесь, какие замечательные лица у этих провинциальных актеров-любителей! Жаль, что большинство людей, изображенных на снимке, остались неизвестными. На паспорту читаем следующие скупые строки: «Слева направо: 1-й ряд (сверху): 1 — Бржезинская Валентина Антоновна, учительница начальной школы; 2-й ряд: 1 — Кравченко Флегонт Иванович, умер в 1944 г.; 3 — Бржезинская Ольга Антоновна, учительница начальной школы».

Относительно Ф.И. Кравченко можно сказать, что в труппе у Лоханского он был давний и активнейший актер-любитель. Между прочим, Флегонт Иванович являлся родным отцом В.Ф. Кравченко-Савицкой, летчицы-героини времен Великой Отечественной войны, Героя России и близкой подруги другой героини — Веры Волошиной.

Мы не зря завели речь о Волошиных. Отчим Веры Д.С. Волошин одно время подвизался актером в любительском театре рабклуба, а мать Веры Клавдия Лукьяновна была постоянным суфлером театра, хотя ей тоже иногда доводилось выходить на сцену. Поэтому Лоханского она хорошо знала и помнила до конца своих дней. Так вот, на наш взгляд, Клавдия Лукьяновна на этой фотографии может присутствовать. Во всяком случае, светловолосая симпа-

тичная женщина, которая сидит, сложа руки на коленях (2-й ряд, 4-я справа), очень на нее похожа.

А где же сам основатель и руководитель театра? На паспорту его фамилия не значится. Но если присмотреться к лицам актеров, то можно прийти к однозначному выводу: И.И. Лоханский полулежит в нижнем ряду (1-й справа). Достаточно сравнить этого человека с достоверным изображением Лоханского на (фото №1), чтобы убедиться в их полной идентичности. Глаза, нос, усики, прическа, даже одежда — всё совпадает. Да и поза его вполне понятна. Иван Иванович не стремится как-то выделиться. Он, как всегда, в «гуще народа», т.е. своих актеров — простых рабочих и служащих. Они для него свои люди, а театр — дом родной.

Очень важно обратить внимание читателей еще на одну существенную деталь. За спиной у актеров труппы, на задней стене (а может быть, прямо на занавесе), развешаны рекламные плакаты с репертуаром самодеятельного театра на сезон 1922/23 года. Это крайне любопытная «информация к размышлению» (как выразился бы известный киноведец). Она многое может сказать об уровне данного театра. Четко просматриваются заголовки пьес (правда, не всех). Вот лишь некоторые из них: «Склеп», «Майорша», «Дни нашей жизни», «Зиночка», «Обездоленные», «Вторая молодость», «Пути к счастью», «Как снег на голову», «Кабаре», «Тяжкая доля», «Рыбаки», «Цена жизни», «Сыщик», «Жертва эгоизма», «Герой XX века», «Маленькая война», «Клеймо греха», «Столичный воздух», «Лес», «Бешеные деньги» и др. Последние две пьесы, безусловно, принадлежат перу А.Н. Островского. (Причем относятся эти комедии к числу лучших произведений великого драматурга.) Значит, И.И. Лоханский ставил и русскую классику.

На (фото №3) представлено коллективное фото (подлинник)[23] участников художественной самодеятельности клуба Кемеровского химзавода, выехавших на отдых за город. Несомненно, среди них есть и актеры любительского театра, и сам Лоханский. Но, к сожалению, лица плохо различимы, а на паспорту нет никакой пофамильной подписи.

Следующая замечательная фотография (фото №4) уже была опубликована нами ранее, но теперь хотелось бы ее прокомментировать. Это подлинник [24]. На обороте имеется надпись: «Группа девушек-членов драмкружка КХЗ. 1922-23 гг.?». Здесь же карандашная

22 См.: Там же. Ед. хр. 1005.

приписка: «Копию Котельникова». В углу помечено чернилами: «МИКК ОФ — 1483». Это значит, что фото, возможно, попало в Кемеровский партархив из Музея истории комсомола Кузбасса (МИКК). Судя по характерным декорациям, снимок был сделан в фотоателье С.С. Бывшева, весьма популярном в те годы в Щегловске. Из надписи на паспорту следует, что перед нами следующие лица: (слева направо) в верхнем ряду (сидят): 1 — Штейнгард Женя; 2 — неизвестная; 3 — Ковакина Васена; в нижнем ряду (полулежат): 1 — Штейнгард Аня; 2 — Ковакина Маша; 3 — Стрижак Феня.

ремонтно-механического цеха; 5 — Ушаков Александр Александрович; 7 — Волошин Даниил Степанович, муж К.Л. Волошиной; 11 — Тимофеев Дмитрий, бывший красногвардеец; 3-й ряд: 5 — Ларионова Анна; 6 — Богословский, руководитель труппы (после Лоханского); 9 — Ларионова Екатерина; 11 — Дряхленко Иван; 4-й ряд (сидят на земле): 1 — Котельникова Екатерина; 2 — Ушакова Параскева; 3 — Котельников Константин Иванович.

Наконец, завершает нашу подборку коллективных фотографий актеров-любителей химзавода превосходный снимок, относящийся

Духовой оркестр рабочего клуба Кемеровского химзавода (1924 г.)

Все девушки — активные участницы любительского театра И.И. Лоханского.

На (фото №5) читатель может видеть еще одну коллективную фотографию (и тоже подлинник) актеров самодеятельного театра рабклуба, относящуюся к сезону 1923/24 года [25]. К этому времени прошло, по крайней мере, полгода с того момента, как инженер Лоханский покинул Щегловск, но актерский состав его труппы вряд ли существенно изменился. Более половины лиц на данном фотоснимке остались неопознанными. Фамилии остальных в свое время удалось установить работникам партархива. Из надписи на паспорту следует: (слева направо) 1-й ряд (сверху): 1 — Сысоев Федор, комсомолец с 1920 года; 4 — Хромов Петр Михайлович; 5 — Краснов Василий Васильевич; 10 — Волошина Клавдия Лукьяновна, мать Веры Волошиной; 14 — Чистяков Лаврентий Тимофеевич, столяр, первый Герой Труда КХЗ; 2-й ряд: 1 — Баталова Вера; 2 — Тимофеев Александр, комсомолец, токарь

к 1924 году (фото №6). Скорее всего, это подлинник [26]. Мы видим, что актеры расположились в четыре ряда на фоне своего родного театра. (Соответствующая вывеска на здании четко просматривается за их спинами.) Что примечательно, на паспорту имеется большой и довольно подробный список лиц, изображенных на фото. Приводим этот текст полностью: «(слева направо): 1-й ряд (сверху): 1 — Курочкин Алексей, активист клуба; 15 — Жигаев Сергей (в черной кепке), актер клуба.

2-й ряд (сверху): 1 — Шахнович Руфим, секретарь ячейки РЛКСМ химзавода (после Арефьева); 2 — Майкоп (старший), контролер-любитель, администратор клуба; 3 — Хромов Петр Михайлович, кружковец клуба; 4 — Козловский (младший брат), актер клуба; 5 — Ковакин Павел Петрович, актер; 6 — нераспознанный; 7 — Лазарев, плотник-столяр клуба; 8 — Аннус Роза, комсомолка, актер клуба; 9 — нераспознанный (на наш взгляд, этот мужчина очень похож на Д.С. Волошина, отчима Веры Володи-

ной. — Н. Г.); 10 — Ефимов-Ванин Иван, актер клуба (стал знаменитым артистом).

3-й ряд: 1 — Майкоп (младший), актер; 2 — Козловский (старший брат), актер; 3 — Нагайцев Петр, актер-любитель; 4 — Кремлев Венедикт Анатольевич, руководитель труппы; 5 — Котельников Константин Иванович, зав. клубом КХЗ; 6 — Штейнгард Анна и 7 — Штейнгард Женя, актрисы клуба/это/две сестры; 8 — Редькин, активный комсомолец, актер клуба; 9 — Стрижак Феня, активная комсомолка, актриса-любитель; 10 — неизвестный.

4-й ряд (нижний): 1 — Баталова Вера, активистка клуба; 2 — Ковакина Мария Петровна, активная комсомолка, актриса-любитель клуба; 3 — Садырина Вера, комсомолка, активистка клуба; 4 — Ковакина Василиса, комсомолка, актриса-любитель клуба; 5 — Ларионова Анна, актер-любитель; 6 — Волошина Клавдия Лукьяновна, суфлер клуба (примечательно, что руки у нее сложены на коленях; это характерная поза и для упомянутой выше женщины, изображенной на (фото №2). — Н. Г.); 7 — нераспознанный».

Несколько слов хотелось бы сказать о некоем Иване Ефимове-Ванине из второго ряда, о котором в списке на паспорту скупно сказано, что он «стал знаменитым артистом». Трудно сказать, о ком идет речь. Возможно, неизвестный информатор допустил ошибку (память подвела). А возможно, имелся в виду довольно популярный в советское время киноактер (и режиссер), народный артист СССР Василий Васильевич Ванин (1898—1951). Если верить кратким биографическим сведениям, В.В. Ванин после окончания студии в Тамбове, в период 1921-1924 годов, служил в различных театрах страны (с 1924 года прочно обосновался в Москве). Однако в доступных нам биографических материалах об этом актере город Щегловск нигде не фигурирует. Впрочем, вопрос требует дальнейшего изучения.

В заключение нашего очерка нельзя не упомянуть о духовом оркестре рабочего театра клуба химзавода. Мы уже писали выше о самом первом оркестре, созданном усилиями инженера Лоханского в 1917 году с помощью военнопленных (немцев и венгров), размещавшихся в Щегловске, а также отдельных умельцев из числа рабочих и служащих завода. Кадры талантливых исполнителей, знавших музыкальную грамоту, владевших различными инструментами, черпались из тех же «народных истоков». С годами персональный состав коллектива менялся, но оркестр неизменно «озвучивал» спектакли в любительском театре И.И. Лоханского, регулярно проводившиеся

в рабклубе танцы и другие мероприятия общественной и культурной жизни города. На (фото №7) читатели могут видеть состав этого оркестра образца 1924 года (т.е. через год после отъезда Лоханского). На паспорту фотоснимка [27] имеется довольно подробная надпись, перечисляющая участников (правда, не всех) духового оркестра на тот период. Приводим данный текст целиком: «Верхний ряд (стоят слева направо): 1 — Кузин Андрей, купец; 2 — Псковитин Галактион (репрессирован в 1937 г., погиб); 3 — Стрижак Иван; 5 — Чистяков Степан; 6 — Шушканов Андрей; 7 — Галицин Юрий.

Средний ряд (сидят слева направо): 1 — Крылов Сергей; 3 — Котельников Константин; 4 — Василий Васильевич Стукан, руководитель оркестра (приехал из военного училища Томска); 5 — Самарин, бухгалтер завода; 6 — Ефремов Анатолий, слесарь-лекальщик и художник.

Нижний ряд (слева направо): 1 — Ковальчук Петр, рабочий мехцеха; 2 — Журавлев Николай, слесарь; 3 — Крылов Василий (работал в сапожной мастерской); 4 — Курочкин Алексей».

Такова краткая история самого первого театра, появившегося в Щегловке (Щегловске) в революционном 1917 году. И пусть новорожденный театр был непрофессиональным, любительским, все-таки он представлял собой яркое, красочное, многообразное, совершенно удивительное явление в жизни нашего юного города. Около семи лет продолжалась эта маленькая феерия в далекой сибирской глубинке. Ни войны, ни лишения не смогли загасить яркий, чистый огонек народного творчества и людской надежды. Но уже наступала новая эпоха в истории страны (и нашего города). После вынужденного отъезда И.И. Лоханского его детище — рабочий театр — постепенно растеряло весь свой былой облик. Щегловский театр стал другим, время Лоханского ушло безвозвратно. Однако роль и значение созданной им маленькой труппы энтузиастов (рабочих и интеллигентов) в генезисе и становлении театрального Кузбасса трудно переоценить.

К сожалению, тема нашего очерка практически не изучена. Свидетельства современников можно пересчитать по пальцам, архивных документов тоже сохранилось крайне мало, и поиск их продолжается. И если, уважаемые читатели, кто-нибудь из вас владеет новой, неизвестной информацией о Лоханском и его театре (воспоминания родных и знакомых, старые письма, фотографии и т.д.), убедительная просьба связаться с редакцией, с автором этих строк и тем самым внести свой посильный вклад в нашу историческую науку, в краеведение Кузбасса.

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ольга ПРЕДЕИНА

Истории некоторых предметов, попавших в музей разными путями, могли бы стать сюжетами небольших, но занимательных рассказов. Особенно когда становится известна история не только самого предмета, но и его владельца. К сожалению, так бывает далеко не всегда. Когда за предметом кроется некая тайна — биографическая или историческая, для музейного хранителя начинается настоящая работа, распалюющая воображение, затягивающая в воронку поиска.

Случилось так, что нам позвонили в музей и предложили забрать швейную машинку марки SINGER столетней давности. Такая машинка не первая в наших музейных фондах, но была в ней своя привлекательность: вместе с ней хозяйка машинки предложила еще и старые дедушкины карманные часы, давно пылившиеся в ящике стола. Как говорится, никуда не приставить, а выбросить жалко.

С первого взгляда было понятно, что вещь стоит внимательного изучения, хотя внешний вид часов был довольно жалок и требовал участия мастера. Вензельные украшения на трех крышках часов были изящны. Белый фарфоровый циферблат с тоненькими стрелками украшали римские цифры. Каждая из крышек несла какую-то информацию.

И вот начинается такая желанная, кропотливая работа «хранителя древностей», когда

перед тобой встают вопросы: кто, где, когда и откуда?

На одной из трех крышек стояли проба серебра и необычный фирменный знак — упряжка с саночной повозкой. Часы были изготовлены компанией, основанной в 1865 году. Основателю компании — гениальному часовщику Жоржу Фавру-Жако — было всего 22 года. Он родился в местечке Ле Локль, Швейцария. Открыл компанию «Georges Favre-Jacot & Cie». Человек амбициозный, он поставил себе цель — производить только самое лучшее и быстро привел свою компанию к процветанию. Производства открывались по всей Европе. Львиная доля экспорта приходилась на Россию. Дореволюционные серебряные часы, выпущенные для России, подписывались по-русски. Такие часы не являются большой редкостью для коллекционеров: их было много завезено в нашу страну, но русские подписи ценятся особо.

Фирменным знаком карманных часов стала упряжка лошадей с санями на внутренней стороне крышки. И, может быть, это также добавляло привязанности русских людей к этим часам. Под знаком есть подпись «Часы для России. Анкер. 15 камней. Верный ход».

До 1911 года компания носила имя своего создателя — Жоржа Фавра-Жако. В 1911 году, навсегда вписывая в историю свою компанию, он дает ей название самого сложного из созданных им механизмов — ZENITH (часы этой марки широко известны в наше время во всем мире). Таким образом, становится понятно, что поступившие в музей часы были произведены до 1911 года. Хорошее, ценное пополнение нашей коллекции часов!

К большому сожалению, остается тайной, где и как были приобретены эти часы, нет сведений о владельце. Такая вот незаконченная история...

ВИКТОР
СОКОЛОВСКИЙ

НАЧАЛЬНИК

СТРОЙКИ

В отделе кадров Кемеровской ГРЭС сохранился «Личный листок по учёту кадров», заполненный рукой Соколовского.

Фамилия – Соколовский.

Имя – Виктор.

Отчество – Филиппович.

Родился – в 1895 году 26 августа.

Место рождения – Харьков.

Пол – муж.

Народность – украинец.

Социальное происхождение – рабочий.

Основное занятие родителей – гильзовых патронов мастер.

Основная профессия – электромонтёр.

Сколько лет работал по этой профессии – 6 лет.

Партийность – член ВКП (б). (Вначале было написано «партийный», потом это слово было зачёркнуто и написано: «член ВКП (б)»).

Партийный стаж – с 1919 года.

Состоял ли в других партиях – нет.

Образование – домашнее.

Служил ли в старой армии.

С 1915 по 1917 гг.

Последний высший чин – рядовой.

Добровольцем вступил в Красную Армию.

В 1919 году был назначен военно-продовольственным комиссаром

Наркомпрода и одновременно руководителем оперативной группы по борьбе с бандитизмом.

1923-1926 гг. Начальник

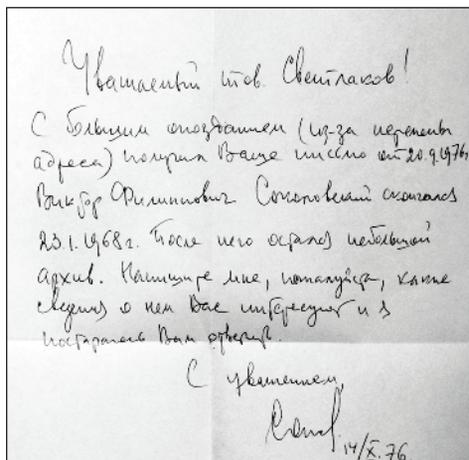
Карельского областного управления

Наркомвнешторга. Уполномоченный Наркомвнешторга в Киргизии и Кульдже (Западный Китай).

1926.2.10. Откомандирован в распоряжение ЦК ВКП (б).

С 1 марта 1930 г. назначен начальником строительства Кемеровской районной электростанции «Энергострой».

Впервые Виктора Филипповича Соколовского я увидел на экране. Занимаясь поиском кинодокументов по истории Сибири, совершенно случайно

в архиве обнаружил старую горячую плёнку. Это был фильм «Кемеровская ТЭЦ». Без звука. В одном из кадров был снят Соколовский. Титр подсказал: «От закладки до пуска ТЭЦ строительством руководит хозяйский глаз

Виктора Филипповича Соколовского».

В Москве в семье Соколовских удалось переснять несколько редких фотографий из семейного альбома. Скорее всего, эти фотографии и заставили подробнее узнать о жизненном пути этого человека. Была снята передача с воспоминаниями очевидцев, но, увы, она не сохранилась, как не сохранилось многое из того, что было снято на кемеровской студии телевидения.

Всегда, когда обращаешь свой взор в прошлое, невольно задаёшь вопрос: «Как передать то время? Какими красками, какими словами воскресить тот воздух, то пространство?»

Шёл 1930 год. Открыт Турксиб. Выпущен первый трактор Сталинградского завода, первый комбайн

Саратовского. Впервые проведены съёмки звуковой хроники. Вышла статья Сталина «Головокружение от успехов». Состоялся XVI съезд ВКП (б), вошедший в историю как съезд развёрнутого наступления социализма по всему фронту. Съезд принял решение сосредоточить усилия на подъёме тяжёлой индустрии.

В этот год получил новое назначение торговый советник Наркомпрода в Китае Виктор Филиппович Соколовский. В прошлом неграмотный русский солдат, попал под газовую атаку немцев — вот почему он лысый. В окопах выучил букварь. После революции работал в органах Наркомпрода в Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии и в Китае.

**Из воспоминаний
Соколовского:**

«Я полагаю, что если партия доверила тебе важное дело, то даже из глубины своего невежества ты обязан подняться, и поднимешься к вершинам такой величины, как в прошлом Дантон и Робеспьер».

**Из воспоминаний
Соколовского:**

«На площадке находилось два инженера-строителя и два десятника. Рабочих по списочному составу было четверо. Но ещё хуже обстояло дело со строительными материалами. Их на площадке совсем не было. И, пожалуй, самое существенное: у строительства не было необходимого подготовительного периода к таким большим и серьёзным работам, не было нужных материалов для составления на месте производственного календарного плана работ».

Тем не менее, Соколовский 2 сентября 1930 года издаёт смелый приказ: «Строительство приступило к работе и вступило в семью социалистическихстроек». В этот день был выписан первый наряд на работы. Строительных материалов нет, железа нет, людей нет, кредитов нет, главного инженера тоже нет, а распоряжение Энергостроя — приступить к закладке фундамента главного здания ТЭЦ — есть.

Прошла в заботах осень, наступила зима с лютыми холодами. Главного инженера всё не было. Ночами Соколовский изучает уже не Дантона и Робеспьера, а книги с прозаическими названиями: «Работа арматурщика», «Работа плотника», «Работа каменщика». Эти книги

рассчитаны на уровень рабочего, а он, начальник строительства, должен знать больше инженера. И он ночами учился читать чертежи. Спал ли он вообще?

Тут новая забота. Надо к 1 января установить 134 «башмака» — фундаментные опоры главного здания. В справочниках, как это практически делать, ответа не было. Тогда Соколовский предлагает строить тепляки вокруг каждой опоры. Это было впервые за всю историю железобетонных работ в Сибири. 31 декабря 1930 года в 11 часов и 28 минут по сибирскому времени на стройке закончили бетонирование 134 «башмаков».

Послали в Москву в ЦК ВКП (б) телеграмму о завершении работ. Там не поверили, думали, что телеграф ошибся — не 134, а 13. Выехали три комиссии. Проверили. На самом деле 134! Впервые за всю историю железобетонных работ было проведено бетонирование при 40 градусах мороза. Соколовский получает благодарность лично от Куйбышева.

Виктор Филиппович, используя то красноречие дипломата, то грубоватую напористость солдата, вопреки всему, чудом добывает всё (почти всё), что нужно для стройки. Например, для привлечения рабочих на стройку он заказывает в Щегловской типографии открытки с рисунками будущей электростанции и бесплатно раздаёт рабочим, с дальним прицелом. Мол, те пошлют их домой в деревню, там увидят, какой гигант

строят, и приедут.

Он пишет и выпускает в свет брошюры «Кемеровская электроцентральный» и «Кемеровский энергококсохимический комбинат». По его просьбе Сибирское отделение «Совкино» снимает фильм «Кемеровская ТЭЦ».

Из воспоминаний Соколовского:

«Как будто яркий кинокадр запомнилась мне такая сценка из прошлого. Идут вверх по мосткам девчата и парни «козлоносы» — на спинах по десятку-полтора кирпичей весом 10 фунтов, идут и поют тихонько. Не помню, какую песню пели, кажется «Мы смело в бой пойдём...» «Почему, — спрашиваю, — поёте?» — «Да так он легче, — отвечают, — когда поёшь».

На фотографиях первомайского праздника обратите внимание на лозунги. На одном из них написано: «Работницы! Боритесь за досрочный пуск электроцентрали». На другом: «Борьба за хозрасчёт — борьба за большевистские темпы строительства».

Проходили праздники, наступали будни. Стройку лихорадило. Случалось и такое.

Однажды, по возвращении из Москвы, на партийном активе Соколовскому сообщили, что темпы работы сбиты, есть нарушение трудовой дисциплины. Одним словом, «буза». Соколовский требует немедленно с этого ночного заседания разойтись по баракам. На себя берёт самый враждебный.

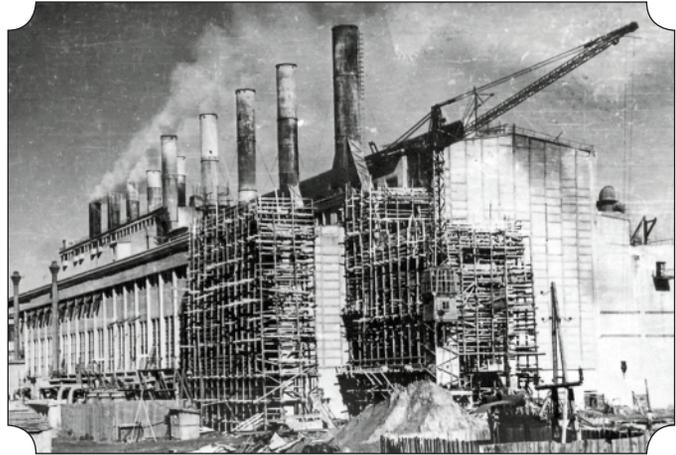
Забот у Соколовского было много. Каждый день был

расписан по минутам.

Надо было выступить перед молодёжью во Дворце Труда. Когда он выступал с лекцией или докладом, зал был переполнен.

Надо было побывать на пионерском сборе отряда № 3 школы № 30, где его избрали почётным пионером.

Надо было выполнить поручение комиссии по борьбе с неграмотностью.

Из воспоминаний Соколовского:

*«К знаниям и технике
люди тянулись
с необычайной силой.
Приходишь иной раз в барак
вечером — и будто пчёлы
гудят. В одном месте
измаявшиеся за день парни
пишут диктант, с силой
зажимая в негнущихся
пальцах карандаш,
в другом — сидит молодой
землекоп и, крепко
обхватив голову руками,
старается понять деление
дробей, а где-нибудь
в уголке, у свечки,*

*пристроилась девушка
и что-то по слогам
шёпотом читает».*

*В конце концов, надо
было вырвать время
для семьи, для сына,
хотя бы сводить его
в фотографию. Тут
ещё новая забота —
автомобиль.*

До пуска станции
оставались месяцы.

Встал вопрос:
«Как назвать?».

Ещё зимой 1930 года
Соколовский от имени

строителей посылал телеграмму в крайком ВКП (б) с просьбой назвать электростанцию именем секретаря Западно-Сибирского крайкома партии Р.И. Эйхе. На что Роберт Индригович ответил: «Кемеровская электроцентраль — один из крупнейших объектов социалистического строительства в нашей пятилетке. Ваше предложение назвать станцию моим именем — акт доверия партии. Гораздо правильнее связать это с именем крайкома партии, а не отдельного работника».

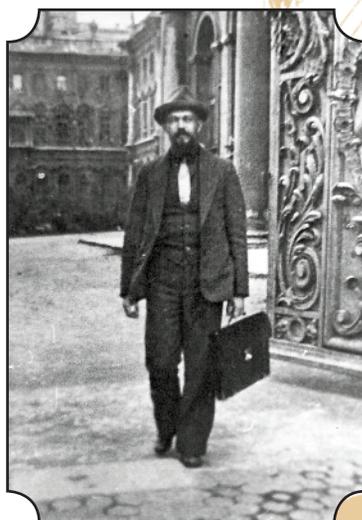
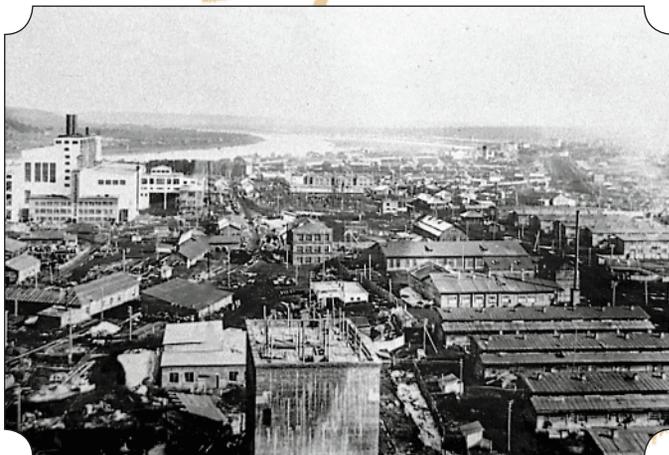
Так на здании станции появилась надпись «Имени Запсибкрайкома».

31 января 1934 года первая турбина Кемеровской ГРЭС дала первый ток.

*Потом след его потерялся.
Я нашел только одну
фотографию, где он в 1961 году
встречается с первым
космонавтом планеты Юрием
Гагариным на V Всемирном
конгрессе профсоюзов.*

В.ф. Соколовский

Из воспоминаний Соколовского:

«Никогда не забуду 31 января 1934 года, когда первая турбина Кемеровской ГРЭС вступила в строй. Как только в городе вспыхнул свет нашей электростанции, мы выбежали на улицу раздетыми, несмотря на трескучий мороз, бросились поздравлять друг друга. Было минус сорок, но холода никто не чувствовал».

После окончания строительства Виктор Филиппович Соколовский был назначен директором Кемеровской ГРЭС, затем начальником Азотостроя.

В одном из последних писем в адрес Кемеровской ГРЭС Виктор Филиппович писал: «Ваше поздравление меня тронуло до глубины души. Спасибо вам, родные мои товарищи, привет всему коллективу коммунистического труда

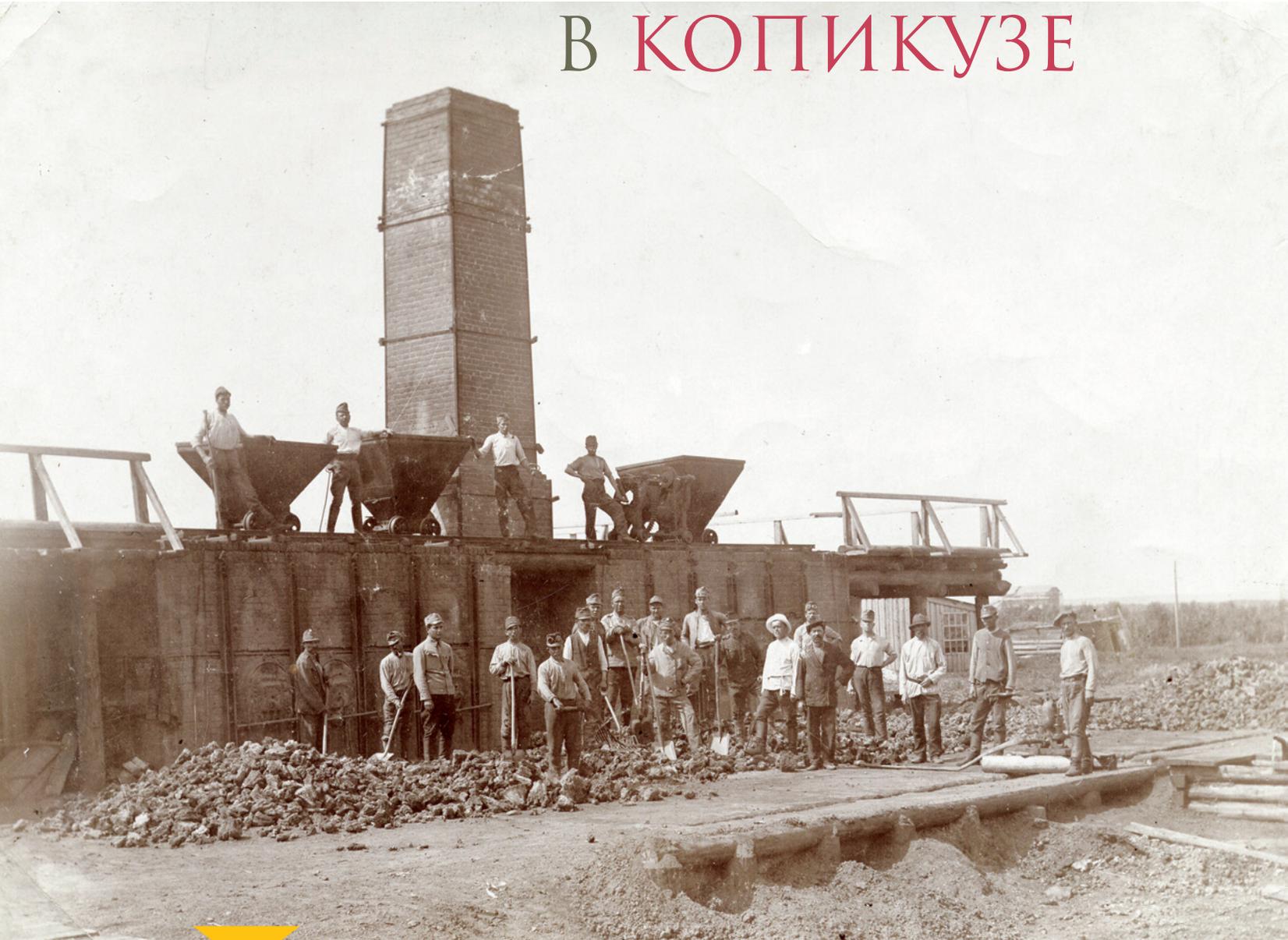
Кемеровской ГРЭС. Больше писать нет сил... С глубоким уважением, Соколовский.
г. Москва, май 1989 г.»

Кемеровская
электростанция

Новосибирск

ПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОПИКУЗЕ

Пленные у пробной печи на Кемеровском
коксохимзаводе

Сто лет назад началась Первая мировая война, ставшая поворотным событием, радикально изменившим ход и характер исторических процессов в Европе. Современники не зря называли ее Великой войной: 34 страны участвовали в войне, погибло около 10 млн человек, потерпели крах четыре империи, в том числе и Российская. Последовавшие затем в России 70 лет советской власти, относившейся к Первой мировой войне как к империалистической и грабительской, привели к тому, что Великая война была вычеркнута из истории и памяти целых поколений россиян. Для современных россиян эта война скорее «неизвестная». Время стерло ее материальные следы, и очень мало раритетов того времени хранится в музеях и семейных архивах.

Одним из таких немногих раритетов, часто используемых в кемеровских публикациях и на выставках, является одна фотография. На ней запечатлены люди в иностранной военной форме, стоящие у коксовой печи. Очевидно, что это пленные периода Первой мировой войны. Какие же события привели их в далекое сибирское село Щегловск?

Накануне Первой мировой войной на месте современного города Кемерово было несколько деревень на левом берегу Томи да небольшая Кемеровская угольная копь на правом, открытая в 1907 году на землях Кабинета Его Императорского Величества (К. Е. И. В.). Основным занятием местных жителей было хлебопашество. Тихую, размеренную деревенскую жизнь разнообразили только ярмарки, проходившие в селе Щеглово.

Кардинальные перемены в этом районе начались в 1913 году, когда здесь развернуло свою деятельность акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз). Получив в аренду на 60 лет Кабинетские земли в Кузбассе, его создатели намеревались превратить глухую провинцию Сибири в крупный индустриальный центр.

На территории будущего города Кемерово в ведение Копикуза были переданы Кемеровская копь да пустырь на левом берегу Томи. Предстояло построить на месте примитивной угольной копи хорошо оборудованный рудник с современными шахтами, а на пустыре — первый в Сибири коксохимический завод. Свою деятельность акционерное общество начало со строительства железной дороги — для соединения будущих предприятий с Транссибирской железнодорожной магистралью.

Размах промышленного строительства, за-

думанный создателями Копикуза, требовал большого количества специалистов и рабочих разного профиля, которых в этом районе не было. Копикуз начал формировать кадры для своих строящихся предприятий, не только привлекая местных жителей, но и завозя из европейских губерний сотни рабочих различных специальностей. Для них строили жильё, помогали обзаводиться хозяйством, стремясь превратить приезжих в оседлое местное население, чтобы создать слой промышленных рабочих.

Начавшаяся в августе 1914 года мировая война нанесла сильнейший удар по кадровой политике Копикуза. Большое количество рабочих с его предприятий было мобилизовано на фронт, что привело к резкому падению темпов работы и производительности труда.

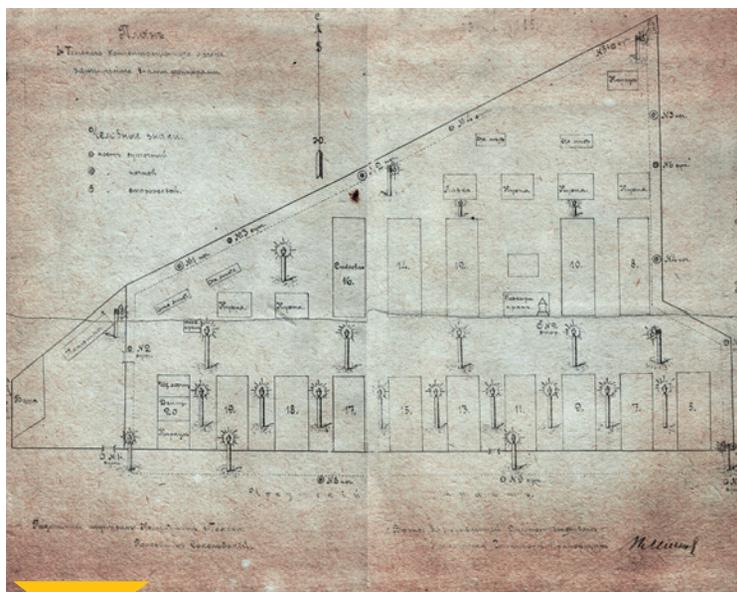
Такое положение с рабочей силой существовало не только на предприятиях Копикуза, но и во всей стране. За три с половиной года войны в России было мобилизовано в армию 14 млн 375 тыс. человек — около половины всех трудоспособных мужчин (474 человека из тысячи).

Предпринимались попытки компенсировать уход рабочих привлечением на их места женщин, несовершеннолетних, крестьян, а также возвращавшихся с фронта квалифицированных рабочих, в том числе и шахтеров. Но это не помогало существенно изменить ситуацию, поскольку труд первых был малопродуктивным, а отзыв с фронта рабочих носил единичный характер.

Массовый отток на фронт квалифицированных рабочих с фабрик и заводов России совпал с притоком в страну пленных неприятельских армий. Небывалое количество военнопленных стало отличительной чертой начавшейся войны. Появились первые случаи использования их труда, но в начале войны это явление носило характер наказания и было эпизодическим.

С разгаром войны положение с обеспечением экономики России рабочими руками всё ухудшалось. Царское правительство пришло к выводу, что оказавшиеся в стране массы военнопленных вполне могут быть использованы в качестве дешевой рабочей силы, способной восполнить отток собственного трудоспособного мужского населения.

В сентябре 1914 года царь Николай II поручил Совету Министров разработать систему мероприятий по использованию труда военнопленных. В 1914-1915 годах в России была создана нормативная база, регулирующая порядок привлечения военнопленных к работам в различных отраслях экономики:

Томский
концентрационный
лагерь для
военнопленных
офицеров

— 7 октября 1914 года были утверждены «Положение о военнопленных» и «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств»;

— 10 октября 1914 года — «Правила о допусшении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами»;

— 28 февраля 1915 года — «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы»;

— 17 марта 1915 года — «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях».

Последний документ предусматривал обеспечение рабочими предприятий горной, горнозаводской и фабрично-заводской промышленности и других крупных промышленных предприятий, имеющих государственное или общественное значение.

Копикуз, как и многие другие предприятия и ведомства страны, с 1915 года начал широко использовать на своих предприятиях труд военнопленных. Эту возможность предоставлял и 22-й параграф Договора между АО «Копикуз» и Кабинетом Е.И. В., регламентировавшего использование иностранных специалистов на предприятиях Копикуза. Он предусматривал, что контингент служащих и рабочих может состоять наполовину из русских и наполовину из иностранцев.

Способствовало более масштабному привлечению пленных на предприятия и снятие квот на их количество, существовавших до 23 июля 1915 года. Квоты предусматривали, что на каждом предприятии может работать не бо-

лее 25 пленных, а в процентном отношении их количество не должно превышать 15% от общего числа рабочих.

КОНЦЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Военнопленные поступали на предприятия Копикуза из Новониколаевского и Томского концлагерей. Для нас слово «концлагерь» наполнено зловещим смыслом и ассоциируется с нацистской Германией. Но во время Первой мировой войны это была лишь специально оборудованная территория для содержания военнопленных.

Небывалые масштабы войны обусловили то, что участвовавшие в ней державы оказались не готовы к принятию и размещению на своих территориях огромной массы военнопленных. Не справлялась с этим и Российская империя.

В российском плену за годы войны побывало более 2 млн солдат из Германии и Австро-Венгрии. Вначале размещение военнопленных было возложено правительством на городские управы. На первых порах для военнопленных выделялись казармы, освобождаемые русскими военными подразделениями, уходившими на фронт. Только из четырех запасных полков, расположенных в Новониколаевске, в 1914-1915 годах на фронт отправлялось ежемесячно по 25 тыс., а в 1916 году — по 15 тыс. человек.

При недостатке казарменных помещений города отводили для военнопленных помещения, вообще не пригодные для проживания, нарушая при этом международные конвенции о правах военнопленных. Пленных поселяли в заброшенных монастырях, зданиях учебных заведений, общественных организаций и даже на квартирах. Так, в Томске в сентябре 1914 года, до строительства концлагеря, военнопленных разместили в Доме науки и на пимокатной фабрике. Из-за нехватки жилищного фонда городские власти вскоре перестали справляться с постоянно увеличивающимся потоком пленных.

Выход из положения был только в строительстве специальных лагерей для военнопленных. Всего в России было создано 400 концлагерей, из которых 28 находились в Омском военном округе, в который входила Томская губерния, с городами Новониколаевск и Томск.

Участки под концлагери отводили обычно на окраинах городов, где строили большие бараки,

каждый лагерь был примерно на 10 тыс. плен-ных. В Томске приемку зданий концентрацион-ных лагерей для военнопленных осуществляла комиссия, которую возглавлял генерал-майор Марсов-Тишевский.

Территорию лагеря зачастую обносили ограждением с колючей проволокой. Внутри лагеря пленные могли свободно передвигать-ся. Военнопленные пользовались правом вести переписку с родными, используя специальные почтовые открытки, которые подлежали обяза-тельной цензуре.

Возможность нахождения вне лагеря ниж-них чинов была ограниченной. Такое право имели пленные офицеры при предъявлении пропуска или в сопровождении охраны. Офи-церов размещали отдельно от солдат — в сво-бодных казарменных помещениях группами от 20 до 400 человек, либо в специально обо-рудованных городских зданиях, либо на частных квартирах. Помимо обеспечения, выдаваемого из русской казны, пленные офицеры получали денежные переводы с родины, широко поль-зовались помощью представителей Красного Креста. В концентрационных лагерях суще-ствовали специальные офицерские столовые, клубы, библиотеки.

Большую часть военнопленных составляли солдаты Германии и Австро-Венгрии. Их раз-мещение на территории России производилось по национальному принципу.

Австро-Венгерская монархия представля-ла собой конгломерат различных народов: ав-стрийцев, немцев, венгров, чехов, словаков, сербов, хорватов, словенцев, украинцев, ру-мын и итальянцев. Большинство входивших в империю представителей славянских народов мечтало о независимости от Австро-Венгрии и не хотело воевать за ее интересы. Поэтому с начала войны появились случаи добровольной сдачи в русский плен чешских и словацких сол-дат. В 1915 году это явление приняло массовый характер — каждый 3-4-й военнопленный был славянином. Это обстоятельство, а главное — трактовка Россией войны как освободительной, ведущейся против австрийского и германского порабления славянства, предопределили раз-личное отношение царского правительства и военных властей к военнопленным славянам и неславянам.

Главное Управление Генерального Штаба, в ведении которого находились все пленные, с большей симпатией относясь к пленным славя-нам, размещало их в европейской части стра-ны. Немцев же, австрийцев и венгров, из сооб-

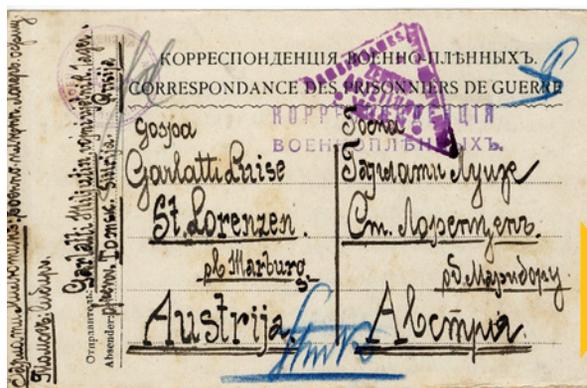

Из справочника по Красноярску 1922 г.

ражений безопасности, как менее надежных, отправляли в Сибирь — подальше от админи-стративных и экономических центров. Большая часть немцев и австро-венгров была размеще-на в Омском и Иркутском военных округах. В 1917 году в Омском военном округе находилось 207001 военнопленный, из них немцев было 13278, австро-венгров — 193515 человек.

Зимой 1915-1916 годов в Новониколаев-ском концлагере находилось 12 тыс. пленных, в Томском — 5,2 тыс. Определить точное количе-ство военнопленных из этих лагерей, работав-ших на предприятиях Копикуза, очень сложно из-за неудовлетворительного состояния учета, связанного с бесконечным перемещением пленных по разным местам работы. Кроме того, количество пленных в Копикузе не было постоян-ным — оно менялось в зависимости от интен-сивности производственной деятельности.

Основными местами работ военноплен-ных были строящиеся железная дорога, руд-ники и коксохимзавод. На 1 июля 1915 года в строительстве Кольчугинской железной до-роги участвовало 500 военнопленных. Самым многочисленным по числу работников был Кемеровский рудник, где работало 2448 чело-век. На Кольчугинской и Кемеровской копах в 1915 году работало 3059 человек, том числе

Почтовая карточка для военнопленных

301 военнопленный на Кемеровской копи и 250 — на Кольчугинской. В 1916 году на этих копиях работало уже 4467 человек, в том числе военнопленных соответственно 764 и 1262 человек. На Салаирский рудник 11 октября 1915 года прибыло 100 военнопленных.

На постройке коксохимического завода вначале работало 852 человека, позже, с началом строительства рекуперационного завода, количество увеличилось до 1952 рабочих. По воспоминаниям Ломаченко, мастера по постройке доменных и коксовых печей, рабочей силы на постройке завода было очень много, в особенности пленных немцев и жителей разных деревень.

Пленные австро-венгерской армии

Фотография, о которой шла речь выше, видимо, была сделана в 1915 году. В это время перед началом строительства коксохимического завода на берегу Томи было построено пять опытных коксовых печей. Руководил работой по подбору шихты, пригодной для коксования, Василий Ильич Пимениди — опытный мастер по выжигу кокса, приглашенный с Петровского завода в Енакиево. Процесс коксования продолжался в течение 24-36 часов. Группа военнопленных была сфотографирована на рабочем месте у одной из таких печей. Судя по их форме, это, скорее всего, пленные Австро-венгерской армии.

Одним из главных условий предоставления военнопленным предприятиям было обязательное размещение их в бараках и землянках и лишь при отсутствии таковых — в ближайших селениях или частных домах, но непременно казарменным порядком. Выполняя это условие, Копикуз во втором полугодии 1915 года построил четыре барака для военнопленных на Кемеровском руднике, при шахте № 8. В первом полугодии 1916 года на Кемеровском руднике для военнопленных были достроены два барака на

100 человек и начат барак на 200 пленных. В первом полугодии 1917 года построено четыре барака для рабочих и военнопленных.

На предприятиях Копикуза работали пленные разных национальностей, но установить их национальный состав с абсолютной точностью очень сложно. При составлении списков иногда прямо указывали их национальность: чех, словак, немец, германец, поляк, венгр. Но часто при регистрации писали «германский» или «австрийский пленный», указывая его принадлежность к одной из армий, а не национальность. В некоторых списках вписаны только государства и города, откуда пленные были родом.

Самыми разными были и специальности военнопленных. На предприятиях Копикуза военнопленные были кузнецами, копировщиками, плотниками, чернорабочими, сапожниками, плотниками и пр. Был даже садовник — Фриц Иосипович Шмацер.

Некоторые иностранцы, обладавшие высокой квалификацией, в условиях нехватки кадров использовались в качестве специалистов. В Копикузе маркшейдером при Управлении работал германский подданный Альберт Эрнстович Вагнер. Фридрих Фридрихович Клеменс был электротехником, Адольф Карлович Ганг — конструктором. На коксохимическом заводе врачом работал военнопленный из Венгрии Эрнст Эрнстович Штраус, доктор медицины.

Острая нехватка рабочих рук в Сибири часто позволяла пленным работать по своей специальности и иногда даже выбирать место работы. Обычно это касалось офицеров, которые в плену были на особом положении. Труд офицеров был добровольным, и они часто находили себе в городах хорошо оплачиваемую работу по своей гражданской профессии.

Военнопленные были дешевой, но не бесплатной рабочей силой. Их использование создавало для предприятий определенные трудности и материальные затраты. Если в начале массового использования труда военнопленных их обеспечение одеждой, обувью и бельем производилось за счет Военного министерства, то в дальнейшем эта обязанность была возложена на принявшее военнопленных предприятие или ведомство.

То же самое произошло и с зарплатой. В 1914 году рескрипт Николая II предписывал использование военнопленных на казенных и общественных работах без вознаграждения, с предоставлением им лишь казенного пайка. Позже, по новым нормативным актам, пленные предоставлялись предприятиям и ведомствам

для работ исключительно за плату, размер которой должен был соответствовать существующим местным ценам для каждой категории работ. То есть казна, не справляясь с финансированием содержания пленных, переложила его на работодателей.

Согласно «Положению о военнопленных» рядовые пленные должны были получать «кормовые деньги и продовольствие в натуре» в том же размере, что и солдаты Русской армии. При этом не менее 1/3 из заработной платы пленных отчислялось в особый фонд, на счета подлежащих министерств. Оставшаяся часть заработной платы должна была покрыть все расходы предприятия на содержание пленных. Только 1 апреля 1916 года Военное министерство полностью отменило все отчисления, разрешив за этот счет увеличить выплаты военнопленным.

Руководство Копикуза писало 4 октября 1918 года в Министерство торговли и промышленности: «Для поднятия производительности нами намечалось широкое использование труда военнопленных, но этот вопрос также тесно связан с заготовками на зиму, т.к. военнопленных нужно одеть и производить им полное содержание. С этим же предметом связан вопрос о достройке Кемеровского Химического завода...». Даже в условиях послереволюционной разрухи на предприятии лежала обязанность обеспечивать пленных жильем, едой, одеждой, а также платить им зарплату.

Каждый военнопленный имел расчетную книжку для начисления аванса и заработной платы. Зарплату выдавали через старших, которых назначали из среды пленных. На Кемеровском руднике в марте 1917 года старшими были Шпигель, Мейскер, Ремлер, Шуллер.

К концу 1918 года, в связи с общегосударственным финансовым кризисом, в кассах рудников Копикуза исчезли мелкие разменные деньги для выдачи рабочим зарплаты. К этому времени относится переписка Управления Кольчугинского рудника с начальником Новониколаевского концентрационного лагеря по вопросу невыплаты заработка возвратившимся в лагерь военнопленным. Управление гарантировало, что зарплата будет выслана после получения денег из Томска.

В 1917 году на Кемеровском руднике при военнопленных состояла охрана, восемь дежурных и 21 повар. Кроме содержания военнопленных, Копикуз нес расходы и по отправке военнопленных назад в лагерь. В октябре 1917 года 20 военнопленным, выбывшим из Кемерова, были выданы кормовые.

Пленные германцы под конвоем.

Заболевшие военнопленные, по Положению, должны были размещаться в городских больницах или военных лазаретах. Но правительство не предполагало, что речь пойдет о сотнях тысяч людей. В результате сложилась ситуация, когда в городских больницах для горожан не хватало мест, потому что их занимали пленные. Особое напряжение создавалось в случае возникновения эпидемий. Поэтому к 1916 году при концентрационных лагерях были построены лазареты с инфекционными отделениями (заразными бараками).

На нанимателей, берущих пленных на работу, перекладывалась и забота об оказании им медицинской помощи. Копикуз построил свою больницу на территории Кемеровского рудника с заразным баракком. В большом каменном здании больницы работали врач и четыре фельдшера, они же обслуживали приемный покой на коксохимзаводе. Очевидно, что в этой больнице лечили и работавших в Щегловске военнопленных. При получении травмы пострадавшим военнопленным Копикуз выдавал больничное пособие. Так, в апреле 1917 года на Кемеровском руднике было выдано 11 больничных пособий травмированным военнопленным.

В случае смерти пленных хоронили на городских кладбищах. В Копикузе тоже были случаи смерти пленных. В одном из списков военнопленных сделана отметка о том, что поляк Гебгард Залуман умер 9 сентября 1915 года от брюшного тифа, а в феврале 1917 года немец Фердинанд Мильден, работавший на постройке Кольчугинской железной дороги, умер в больнице.

Наниматели несли полную ответственность не только за содержание, но и за охрану военнопленных, работающих у них. В случае недовольства низкой оплатой труда или условиями содержания пленные иногда совершали побеги с места работы. Чаще всего это можно было квалифицировать не как побеги, а как само-

*Больница
Кемеровского
рудника*

вольное оставление работы, поскольку пленные бежали не на родину, а возвращались назад в лагерь. Так, в 1916 году Ференц Еч сбежал с работ на Кольчугинской железной дороге и вернулся в Томский концлагерь. Бежать из Сибири было очень трудно, лучшей гарантией от побега были огромные, малонаселенные территории Сибири и суровый климат.

После Февральской революции надзор за пленными стал номинальным. Пользуясь относительной свободой, военнопленные стали чаще уходить с работ.

В июне 1917 года Министерство торговли и промышленности выпустило циркуляр, в котором сообщало, что для улучшения надзора за военнопленными, находящимися на работах на промышленных предприятиях, создаются особые команды из числа бежавших из неприятельского плена офицеров и солдат, а также из инвалидов. Министерство предлагало предприятиям нанимать команды, взяв на себя их содержание, а казна брала на себя оплату вооружения команд и перевозку их к месту назначения.

Неизвестно, принял ли Копикуз такое пред-

ложение, но побег с его предприятий продолжались и позже. В 1918 году с Кольчугинского рудника совершили побег четыре германца и два чеха. 7 января 1918 года совершили побег с работ на Кемеровском руднике поляк Владислав Фестер и чех Иосиф Шаль.

Копикуз продолжал работы в Кузбассе до конца 1919 года — и при Временном правительстве, и при советской власти, и в условиях Гражданской войны. Широкое привлечение военнопленных на предприятия Копикуза не могло полностью решить проблемы нехватки кадров. Но без использования труда военнопленных невозможно было бы осуществить значительную часть произведенных работ.

К концу деятельности Копикуза были построены Кольчугинская железная дорога, новые шахты на Кемеровском и Кольчугинском рудниках, на 60-80% различные цеха на коксохимическом заводе. Во все эти стройки был вложен труд военнопленных Первой мировой войны.

Произошедшие в России революции, перевернувшие страну, последовавшая затем Гражданская война осложнили процесс воз-

вращения пленных на родину, растянув его на годы.

Военнопленные разных национальностей, принадлежащие к разным социальным слоям, имеющие разные политические взгляды, оказались вовлеченными в гуцу политический событий России. Часть из них встала на сторону советской власти, потому что большевики выступали за немедленное прекращение мировой войны, что сулило пленным скорое возвращение домой. Другие оказались в армиях Белого движения.

В 1916 году, по предложению начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева, в России началось формирование воинских частей из пленных чехов и словаков для участия в военных действиях против Германии. С одобрения Николая II в 1916 году был сформирован Чехословацкий корпус под командованием русских генералов. Временное правительство ускорило этот процесс, и осенью 1917 года корпус насчитывал более 30 тыс. человек. Среди пленных славян постоянно шла агитация за вербовку в чехословацкий легион в составе Русской армии. В Омском военном округе решили доставлять пленным славянам еженедельную чешскую газету «Чехословянин».

Видимо, агитация среди пленных достигала цели, так как в 1918 году в списке военнопленных, работавших в Копикузе, указаны 19 человек, пожелавших поступить на службу в Чехословацкий корпус. Только одному Горюку Франтишеку отказали, и он был оставлен работать на коксохимическом заводе. Остальных 18 человек отправили в город Житомир Волынской губернии, в запасной батальон Чехословацкой армии.

Но большинство военнопленных не принимало участия в российских политических событиях и ждало возвращения на родину. Брест-Литовский мирный договор Советской республики с Германией, заключенный 3 марта 1918 года, предусматривал освобождение всех пленных и возвращение их на родину. Но многие, узнав, что вернувшихся из российского плена солдат германское командование тут же отправляет на Западный фронт, не спешили с возвращением. Да и выбраться из Сибири было непросто.

Для организации перемещения огромных масс военнопленных и беженцев Совнарком 27 апреля 1918 года учредил Центральную коллегию о пленных и беженцах (Центропленбеж).

комах были образованы ее местные отделения. Благодаря их деятельности до конца 1918 года из России была вывезена значительная часть германских и австро-венгерских военнопленных.

Почтовая карточка для военнопленных

Однако позже процесс возвращения военнопленных немцев и австро-венгров из Сибири был приостановлен, поскольку образованные в 1918 году на территории Сибири антисоветские правительства не признали заключенного большевиками Брест-Литовского мира. Процесс репатриации пленных был отложен до завершения военных действий и стабилизации внутривосточной ситуации в стране.

Массовое интернирование германских военнопленных и гражданских лиц из России началось после подписания 19 апреля 1920 года в Берлине соглашения об обмене военнопленными с Германией, а затем и с Бельгией, Францией, Италией, Венгрией. В нем возвращение на родину объявлялось делом добровольным.

В странах создавались органы для организации обмена пленными. В Советской России Центропленбеж приказом НКВД от 26 февраля 1920 года был переименован в Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак), в задачи которого вошли репатриация военнопленных Первой мировой войны и реэвакуация гражданского населения. На местах создавались его подразделения, в том числе и Томское губернское управление (Губэвак), которое действовало до 1922 года.

Уездные исполкомы должны были освободить от работ всех военнопленных, подлежащих отправке, и передать их в распоряжение уездных управлений по эвакуации (Уездэваки). Не подлежали возвращению на родину несколько категорий военнопленных: германские пленные польской национальности и немцы,

*Белочехи на Томи
у коксохимического
завода*

происходившие из мест, вошедших в состав Польской республики (в связи с созданием в 1918 году Польской республики), а также те, кто добровольно захотел остаться в Советской России.

В это время, в условиях экономической разрухи, вновь сыграл роль экономический фактор: процесс эвакуации пленных на родину был поставлен в зависимость от хозяйственных потребностей страны: большое количество еще остававшихся в стране военнопленных использовали для ликвидации разрухи.

В связи с чрезвычайной ситуацией, сложившейся в стране по обеспечению промышленности и транспорта углем, в 1920 году Совет Труда и Обороны выделил каменноугольные предприятия Советской России в ударную группу. В их число вошел и Кемеровский рудник. По распоряжению Сибугля вводилась трудовая и гужевая повинность для обслуживания предприятий ударной группы. В повинность входили работы по добыче и подвозке к станционным складам угля. В тех местностях, где невозможно было организовать трудповинность, на Центрэвак возлагалась обязанность предоставить для этих работ военнопленных, взяв на себя их содержание.

Срок организованного обмена военнопленными был продлен до весны 1924 года. Все, кто хотел вернуться на родину, получали в сборных пунктах бесплатные билеты до Москвы или Пе-

тербурга, где их обслуживали уже германские власти. В Сибири для немцев сборным пунктом был Новониколаевск.

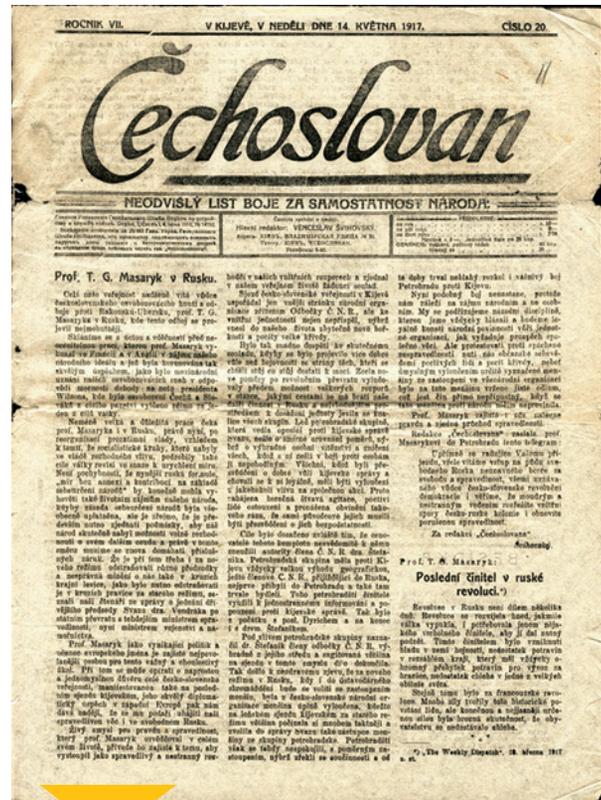
Но не все захотели вернуться на родину. Тысячи прокоммунистически настроенных военнопленных остались строить новый мир в России. Многие бывшие германские и австрийские военнопленные успели к этому времени обзавестись семьями и детьми и остались в Сибири в силу своего семейного положения.

В метрических книгах Кемеровского областного архива сохранились документы о заключении браков между иностранцами и жительницами города Щеглова и окрестных деревень. В приведенный ниже список включены только те, у которых в документах прямо указано, что они военнопленные, или указаны страна и место, откуда они прибыли. Без этих данных трудно отделить военнопленных от гражданских пленников, т.е. германских и австро-венгерских подданных, которые к началу войны проживали на территории России и были интернированы и отправлены в Сибирь.

Записи относятся к 1921-1924 годам. Неизвестно, остались ли эти люди в Кемерове или уехали после 1924 года. Многие пленные, промедлив с отъездом, утрачивали право на бесплатный выезд, а затем сталкивались с нехваткой средств, транспортной разрухой и массой других сложностей, препятствовавших их отъезду.

Источники

1. ГАКО. Р-1239. Оп. 1. Д. 63. Книга регистрации актов о браке, г. Кемерово за 1920 г.
2. Там же. Д. 188. Книга регистрации актов о браке, г. Кемерово за 1921 г.
3. Там же. Д. 303. Книга регистрации актов о браке, г. Кемерово за 1922 г.
4. Там же. Д. 468. Книга регистрации актов о браке, г. Кемерово за 1923 г.
5. Там же. Д. 692. Книга регистрации актов о браке, г. Кемерово за 1924 г.
6. ГАКО. Д-13. Оп. 1. Д. 26, ч. 2. Списки рабочих и служащих управления Копикуза 1918-1919 гг.
7. ГАКО. Д.13. Оп.1. Д. 26, ч.1. Списки рабочих и служащих управления Копикуза за 1918-1919 гг.
8. ГАКО. Д. 13. Оп. 1. Д. 18. Л. 4. Рапорт о ходе работ на Кемеровском руднике. Апрель 1917 г.
9. ГАКО. Д. 13. Оп. 1. Д. 11. Л. 137-139. Ведомость на выдачу кормовых военнопленным, выбывшим из Кемерово. Октябрь 1917 г.
10. ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3564. Л. 75-76. Договор Кабинета Е. И. В. с учредителями Общества Кузнецких каменноугольных копей. 19 октября 1912 г.
11. Баев О. В. Иностраннный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX – начало XX в.). Кемерово, 2004.
12. Белковец Л. П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917-1939 гг.) URL: http://e-notabene.ru/lv/article_796.html (дата обращения: 13.10.2019)
13. Военнопленные в Сибири. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/voennotprlennye-v-sibir> (дата обращения: 13.10.2019)
14. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917). URL: <http://ah.milua.org/germany-and-austro-hungarian-pows-in-siberia-1914-1917> (дата обращения: 13.10.2019)
15. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об изменении и дополнении Положения о Центральной Коллегии по делам пленных и беженцев. URL: <http://istmat.info/node/38057> (дата обращения: 13.10.2019)
16. Литвина С. А. Использование труда военнопленных как попытка частичного возмещения трудовых ресурсов в дореволюционный период Первой мировой войны (по материалам Вятской губернии). URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2011_7-1_17.pdf (дата обращения: 13.10.2019)
17. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). Москва, 1925 г. URL: http://istmat.info/files/uploads/33047/rossiya_v_mirovoy_voynе_1914-1918.pdf (дата обращения: 13.10.2019)
18. Щербакова Е. В. Правовое регулирование обмена военнопленными Первой мировой войны (1917-1924 гг.). URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_contentfulus&view=article&id=2738;-19171924&catid=161:2010-09-14-08-38-53&Itemid=196 (дата обращения: 13.10.2019)

Чешская газета, выпущенная в России, № 20. 1917 г.

Возможно, что в Кемерове и сейчас живут потомки военнопленных, работавших в Копикузе и принимавших участие в промышленном развитии нашего города.

№ п/п	ФИО	Возраст, лет	Профессия	Откуда	Жена
1.	Божик Ласло Ласлович	27	Крестьянин-хлебопашец	Австро-Венгрия, г. Кечкемет, Венгрия	Нулонтова Мария Филимоновна, вдова, 27 лет
2.	Варнер Михаил Михайлович	30	Чернорабочий	Австро-Венгрия, г. Линц, дер. Шердык	
3.	Вейберг Мартын Мартынович	30	Хлебопашец	Австро-Венгрия, г. Левоча	Касаткина Прасковья Семеновна, 24 года, хлебопаш., неграмотная
4.	Ганг Адольф Карлович		Конструктор	Военнопленный	
5.	Горневский Иосиф Отто Карлович		Канторщик при коммунальном отделе	Военнопленный	
6.	Железняк Иосиф Иванович	28	Канторщик	г. Вена	Фузаева Ирина Ивановна, 24 года, из Пензенской губ, домохозяйка, неграмотная
7.	Жерев Иван Карлович	24	Чернорабочий	Австро-Венгрия, г. Марибор	Касаткина Агриппина Ивановна, 18 лет, чернорабочая из дер. Кедровка
8.	Жерев Иван Карлович	26		Австро-Венгрия, г. Марибор	Козанова
9.	Клеменс Фридрих Фридрихович	32	Электротехник	Австро-Венгрия, г. Быстрица	Москалева Прасковья Прокопьевна, 27 лет
10.	Колар Франц		Кузнец	1. Венгрия, Будапешт 2. Адрес уже не Венгрия, а г. Мариинск	Карнаухова Екатерина Игнатьевна – женился 2. XI. 1920 г., разведен 8. XII. 1920 г. ? Софья Иосифовна – женился 11. XII. 1920 г.
11.	Краус Ене Семенович	30	Техник Кемер. рудника	Австро-Венгрия	Мыльникова Степанида Федоровна, 22 года, из Томска, канцелярский труд
12.	Кукула Иосиф Карлович		Копировщик	Военнопленный	
13.	Кучера Франц Иосифович		Канторщик при материальном отделе	Военнопленный	
14.	Лайч Иосиф Иванович	30	Канторщик	г. Вена	Педояс Антония Иоановна, 20 лет, г. Юрьев, Лифляндская губ., счетовод
15.	Левы Мартин Михайлович	27	Аптекарь	Венгрия, Бигорский уезд	Лунегова Антонина Алексеевна, 18 лет, из Томска, домохозяйка

Красная горка

16.	Лойгауэр Иван Александрович	33		Австро-Венгрия.	Фирсова Таисия Никифоровна, 28 лет, разведена, домохозяйка, неграмотная
17.	Маглайлич М... (MagCojlic)	28	Чернорабочий	Австро-Венгрия	Ивлиева Парасковья, 26 лет, химзавод, чернорабочая
18.	Меяшин Михаил Григорьевич	32	Сапожник	Австро-Венгрия (Босния)	Дедухина Наталья Алексеевна, 28 лет, с Мазуровского рудника, разведена, домохозяйка
19.	Муна Иштван Янушев	28	Столяр	Австро-Венгрия, г. Секешфехервар	Шестакова Ефросинья Николаевна, 26 лет, чернорабочая
20.	Мюллер Павел Юрьевич		Копировщик	Военнопленный	
21.	Парадейзер Теодор Иосифович		Копировщик	Военнопленный	
22.	Рукенбауер Карл	28		г. Вена	
23.	Стан Юзеф	33	Кузнец	Венгрия	Ивлиева Мария Никифоровна, 27 лет, из г. Богдановка Саратовской губ., домохозяйка
24.	Таут Леноли (?)	28		Венгрия, г. Хайдусобосло	
25.	Тыбак Иван	32	Плотник	Австро-Венгрия	Хог...? Ефросинья Степановна, 22 года, химзавод, домохозяйка
26.	Фиалка Камил Генрих		Копировщик	Военнопленный	
27.	Франк Андрей	44	Чернорабочий Кемрудника, барак №237	Австрийский подданный	
28.	Цемрих Гуго Альбертович		Конторщик при бухгалтерии	Военнопленный	
29.	Шель Отто	33	Служащий	Австрия	Кирик Амалия, 31 год, Эстония
30.	Шинка Юзеф Альберт	24	Чернорабочий	Австро-Венгрия	Горлова Анна Павловна, 17 лет, чернорабочая
31.	Шмауэрц Фриц Иосифович	28	Садовник	Иностранноподданный (г. Вена) Место жительства – Вена – Кемеровский рудник	Васильева Елизавета Григорьевна, 19 лет, хозяйство
32.	Штраус Эрнст Эрнстович		Доктор медицины	Венгрия, г. Будапешт	Топоркова Илария Павловна, 21 год, учительница из г. Грязновска Екатеринбургской губ.

ЛИСТАЯ ЖУРНАЛ «ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ 1914-1915-1916 ГГ.»...

Отмечая 100-летие с начала Первой мировой войны на государственном уровне, мы не только сделали первый шаг к восстановлению исторической справедливости, но и заложили основу для возвращения из небытия имен героев Первой мировой войны.

В 2014 году в нашей стране широко отмечается начало Первой мировой войны 1914-1918 годов — войны, в которую Россия вступила царской, а вышла из нее советской, заключив Брестский мир, столь необходимый для взявших власть большевиков. Оправдывая этот шаг, советская историческая наука принижала роль России в Первой мировой, неудачи в сражениях приписывались единственно «бездарности царских генералов». А поскольку большинство высших офицеров в разразившейся Гражданской войне примкнуло к Белому движению, всех их относил к врагам народа.

Советская пропаганда осуждала участие России в Первой мировой войне, замалчивала боевые подвиги солдат и офицеров русской армии, защищавших от посягательств Германии

«Летопись войны 1914-1915-1916 гг.». Сегодня журнал представляет большой интерес — листая его страницы, находишь ранее неизвестные факты о людях и событиях того времени.

Редактировал журнал, первый номер которого вышел 23 августа 1914 года, Д.Н. Дубенский¹. Во вступительной статье он писал: «В великие дни небывалой еще по своим размерам вооруженной борьбы народов, в которую не по своей воле вовлечена наша миролюбивая родина, начинаем мы журнальную работу. Сознывая великую важность принимаемого на себя дела и всю ответственность его, мы желаем явиться спокойными, беспристрастными повествователями о тех великих событиях, свидетелями и современниками которых нам

свою территорию. Семьи военных, отмеченных за мужество Георгиевскими крестами, не гордились своими отцами и дедами, а прятали награды, опасаясь репрессий.

Все это вместе взятое, а не только прошедшее время притушило память о Первой мировой. В 1980-е годы сотрудники Кемеровского областного краеведческого музея много раз выезжали в экспедиции и пытались собрать материалы об участниках войн начала XX века. Итог неутешителен: в фондах хранятся только несколько снимков солдат Первой мировой войны, но нет их военных биографий — в семьях не сохранилось никаких воспоминаний. Тогда же музей приобрел несколько десятков дореволюционных журналов, и среди них

суждено быть. Наша цель — явиться как бы летописцами начавшейся мировой войны, о чем говорит и избранное нами наименование журнала: «Летопись войны 1914 г.».

Наш журнал будет всей душой, всем русским сердцем переживать то, что пошлет Господь Бог дорогому нашему отечеству, святой Руси, в это великое время. Мы глубоко верим, что наша гордость — армия Русского Царя и ее славные союзные армии — снова покроют себя величайшей славой и достигнут

¹ Дмитрий Иванович Дубенский (1857–1923), генерал-майор, военный писатель, издатель. С 1900 года издавал газету «Русское чтение» для крестьян и солдат, журнал «Летопись войны с Японией», популярные военные книги «История России в картинках», «История русского солдата» и другие. Состоял в свите императора в качестве официального историографа.

беспримерных побед»².

И редакция выполнила поставленную цель. 132 номера с единой нумерацией страниц — это своеобразный хронограф военных событий за три года. Основное содержание журнала на 16 страницах состояло из нескольких рубрик: 1. Официальные донесения с войны, начинались, как правило, с информации о пребывании Его Величества Николая II на фронте. 2. Далее следовали статьи, разъясняющие положение дел, зачастую с историческим экскурсом в прошлое. 3. Корреспонденции с войны, т. е. своеобразные письма с фронта. 4. Отклики войны на Руси. 5. Отношение иностранных держав. 6. Разные заметки и статьи о военных событиях и по поводу их. Два раза в месяц в качестве приложения публиковались правительственные распоряжения и сообщения штаба Верховного главнокомандующего о ходе военных действий по дням. Иногда публиковали описание подвигов, совершенных в ходе военных операций.

Надо отметить, что строгой регламентации рубрик в журналах нет, но по содержанию их можно определить. Несомненным достоинством издания являются иллюстрации — фотографии, зарисовки и картины, карты и схемы боевых действий. В каждом номере их несколько десятков. В этом большая заслуга Б. Г. Скамони³, который, отвечая за художественное оформление журнала, привлекал известных художников и фотографов. На фронтовых снимках представлены новейшие образцы вооружения — немецкие пушки с многокилометровой дальностью полета снарядов, летательные аппараты (аэропланы и дирижабли), военные корабли, солдаты и офицеры на позициях.

Обзор 41 экземпляра разрозненных номеров журнала (с № 1 по № 129), хранящихся в фондах музея, занял бы не один десяток страниц, поэтому используем только несколько статей за 1916 год, связанных с Сибирью.

По мобилизации из Сибири за годы Первой мировой войны было призвано 1 млн 200 тыс. человек, почти половина — из Томской губернии, территория которой охватывала большую часть Южной Сибири (ныне Новосибирская, Томская, Кемеровская

области, Алтайский край и Республика Алтай). Выносливые и сильные сибиряки мужественно переносили все тяготы войны и храбро сражались на фронтах Первой мировой.

1-й Сибирский корпус под командованием генерала М. М. Плешкова стяжал себе славу с самого начала войны. В августе 1914-го его 1-я дивизия прямо из вагонов, без единого орудия, атаковала немцев у Пясечна и спасла Варшаву. Затем корпус отстоял Лодзь и сокрушил 1-й германский резервный корпус под Праснышем, где 3-й Сибирский стрелковый полк полковника В. А. Добржанского захватил знамя померанских фузилер. 2-я Сибирская дивизия совместно с 11-й прославилась отражением всей 12-й германской армии в Наревском сражении в июле 1915 года.

«Воспоминания
(К 23-му августа 1916 года)

Морозный день. Ветер гонит тучи сухого, колкого снега. Всюду сугробы. Небо и земля слились, и едва-едва виднеется в снегу глубокая проделанная дорога. Царские автомобили с трудом, шумя и пыхтя, двигаются вперед. Команды солдат, расположенные по пути, по временам откапывают машины и помогают передвинуться в особо трудных местах.

Государь едет смотреть Сибирский корпус, — тех сибиряков, которые так чудно дрались все время. Сложились сказания о сибирских полках, поются песни о них. Германцы знают, что значит встретиться с сибиряками, и при слове «Сибирь» не однажды дрогнуло их сердце... С особым чувством Государь относился к поездке в Сибирский корпус.

Еще накануне смотра, 6 февраля, в Ставке Государь сказал:

«Мы завтра едем смотреть 1-й Сибирский корпус. Вы не поверите, с каким удовольствием я погляжу на этих чудо-богатырей. Замечательно, что сибиряки уже третью кампанию так доблестно дерутся». Смотр длился долго. Ни мороз, ни жесткий ветер не принудили Царя сократить пребывание среди сибирских частей. Долго объезжал Государь войска, не спеша пропускал части, и почти до вечера в морозной пыли, мгле раздавался звучный голос Русского царя: «Спасибо, сибиряки»⁴...

О фронтовом братстве в годы Великой

² Дубенский Д. От редакции // Летопись войны 1914. 1914. № 1. С. 4. (КОКМ. НВФ 1036/1)

³ Скамони Бруно (Александр) Георгиевич — в 1915-1916 гг. директор-распорядитель типографии «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» (С.-Петербург), сын Георгия Николаевича Скамони (1835–1907), изобретателя гелиографии и фотомеханического способа изготовления миниатюрных изданий.

⁴ Дубенский Д. Воспоминания // Летопись войны 1914-1915-1916. 1916. № 106. 27 авг. С. 1691. (КОКМ. НВФ 1036/17)

Кемеровский областной
краеведческий музей
НАУЧНО-ВОСПОМ. ФОНД
Инд. № 1034, ш 172

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ

Отечественной войны 1941-1945 годов написаны сотни страниц воспоминаний, документальных повестей. Такими же были отношения в солдатской среде времен Первой мировой войны.

«Стрелок из шестой роты»

(письмо с театра войны)

Раненых привезли в госпиталь тихим летним вечером. Багрово-красное солнце закатывалось за стеной ближнего леса. В облаках золотистой пыли здесь и там по лужайке серели солдатские фигуры с ярко белеющими повязками на голове и на руках. Легко раненные не спешили идти в палату, а проминались после тряской езды, прохаживаясь взад и вперед: более тяжелых переносили на носилках.

Через час все было устроено. Раненых успели перевязать, вымыть, накормить и одеть. Большая часть их снова побрела из палат наружу, а те, которые не могли этого сделать, с грустью и сожалением смотрели на более здоровых. Им тоже хотелось на свежий воздух, а главное, чувствовалась большая потребность поделиться с товарищами впечатлениями сегодняшнего боевого дела.

Всегда так повторялось. Стоило только сойтись «землякам» — товарищам по полку, а еще лучше — по роте, как вмиг затевался оживленный разговор о «своих» окопах, о тамошних происшествиях. Трогательно это товарищеское единение! А кому адресованы первые письма раненого из госпиталя: первое — родителям, второе — товарищам в роту. Хочется знать, что делается «там», какие новости в роте, что случилось с друзьями в его отсутствие.

Лежал сибирский стрелок, раненный в левый бок, бледный, усталый. Летняя ночь еле волновала его своей свежестью: дышал он коротким, отрывистым дыханием: уже очень сильное было малокровие...

— Кто из шестой роты? Никого нет?.. — спрашивал он чуть слышным голосом, обратившись к соседней койке.

Оттуда из-под одеяла выглянуло молодое безусое лицо и ответило:

— Не знаю, землячок. Я из третьей. Наш батальон первый пошел в атаку. А вы-то, кажись, вскоре после нас... — добрались до речки-то? — в свою очередь спросил безусый парень.

— Не помню... Я при начале был ранен. Мимо меня ротный командир пробежал вперед и Петя Кудрявцев, мой товарищ...

Видно, что в голове у раненого из шестой

роты сохранились очень смутные воспоминания о сегодняшнем бое. Прислушивался он к разговорам солдат на соседних койках, силясь уловить что-то в их рассказах.

— Наша девятая рота кинулась вброд через реку. Потом, как выбрались на берег, да в штыки...

— А мы с правого фланга дули! — заявила с видом удовольствия двенадцатая рота в лице худенького, но бойкого солдата с перевязанным правым локтем.

Долго продолжались эти разговоры. Не раз доктор и дежурная сестра советовали раненым ложиться спать, но у тех невольно просились на язык слова о подвигах и лихих схватках сегодняшнего дня.

— Узнать бы... про шестую роту... про командира, про Петю... Сестрица! Узнайте, есть ли кто-нибудь из шестой роты? Ради Бога!

Но никого не было из шестой роты. И сестре становилось жалко страдающего от этого раненого стрелка.

Темная ночь спускалась на землю. Тихо. Только иногда доносились чьи-то сдержанные стоны.

«Это тот, из шестой роты», — думалось одинокой дежурной сестре милосердия.

А утром, проходя мимо доктора, она сообщила ему страдательным голосом:

— Тот раненый, из шестой роты, помер... И чего он так беспокоился о своей роте? Все спрашивал о ней.

Доктор пожал плечами. Загадочно улыбнулся и ни слова не ответил...

И как-то само собой забылся умерший стрелок из шестой роты. Ходили по двору люди и вдыхали свежий утренний воздух. И все понимали, что для удивлений и восторгов о героизме будет другое, лучшее время»⁵...

Следующие две статьи имеют отношение к военной биографии А.В. Колчака. Первая помещена в рубрике «Отношение иностранных держав», а вторая — «Корреспонденции с фронта».

В годы Первой мировой войны Колчак руководил минированием входа в Финский залив, Данцигской бухты, высадкой морского десанта на Рижском побережье в немецком тылу и т. д. С сентября 1915 года командовал Минной дивизией, руководил обороной Рижского залива, за что награжден орденом

⁵ Логинов П. Сибирский стрелок // Летопись войны 1914-1915-1916. 1916. № 114. 22 окт. С. 1831-1832 (КОКМ. НВФ 1036/22)

Святого Георгия 4-й степени. В апреле 1916 года произведен в контр-адмиралы, в июне назначен командующим Черноморским флотом (одновременно произведен в вице-адмиралы «за отличия по службе»). Усилил минирование портов противника, флот под его руководством практически заблокировал выход германских и турецких судов в Черное море.

«Английский писатель о русском флоте»

В результате операций немецкой морской силы, по числу нанесенных ею и ее противником (Россией) потерь на Балтийском море, представляется в следующем, невыгодном для Германии, виде — она потеряла 1 линейный корабль, 2 броненосца, 3 легкого крейсера, 1 заградитель, 8 канонерских лодок и минных судов. Российский флот лишился 3-х судов: броненосного крейсера, заградителя и канонерской лодки...

Кроме того, следует обратить внимание на слишком скромные русские сообщения о морской обороне Риги, которая так блестяще была выполнена год тому назад. Эта морская операция совершенно разрушила давно обещанное Гинденбургом наступление на Петроград, которое могло быть выполнено только при условии совместной деятельности германских армий и флота, и раз последний потерпел в Рижском заливе поражение, то немцы и остались на этом фронте в том же положении, в котором они находились осенью прошлого года. Вообще надо сказать, что русские моряки действовали всегда выше всякой похвалы, обнаруживая превосходное знание дела и предприимчивость, не упуская ни одного случая нанести вред врагу.

Также у нас мало знают о деятельности русского флота на Черном море. В этой войне немцы строили свой план на создание угрозы для легко уязвимых южных берегов и уверяли турок, что с помощью их «Гебена»⁶ последние сделаются владыками этого моря, и их армия беспрепятственно вторгнется в глубь русской территории и завладеет нефтяными районами Кавказа. Но турецкий флот вынужден был пребывать в Босфоре и, кроме редких, всегда кончавшихся неудачей, случаев своего выхода в море, должен был оставаться в полном бездействии. Подобное

⁶ «Гебен» (нем. Goeben) — германский новейший линейный крейсер дредноутного типа, спущен на воду в 1912 году. Развивал скорость до 28,6 узлов (у русских броненосцев — 16 узлов). Бортовой залп его десяти 280-мм и шести 150-мм орудий весил 3260 кг. Экипаж насчитывал 1031-1453 человек. «Гебен» мог в одиночку драться со всем русским броненосным флотом, находившимся в Черном море.

положение было создано русским флотом, и, что более всего замечательно, в его рядах в начале войны ни одного современного судна, кроме старых броненосцев, из которых ни один не мог быть противопоставлен по силе и скорости хода «Гебену». А раз при таких условиях было достигнуто и сохранено владение морем, то это надо приписать только заслугам моряков, которые на обоих театрах морской войны проявили, при полном восхищении своих союзников и удивлении противников, замечательную предприимчивость»⁷.

«На Черноморском флоте»

Выход на рейд

Профессор А.А. Пиленко, сотрудник «Нового времени», с особого разрешения посетил различные суда Черноморского флота. Ввиду особого интереса талантливо описанных впечатлений профессора приводим выдержки из его описаний:

Мне пришлось несколько дней провести на линейном судне в открытом море. Я дал заранее честное слово, что ничего не буду писать об операциях. Поэтому в дальнейших строках вынужден обойти полным молчанием всю стратегическую картину...

Выход командующего Черноморским флотом в открытое море и приготовление к бою — так можно было озаглавить дальнейшие строки.

Когда я приехал на дредноут, все уже было готово к приему командующего. Офицеры стояли во фронт на шканцах; дальше я заметил караул с оркестром и кока в белом переднике с неизбежной порцией матросских щей...

Засвистели дудки, оркестр заиграл, караул звякнул ружьями: точно летя по поверхности волн, синий адмиральский «Буревестник», дивный быстроходный гасер с Андреевским флагом на корме и флагом командующего на носу, сделав изящный изгиб, остановился у броненосца. На трапе показалась фигура А.В. Колчака, нервная, сухая, слегка согнутая вперед. В газетах уже появилось много статей о «стальном адмирале», и, я доподлинно это знаю, А.В. Колчак искренно негодовал на «вздорные рассказы» (он при мне стучал по газете и грозил «написать в штаб, чтобы этого больше не разрешали»), поневоле ограничусь самым малым. К тому же трудно передать словами то впечатление

⁷ Байвотер. Английский писатель о русском флоте // Летопись войны 1914-1915-1916. 1916. № 108. 10 сент. С. 1731-1732 (КОКМ. НВФ 1036/18)

сосредоточенной мощи и спокойного упорства, которыми неотразимо веет от облика нового главнокомандующего. Он выглядит старше своих лет, вероятно вследствие двух глубоких морщин, обрамляющих углы рта. Лицо резко оттеняется синевой коротко выстриженных усов и бороды; глаза смотрят куда-то вдаль, точно прикованные к отдаленной, но неизменной цели; характерный крупный нос создает несколько хищное выражение, напоминающее копчика. Как ни боюсь упреков в трафаретности, но не могу не сказать, что стремительная походка адмирала, в особенности сразу врезающийся в память профиль, невольно и неудержимо напоминают мне Суворова: тот тоже был весь

же. Какой, мол, теперь момент и какая, мол, на нас, мичманах, лежит ответственность... А этот... знаете, приложился к козырьку: «Всего хорошего, господа». Повернулся и пошел. Ей-Богу, молодчина.

— И больше ничего?

— Я же вам говорю...»⁸

Методы немецкой пропаганды в годы Первой мировой войны были построены на фальсификациях. Об этом неоднократно на страницах журнала писали не только русские, но и французские, и английские корреспонденты. Указывалось на то, что свои сообщения о ходе военных действий для средств массовой

Новый командующий черноморским флотом вице-адмирал Колчак производит смотр команды миноносцев (в южной бухте).

из нервов, захваченный рукой хладнокровия и отваги: у того, мне представляется, тоже было такое выражение, что, мол, это все пустыня, а я, вот, знаю суть дела. Как это соединяется с несомненною скромностью, почти застенчивостью, — я объяснить не могу.

— Я вам говорю, это — настоящий человек, такого нам нужно, — с убеждением объяснил мне знакомый мичман, недавно приехавший из морского корпуса, — вот вы послушайте. Привезли нас всей компанией из Питера; выстроили на юте адмиральского судна. Выходит. Слегка прищуривается, немного приседает на каждом шагу. Встал посередине. Ну, думаю, сейчас будет речь говорить. Нам ведь все говорили речь... И знаете, все — одно и то

информации нейтральных стран немцы доводят до момента успешных продвижений немецких войск, последовавшие за этим отступления не освещаются. В данном же случае речь идет о сибирских лагерях для военнопленных.

«Немецкая ложь о русских лагерях военнопленных»

В газете «Азь-Эсть» от 17 июля сего года помещена статья, переданная по телефону из Берлина, под заглавием «Вернувшиеся на родину врачи об ужасах сибирских лагерей военнопленных». Эта статья составлена

⁸ Пилленко А. А. На Черноморском флоте. Выход на рейд // Летопись войны 1914-1915-1916. 1916. № 103. 6 сент. С. 1779-1782 (КОКМ. НВФ 1036/21).

на основании показаний 18-ти мадьярских и австрийских врачей, фармацевтов и 4-х студентов медиков, прибывших из России в Берлин после обмена русских военнопленных. Газета пишет, что рассказывают эти лица о пережитом ужасно. Они были размещены в различных лагерях военнопленных по обе стороны Урала, т. е. в Азии. В каждом содержится от 8 до 20 тысяч пленных, единственным помещением для жилья являются бараки, кроватей нигде нет.

В дальнейшем внимание сосредотачивается

Из приведенного видно, что «ужасы» содержания военнопленных заключаются почти исключительно в недостатках их расквартирования. «Ужасы», изображенные газетой «Азь-Эсть», находятся в полном противоречии с заключением делегаций, осматривавших лагеря для военнопленных; делегация, состоявшая из уполномоченного датского «Красного Креста» Зигфрида Отто-Рудольфа Мейера и германской сестры милосердия баронессы фон Валслебен, посетила в ноябре 1915 года лагерь

исключительно на лагере в Новониколаевске. «Новониколаевск, говорится в статье, существует только 18 лет, но теперь в нем уже более 100000 жителей. Легко понять, что в громадных сибирских деревнях, состоящих исключительно из деревянных построек, ощущается недостаток в приспособлениях для удовлетворения гигиенических требований. Бараки, устроенные по русскому обычаю, с целью защиты от холода, врыты на два метра глубины в землю и непосредственно над поверхностью земли покрыты деревянной крышей. Скучный свет проникает только через узкое пространство между крышей и поверхностью земли. Зимой, когда окна закрыты толстым слоем льда и снега, царит полный мрак. Результатом этих условий содержания военнопленных явились случаи массовых заболеваний и смертей».

военнопленных германцев в Никольске-Уссурийском, Шкотове, Раздольном, Спасском, Красной Речке и Хабаровске и по поводу этих осмотров в общем заключении высказала, что жизнь военнопленных обставлена несравненно лучше, чем то представлялось делегации до отъезда на осмотр.

Та же делегация, осмотрев военнопленных в Благовещенске, установила, что военнопленные расположены в хороших казармах, а не в бараках. Следует заметить, что ко времени прибытия делегации лагерь не был еще закончен устройством. Наибольший интерес представляет заключение делегации о лагере для военнопленных в Новониколаевске, о котором больше всего говорит в рассматриваемой статье газета «Азь-Эсть».

Этот лагерь с 20-го по 26 декабря 1915 года осматривала делегация в составе представителя

от датского «Красного Креста» лейтенанта де Винд и австро-венгерской сестры милосердия Ревереты фон Саландра.

Как видно из отчета, пленные частью помещены в трех городских каменных корпусах — помещение светлое, освещение электрическое, печи железные, частью — в земляных бараках, частью — в новых, по признанию делегации, «светлых».

В конце отчета этой делегации об осмотре военнопленных, размещенных в Новониколаевске, говорится дословно следующее:

«Ознакомившись сравнительно подробно с бытом военнопленных в Новониколаевске, делегация отметила: а) прекрасную постановку врачебно-медицинской части, большую самоотверженную работу русских военных врачей по оказанию помощи военнопленным, б) справедливое отношение к военнопленным всего русского командного состава и в) удовлетворительное качество пищи и хлеба.

Следует обратить внимание на то, что возможные недостатки в содержании военнопленных в России отнюдь не могут быть объяснены проявлением злой воли лиц, стоящих во главе этого дела, как то имеет место при содержании русских военнопленных в лагерях Германии или Австро-Венгрии.

Напротив того, даже в рассматриваемой статье говорится: ««по единогласному утверждению вернувшихся врачей, Россия обходится со своими собственными больными совершенно так же, как с больными военнопленными», т.е. в России делают все возможное для облегчения участи попавших в плен.

Таким образом, сообщение газеты «Азъ-Эстъ», как не только подтверждаемое документами, а, напротив того, опровергаемое беспристрастными заключениями делегации, является одной из тех злостных выхонок, к которым так часто прибегает печать наших врагов»⁹.

В заключение хотелось бы сказать, что, отмечая 100-летие с начала Первой мировой войны на государственном уровне, мы не только сделали первый шаг к восстановлению исторической справедливости, но и заложили основу для возвращения из небытия имен героев Первой мировой войны.

9 Немецкая ложь о русских лагерях военнопленных // Летопись войны 1914-195-1916. 1916. № 109. 17 сент. С. 1746-1747 (КОКМ. НВФ 1036/19)

№ 109. ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ 1914—15—16 ГГ. 1747

В конце отчета той делегации об осмотре военнопленных, размещенных в Новониколаевске, говорится дословно следующее:

«Ознакомившись сравнительно подробно с бытом военнопленных в Новониколаевске, делегация отметила: а) прекрасную постановку врачебно-медицинской части, большую самоотверженную работу русских военных врачей по оказанию помощи военнопленным, б) справедливое отношение к военнопленным всего русского командного состава и в) удовлетворительное качество пищи и хлеба.

Следует обратить внимание на то, что возможные недостатки в содержании военнопленных в России отнюдь не могут быть объяснены проявлением злой воли лиц, стоящих во главе этого дела, как то имеет место при содержании русских военнопленных в лагерях Германии или Австро-Венгрии.

Напротив того, даже в рассматриваемой статье говорится: ««по единогласному утверждению вернувшихся врачей, Россия обходится со своими собственными больными совершенно так же, как с больными военнопленными», т.е. в России делают все возможное для облегчения участи попавших в плен.

Таким образом, сообщение газеты «Азъ-Эстъ», как не только подтверждаемое документами, а, напротив того, опровергаемое беспристрастными заключениями делегации, является одной из тех злостных выхонок, к которым так часто прибегает печать наших врагов.»

Приветие исполняющему обязанности в Салонске Генерал-Сардиния исполняющий обязанности генерала.

№ 109. ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ 17 СЕНТЯБРЯ 1916 Г.

ДА НЕДЕЛЬНО НА НАШИХ ФРОНТАХ.

За неделю вышло на русско-румынском фронте несколько приказов и распоряжений, имеющих характер лишь в район. Известны Каргозы — на южном фронте Буковины из Ломы и на Дунай.

Наша авиация действовала со стороны Венгрии, производя серьезную угрозу авиации противника, сменяющейся сдерживать наше наступление на главном направлении, вынуждая его не время сосредоточивать на облегчении вражеской фланга румынской армии, вторгшейся в Трансильванию и двинувшей туда уже целый ряд военных корпусов.

Успехом за последние время, достигнутым переходом частей реки Дунай и из Добруджи является безразличное начало военных операций против болгаро-германских армий Манштейна, оставшихся теперь, по мнению, для мобилизации до окончательного разгрома наших сил. Сильно продвинулся уличный район в Добруджу, противник, в поддержку передовых частей, выдвинул в район Салонки значительный отряд, который немедленно был атакован румынами и отбитыми силами с потерей 3-х батальонов пехоты.

Успехом противника, из своих же образованных для южного румынского фронта и с западного австро-венгерских армий в Галаци и Буковину, военных корпусов и мобилизации формирования новых крупных войсковых соединений и образования

1. Владимир Николаевич Воеводич. 2. Александр Николаевич Гусев. 3. Николай Николаевич Гусев. 4. Николай Николаевич Гусев. 5. Николай Николаевич Гусев. 6. Николай Николаевич Гусев. 7. Николай Николаевич Гусев. 8. Николай Николаевич Гусев. 9. Николай Николаевич Гусев. 10. Николай Николаевич Гусев.

ДОКУМЕНТЫ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В Государственном архиве Кемеровской области хранится небольшое количество документов с косвенными свидетельствами о событиях, связанных с Первой мировой войной. Они освещают разные стороны военного времени на территории современного Кузбасса. Данная статья представляет собой краткий обзор этих материалов и носит источниковедческий характер. При цитировании документов орфография оригиналов сохранена.

Представленные ниже материалы поступили на хранение в Кемеровский областной архив из Томского госархива, они находятся в следующих фондах:

Д-13: материалы управления акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей — 66 дел за период 1912-1919 гг.;

Д-20: материалы конторы Судженских каменноугольных копей Л. А. Михельсона — 50 дел за период 1906-1919 гг.;

Д-22: материалы Мариинской городской управы — 526 дел за период 1875-1917 гг.;

Д-23: материалы Мариинского уездного казначейства Томской губернии — 567 дел за период 1863-1920 гг.;

Р-124: материалы Кузнецкого уездного Земского собрания — 3 дела за период 1917-1919 гг.;

Р-619: материалы Мариинского уездного воинского присутствия по воинской повинности — 4 дела за период 1917-1919 гг.;

Р-728: копии приказов по воинским частям и учреждениям Кузнецкого уездного комиссариата по военным делам — 1 дело за 1920 г.;

Фотофонд Оп. 8: Общественно-политическая и экономическая история Кузбасса — 1251 дело за период 1895-1969 гг. Документы включены в состав фонда из ликвидированных учреждений КПСС Кемеровской области.

В документах Мариинского уездного казначейства Томской губернии имеются сведения о финансовых изменениях и специальных фондах в рассматриваемый период. Создание военного фонда того времени освещено в предписаниях Томской казенной палаты Мариинскому уездному казначейству в сентябре 1914 года: «Палата предлагает Казначейству в самом непродолжительном времени донести ей: 1/Казначейством телеграфное распоряжение Омской Казенной Палаты о закрытии к 15 августа с.г. по некоторым подразделениям смет Военного Министерства и отнесении расходов по оплате оставшихся к тому времени ассигновок по закрываемым кредитам на военный фонд. <...> 4/прислать подробный перечень ассигновкам, отнесенным согласно указанному выше распоряжению на военный фонд.

При этом Казенная Палата обращает внимание Казначейства на то, что распоряжение о закрытии кредитов относится ко всем без исключения указанным кредитам, в чем бы ведении таковые не состояли и независимо от того, открыты ли они по предписанию Палаты или по полномочиям на ассигновках.

Ассигновки, поступившие в Казначейство

после 15 августа, если они выписаны из закрытых кредитов, подлежат оплате так же за счет военного фонда». 1

О специальных счетах свидетельствует документ от 10 февраля 1915 года:

«Казенная палата предлагает Казначейству открыть на удовлетворение пособиями семейств фельдшеров, призванных на действительную военную службу, кредит «по особому счету общих остатков от земских смет прежних лет» в распоряжение Мариинского Распорядительного комитета в сумме 708 руб. 12 коп» 2.

Уже в 1916 году в документах Мариинской городской управы имеются сведения о задержке выплат (пособий). Исполняющий обязанности городского головы пишет мариинскому уездному исправнику: «Солдатские жены являются в Городскую управу толпами от 10 до 20 человек и настойчиво требуют выдачи казенного пайка за июнь месяц. <...> Во избежание могущих произойти каких либо дурных последствий прошу Ваше Высокородие не отказать в содействии и командировать ежедневно к зданию Городской Управы хотя одного на случай городского» 3.

В документах Кузнецких каменноугольных копей от 1915 года находим информацию о различных сборах и пожертвованиях на военные нужды: ««пожертвованных сумм добровольных отчислений из жалования служащих и рабочих на нужды войны, (...) настоящим уведомляем, что из общих сумм, образовавшихся из пожертвований рудников, завода и Управления...» 4.

Распространены были и подписные листы: ««об устройстве сбора пожертвований на усиления средств состоящего под Августейшия ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ покровительства комитет помощи Русским военно-пленным, находящимся во вражеских странах.

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь не отказать в Вашем содействии по сбору пожертвований.

Пожертвования прошу принимать деньгами и вещами, причем все пожертвованные вещи необходимо продать на месте и вырученные от продажи деньги вписать в подписной лист» 5.

Экономические изменения в годы Первой мировой войны освещены в документах следующих фондов: конторы Судженских каменноугольных копей Л. А. Михельсона, Управления акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей.

Читаем: «По последним сведениям, полу-

Василий Иванович Кузьмин, первый председатель Брюхановского Совдепа в 1917 г. Расстрелян колчаковцами 9 августа 1921 г. (слева первый). До 1918 г.

Николай Иванович Кульпин, подпоручик царской армии, будущий коммунист, партизан отряда Шевелёва. 1917 г.

ченным только что из Петербурга, окончательно выяснилось, что разделение Сибирской и Омской дороги у ст. Николаевск последует к 1 января 1915 года, а не 1916 г., как предполагалось, в связи с военными действиями»6.

В этом деле имеются сведения о реквизированном Военным ведомством лесе, и здесь же отмечается: ««тем не менее наши каменноугольные копи, как работающие на оборону, должны снабжаться в надлежащем количестве необходимым материалом...»7.

Копикуз также входил в число предприятий, «работающих на оборону». Об этом свидетельствуют и документы: «Главное Управление Генерального Штаба (...) сообщает, что с его стороны не встречается принципиальных возражений к освобождению от поставки в войска рабочих лошадей, принадлежащих предприятием, выполняющим заказы военного времени»; «освобождение от поставки в войска по военно-конской и реквизиция лошадей, повозок и упряжи, обслуживающие приисковые предприятия по добыче золота и платины во всех местностях Империи»8.

Но ревизия лошадей была и на Кузнецких каменноугольных копях: «Верховые, артиллерийские и упряжные I-го разряда лошади т.е. имеющие рост выше двух аршин и вполне годные для войска отнюдь не могут быть освобождены от поставки в войска»9.

О транспортной мобилизации есть только косвенно представленные свидетельства: документ «Инструкция для определения размера вознаграждения за самодвижущиеся экипажи (автомобили) поставляемые населением в войска по военно-автомобильной повинности»10. Его оборот использовали для написания документа более позднего времени.

В материалах фондов Государственного архива Кемеровской области содержатся сведения и об участниках войны. В рапорте служащего городской управы Н.И. Долганова Мариинскому городскому голове читаем следующую информацию: «В Городскую Управу прибыло несколько солдаток (человек 20-25) за получением продовольственного пособия. <...> Вскоре в Управу явилась также Мариинская мешанка Василиса Крылатых с требова-

нием о выдаче книжки на пособия»¹¹. В документах не указано, как звали ее мужа и где он служил, но известно, что мариинский мещанин Крылатых был одним из участников Первой мировой войны, так же как и другие, чьи имена встречаются в документах дела: Александр (сын Александра) Афанасьев¹²; Александр Васильевич Акулов¹³; Андрей Грачев¹⁴. В документах о назначении пособий содержатся и более подробные сведения об участниках войны 1914-1917 годов, чьи семьи проживали в Мариинском уезде. Константин Баранов, из мещан г. Пензы, семья которого в 1915 году проживала в г. Мариинске, 19 июля 1914 года был призван в ряды 25-й Сибирской стрелковой команды¹⁵. Даниил Григорьевич Воробьев был принят на действительную военную службу 7 августа 1915 года¹⁶. Иван Никитович Бугасин служил в 19-м Сибирском стрелковом полку¹⁷. Пиполий (? — имя неразборчиво)

Александрович Попов, ратник, был призван 4 апреля 1915 года¹⁸.

Из семьи Григорьевых на фронт ушел не только глава семейства Василий, но и трое его сыновей, имена которых в документах не обозначены: ««семья призванного по мобилизации Василия Григорьева <...> имеется кроме троих призванных сыновей, еще сын, Андрей, 26 лет, который служит телеграфистом при Железнодорожном управлении в гор. Томске»¹⁹. Андрей Осипович Кузьмин, из мещан, был призван в сентябре 1915 года, назначен на службу ратником ополчения 1-го разряда в 14-й Сибирский строевой западный батальон²⁰.

В фонде Мариинского уезда воинского присутствия по воинской повинности есть следующие сведения о мариинцах — участниках войны 1914-1917 годов:

1. Переписка о распределении окладов налога Мариинского уезда по военному налогу

присутствия о назначении пенсии инвалиду Копону Елисеевичу Коденцову, отставному солдату из граждан Боготольской волости, служившему в 167-м Острожном полку²¹;

2. Переписка о распределении окладов налога Мариинского уезда по военному налогу присутствия о назначении пенсии инвалиду Алексею Григорьевичу Титову «ныне на причислении в числе крестьян Томской губернии Мариинского уезда»²²;

3. Переписка о распределении окладов налога Мариинского уезда по военному налогу присутствия о назначении пенсии инвалиду Алексею Леонтьевичу Кузнецову, служившему в нижнем чине; в этом же деле имеется документ: «свидетельство о болезни ратника 256 Елизатиетрадского полка Семакина Михаила Романовича из Томской губернии Мариинского уезда Бареарская волость пос. Тардавский, находился на излечении в Лазарете Мариупольского Красного Креста с 22 сентября 1916 г.»²³;

4. Переписка об увольнении Петра Михайловича Загайнова: «Загайнов был, как запасной солдат призван на действительную военную службу, которую несет до сего времени. Уже после призыва Загайнова в войска б. Томский Губернатор, приказом 7 сентября 1914 г. за № 214 уволил просителя вовсе от службы в отставку...»²⁴.

В фонде Мариинского уездного казначейства Томской губернии есть следующие сведения об участниках Первой мировой войны: «О назначении пенсий вдове прапорщика Иоган-

неса Фендель Амалия Фендель»; «О назначении пенсий вдове Дмитрия Степановича Труфанова Анастасии Ивановне Труфановой»²⁵.

В документах Управления акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей содержится информация о бывших рабочих, ушедших на фронт: прошение жены слесаря Мартюнюка (имя и отчество в документе не указаны) 26и прошение жены Афанасия Андреевича Алымова из села Литовки, который «служил на Кольчугинском руднике, откуда был принят на действительную военную службу»²⁷. Следующий документ: «При сем препровождаем Вам список назначенных пособий семьям служащих и рабочих Кольчугинского рудника, призванных на военную службу/ратников ополчения/»²⁸. Но сами списки в делах отсутствуют.

В документах 1920 года, в приказах Кузнецкого уездного комиссариата по военным делам, есть сведения о мобилизованных бывших офицерах и младших военных чинах для службы в войсковых частях. Вероятнее всего, эти люди были участниками войны 1914-1918 годов: бывший поручик Василий Катаев, бывший юнкер Алексей Николаев, бывший офицер Василий Лихонин, бывший прапорщик Уляшенко, бывший юнкер Герман Александрович Соколов, бывший подпоручик Михаил Соколов²⁹.

Среди материалов фотофонда имеются позитивы с изображением партийных деятелей, бывших военных царской армии: Н.И. Кульпина, В.И. Кузьмина, Ф.И. Ковалева, Г.М. Моржина, П.В. Подберезина, М.Е. Соколовского³⁰.

В документах Государственного архива Кемеровской области не выявлено сведений о том, сколько человек было призвано с территории современной Кемеровской области. Об их количестве мы можем только догадываться по косвенным данным. Так, в прошении Барановой на начисление ей пособия³¹ имеется следующая информация: в октябре 1915 года она была в списке на обследовании за № 517, а в ноябре — за № 1231. По некоторым данным, с территории современной Кемеровской области на фронт ушло свыше 30% всех мужчин-работников³².

В приказах по воинским частям и учреждениям Кузнецкого уездного комиссариата по военным делам имеются сведения и о военнопленных. Это один документ, датированный августом 1920 года, — период существования Галицийской Социалистической Советской Республики (июль — сентябрь): ««объявляю широкую запись добровольцев военнопленных империалистической войны уроженцев Галиции (галичан). ... Записавшихся добровольцев с поименованными документов в приказе моем № 66, немедленно направить в Увоенкомат для отправки на Западный фронт»³³.

В заседании от 20 ноября 1917 года Кузнецкого уездного Земского собрания отдельно рассматривался вопрос о беженцах: «Заслушав внеочередной доклад члена Уездного Исполнительного Комитета Захарова, временно заведывающего Комитетом о беженцам, об оказании немедленной помощи семьям беженцев размещенных по волостям уезда в виду того, что выдача следуемаго им пособия задерживается за недоставлением нужных сведений, а между тем беженцы остаются без средств к существованию....поручить Уездному Исполнительному Комитету от имени Земскаго Собрания, немедленно где можно телеграфно дать распоряжения волостным земским управам оказать помощь деньгами и хлебом нуждающимся беженцем из волости сумм в размере не превышающем стоимость 36 фун. муки, а где денег нет, там необходимо организовать сбор хлеба для беженцев и озаботиться о подыскании работы для них, предупредив, что расходы из волостных сумм будут возмещены из уездных средств»³⁴.

В этих документах отчетливо видны экономические трудности, с которыми Россия столкнулась в период Первой мировой войны. Не случайно, что в документах заседаний Кузнецкого уездного Земского собрания от этого же времени мы находим следующие решения,

во многом характеризующие отношение к войне многих слоев населения: ««за созыв учредительного собрания благоустроителя земли русской в возможно кратчайшие сроки, а до него за организацию социалистического Министерства которое бы стремилось к скорейшему окончанию войны», «настаивать на немедленном приступлении к переговорам о мире»³⁵.

Выявленные на сегодняшний день и представленные выше документы из фондов Государственного архива Кемеровской области могут быть использованы для дальнейшей научно-исследовательской работы. За рамками исследования остались партийные и личные фонды архива, которые, вероятней всего, также содержат информацию об истории Кузбасса в период Первой мировой войны.

(Endnotes)

- 1 ГАКО. Ф. Д-23. Д. 450. Оп. 1. Л. 31, 31 об.
- 2 ГАКО. Ф. Д-450. Оп. 1. Л. 34.
- 3 ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Л. 20, 20 об.
- 4 ГАКО. Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 2. Л. 194.
- 5 ГАКО. Ф. Д. — 13. Оп. 1. Д. 4. Л. 27, 27 об.
- 6 ГАКО. Ф. Д-20. Оп. 1. Д. 13. Л. 67.
- 7 Там же. Л. 68.
- 8 ГАКО. Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 2. Л. 195, 277.
- 9 Там же. Л. 195 об.
- 10 ГАКО. Ф. Р-728. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.
- 11 ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 523. Л. 3.
- 12 Там же. Л. 22, 22 об., 23.
- 13 Там же. Л. 27.
- 14 Там же. Л. 28.
- 15 Там же. Л. 5, 6.
- 16 Там же. Л. 13.
- 17 Там же. Л. 17.
- 18 Там же. Л. 19.
- 19 там же, Л. 27.
- 20 там же, Л. 37, 38.
- 21 ГАКО Ф. Р-619. Д.1. Оп. 1 Л 1-15.
- 22 ГАКО Ф. Р-619. Д.1. Оп. 1 Л 1-3.
- 23 ГАКО Ф. Р-619. Д.3. Оп. 1. Л 1-6.
- 24 ГАКО Ф. Р-619. Д.1. Оп. 4. Л. 1-14.
- 25 ГАКО Ф. Д-481. Оп. 1. Л. 30, 30об., 31, 31об.
- 26 ГАКО Ф. Д-13, Оп. 1, Д. 2, Л. 141.
- 27 там же, Л. 172.
- 28 там же, Л. 125.
- 29 ГАКО Ф. Р-728. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 59, 71 об, 74, 75 об.
- 30 ГАКО Фотофонд. Д. 36, Д. 37, Д. 38, Д. 67, Д. 485, Д. 511, Д. 517, Д. 538.
- 31 ГАКО Ф. Д-22, Оп. 1, Д. 523, Л. 5, 6.
- 32 Ю. П. Горелов. Кузбасс в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). / Общество и власть: Кузбасс в составе Томской губернии (1804-1925 гг.). Кемерово, 2004, л. 83.
- 33 ГАКО Ф. Р-728. Оп. 1. Д.1. Л. 2.
- 34 ГАКО Ф. Р-124. Оп. 1 Д. 1. Л. 6.
- 35 ГАКО Ф. Р-124. Оп.1. Д.1. Л. 3, 9.

Уволен

ПО НЕСРАБОТАННОСТИ...

Александр Ефимович
Вишняков – служащий
страховой компании.
Санкт-Петербург
1913 г.

Думал ли служащий
страховой компании
в Санкт-Петербурге
Александр Ефимович
Вишняков, что так
по-разному сложится
судьба его сыновей
Леонида и Владимира.

Леонид, окончил
Санкт-Петербургский
университет и с началом
первой мировой войны
пошел на фронт
вольноопределяющимся.

Воевал с германцами,
а когда началась
революционная смута, ушел
в белую гвардию Деникина.

В то время, когда он погиб
в бою с красногвардейцами,
брат его, Владимир, был
избран в Совет рабочих,
солдатских и крестьянских
депутатов.

По образованию Владимир был священником. В 1910 году окончил духовную семинарию, служил в церкви протоиереем, но проштрафился и лишился сана. Полтора года Владимир отбыл в арестантских ротах в Вильно. Успел поработать в местной газете «Виленский курьер», имевшей второе название – «Наша копейка». Отсюда, с благословения редактора Н. Родина, рекомендовавшего его «с совершеннейшим почтением», Владимир Вишняков начал карьеру журналиста в «Новой маленькой газете» в Петрограде. Здесь, в апреле 1917 года он организовал общество потребителей «Самопомощь работающих женщин», издал в типографии «Грамотность» под псевдонимом

«П. Алешин» историко-публицистические брошюры «Как евреи одели себе на шею хомут», «Как скорее покончить с войной?», «Какая нам нужна республика?».

В том же 17-ом году Вишняков перебрался в Омск в типографию «Иртыш». Работал корректором и, как указано в характеристике, был «советски настроенным товарищем». Потом были газеты «Красноярский рабочий», «Красное знамя» — орган Томского Губисполкома и Губкома Р.К. П. Здесь Вишняков проработал год и был «уволен ввиду его нежелания работать на предложенных ему новых условиях оплаты гонорара». Два года Владимир Вишняков состоял в должности литературного сотрудника газеты «Сибирский гудок» — органа профессионального союза железнодорожников

В качестве репортера «Сибирского биржевого бюллетеня» и «Сибирского отделения телеграфного агентства «РОСТА» В. А. Вишняков объездил Ачинский уезд, Алтай, Енисейскую и Томскую губернии, Тайшет. Он писал о съезде беспартийных женщин, о пользе сберегательных касс, о работе почтовых отделений, о видах на урожай и деревне «без религии». Участвовал в комиссии по расследованию фактов, опубликованных

в газете «Красное знамя» о бегстве детей из «детской санатории на Городке».

В. А. Вишняков исколесил весь Кузнецкий округ. С 1928 года как приложение к «Советской Сибири» стали выходить Анжеро-Судженская газета «Коммуна» и Щегловский «Коксо-Химик», а пока жизнь народа в глубинке освещал в сибирских газетах спецкор В. Вишняков. В 1922-24 годах для «Советской Сибири» он пишет: «Среди шахтеров

Кузбасса», «Подземные строители мощи Советской» (в Анжеро — Судженском каменноугольном бассейне), «В Ленинском районе Кузбасса», «Город Щегловск и его уезд», «Город Тайга», «Второй съезд горняков Кузбасса».

Похоже, что Вишняков, будучи образованным человеком, в двадцатые годы уже кое-что понял о новой власти и ее лозунгах. Не оставляет ощущение, что автор газетных публикаций горько иронизирует по поводу внедряемого коллективизма, бесконечных поборов в пользу «беспризорных детей», «голодающего Славгородского уезда», «на проведение Первомайского праздника», в профсоюз, рабочий кооператив, кассу взаимопомощи, МОПР, ОДВФ. Ирония маскируется цифрами роста партийцев Ленинского призыва, числом активистов, выдвинутых

но «... партийная организация выросла уже до 280 человек». О смычке рабочих анжерского рудника с крестьянами Тербиловки и Порываевки в «троицын день»: «наяривает гармошка, да ветер лепит слюнявую шелуху от семечек к лицам женихов 10-й колонии Анжерки... в этой смычке... рабочие пропьют самих себя». Правда, все тексты заканчивались обязательными фразами о незыблемой крепости Рабоче-крестьянской власти.

Пока Вишняков работал корреспондентом сибирских газет, в Кольчугино родилась и становилась на ноги газета «Кузбасс». В сентябре 1929 г. Сибирская советская энциклопедия писала: «из газет, возникших в 1922 году, прочно вошли в газетную сеть иркутская «Красный бурят-монгол», бийская «Звезда Алтая», каменская «Вставай, Бедняк», ново-николаевская «Красноармейская Звезда».

в местком, высоким процентом кооперации: «В Кемерово кооперированы все 100 проц. рабочих и часть их жен»... О городе Тайга: «немощенные улицы заросли травой, население пользуется мутной водой из колодцев»,

В этом же списке значилась газета «Кузбасс», выходящая с января «2-3-6 раз в неделю». Газета заявила о себе как «рабочая». В июле 1923 г. Кольчугинская волость (редакция располагалась в Кольчугино)

объединилась с Ленинским рудоуправлением. Газету провозгласили рабоче-крестьянской и бросили клич: «Тов. Крестьяне! Избирайте своих корреспондентов». Крестьяне откликнулись неохотно, и большинство заметок писались двумя авторами: «Федор Лубянов» и «Рабочий Антропов» с вариациями: «Раб.А-ов» и «Ф. Л-ов».

В начале своего пути газета была проста и наивна. Авторы волновались за рабочих Италии и шахтеров Рура.

эскадрильи «Ультиматум». При этом не забыли об аэродромах и категорично заявили: «один из них устроить на лысине Керзона, пусть там садятся наши самолеты». Власти суетились, отправляли по деревням уполномоченных по сбору средств и обижались, встречая непонимание со стороны крестьянства. «Что важнее: поп или аэрофлот?» — недоумевал корреспондент, когда в деревне Смолино сборы на самолет составили 25 яиц, а попу, отслужившему

«Сомневающийся» и т. д. Критика была «на злобу дня»: шахтерам недодали галош, а конторские получили; кто-то взял без спросу лошадь и уехал к жене в Томск...

Недостатки бичевались, «пропесочивания» регулярно проводились, но галош по-прежнему на всех не хватало, жизнь становилась все круче, и светлая полоса никак не желала наступать. Газетные заголовки становятся резче: «Нужна

*Владимир
Александрович
Вишняков с семьей*

Переживали за конфликт Англии с Францией, опасались «Малой Антанты». На первой странице газета жалела детей Германии и мечтала построить рабоче-крестьянский «эрофлот». Кольчугинцы собирали деньги на свой самолет — «Ленинец». Выгода от него виделась прямая: «Мы на птицу «Ленинец» соберемте денежек, в Москву каждый день летать, провианту закупать». Сибиряки замахнулась на строительство целой

молебен, «накидали полную сумку разного добра».

В 1923 году газета «Кузбасс» была еще, по-детски, смела и, рассуждая, к примеру, о религии, еще позволяла себе заголовки типа «Советской власти и коммунистической партии безразлично...» Газетный материал критического характера оформлялся звучными псевдонимами: «Рашпиль», «Проезжий», «Красный глаз», «Свой», «Комса»,

поганая метла», «Что это — халатность или злой умысел?».

От газеты требовалось политически грамотно освещать текущий момент. А это под силу было только зрелому опытному правильно подкованному журналисту.

В 1927 г. редакция газеты «Кузбасс» письмом обратилась к Владимиру Вишнякову «Ваш приезд нам весьма желателен». Редакция обещала «справедливые расценки», но в подъемных отказала.

В «Кузбасс» Вишняков пришел в месяц, когда газета отмечала свое пятилетие. Редакция располагалась в Щегловске во Дворце Труда. Здесь работали два репортера с нормой выработки в 170 баллов и ставкой в 55 рублей. Вишнякову давали «наибольшие преимущества».

*Вишняков
с сотрудниками газеты
Сибирский гудок.
Новосибирск. 1926 г.*

*Семья
Вишняковых
во дворе
дома на
Притомской
набережной*

Руководство товарищества Промкооператор. Кемерово 1931-32 гг

На него редакция возлагала большие надежды и поручала наиболее ответственные задания. Свидетельство тому — «Отчет кузнецкого окрисполкома третьему Кузнецкому Окружному съезду Советов. 1929 г.». Текст Отчета редактировал и готовил к печати «литературный сотрудник» Владимир Александрович Вишняков. Стиль его узнается уже по заголовкам «Жилищ все еще не хватает», «Города и поселки неблагоустроены», «Электроэнергии мало, нужно расширить станции».

Есть еще одна важная справка от 3 декабря 1927 г. о командировании Вишнякова «на судебный процесс по делу Кузеванова (начальника Щегловской милиции в период колчаковской власти) для дачи в газету информации».

В течение двух лет Вишняков выполнял важнейшие поручения редакции. Мы не располагаем материалами, которые могли бы пролить свет

на конфликт между Вишняковым и руководством газеты «Кузбасс». Возможно, где-то репортер совершил политическую ошибку, или по иным причинам в мае 1929-го он был «уволен по несработанности».

После газеты «Кузбасс» Владимир Вишняков свою репортерско — журналистскую деятельность закончил. В декабре 1929 г. он подучился на счетовода, показав на испытаниях «удовлетворительные теоретические познания» и, далее, последовала вереница щегловских артелей, товариществ и обществ, где фамилия Вишняков согласуется с должностью «бухгалтер» и «счетовод». В их числе — Щегловская городская комиссия по Улучшению Жизни Детей, гужтранспортная артель «Ломовик», «10-й Октябрь», «Трактор» Плотниковского сельсовета Топкинского района, где Владимир Вишняков работал «по подгонке отсталости бухгалтера».

В 1931 году Вишняков, член профсоюза и счетовод товарищества «Промкооператор», «проходил чистку в Комиссии по чистке аппарата Кузнецкого Райпромсоюза».

Он «прошел чистку

без взысканий». Комиссия по чистке искала в Вишнякове врага народа и, как явствует из справки, в 1931 году не нашла. В тридцать седьмом не найти в бухгалтере скрытого врага было уже

Бабушка и дедушка Викторины Владимировны Окунева Санкт-Петербург. 50-е годы 19 века

нельзя. К этому времени газета «Кузбасс» всю пестрела заголовками: «Нет места гадам на советской земле», «Бешеным собакам — заслуженная смерть»... Вишняков отделался легко. Из приказа № 212 по Кемеровскому гормолзаводу от 23.11.1937 г.: «За прямую связь с врагами народа и скрытия этого при поступлении на работу снять с работы пом. бухгалтера Вишнякова».

Владимир Александрович умер в 1946 году в возрасте 67-ми лет. Его жена — Викторина Владимировна Окунева прожила долгую жизнь.

Вырастила детей, дождалась внуков.

Знают ли внуки и правнуки Вишняковых историю семьи, которая берет начало в купечестве Санкт — Петербурга? Успели ли рассказать своим пионерско-комсомольским потомкам о прадедушках и прабабушках, чьи фотографии в рясах и кринолинах бережно хранились в секретном сундучке и были извлечены на Божий свет много лет спустя после того как оба покинули этот мир.

В РЕДАКЦИЮ НЕ ВЕРНУЛСЯ

21 февраля 2014 года, накануне Дня защитника Отечества, состоялось торжественное открытие воссозданной мемориальной доски в память о журналистах Кемерова, павших на фронтах Великой Отечественной войны. Вот их имена: редактор газеты «Кузбасс» Александр Иванович Кудрявцев, заведующие отделами Василий Константинович Кондаков, Андрей Илларионович Миляев, литературные сотрудники Григорий Яковлевич Носковец, Борис Иванович Еремеев, художник-ретушер Герой Советского Союза Владимир Иванович Мызо, собкор «Советской Сибири» по Кемерову Василий Николаевич Олейников, корреспондент Матвей Николаевич Никитин.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Разыскивал, уточнял имена и судьбы журналистов-воинов заведующий отделом пропаганды редакции «Кузбасса» Максим Гаврилович Щербаков. Сам бывший фронтовик, он эту фразу-лозунг из стихотворения Ольги Берггольц, ленинградской поэтессы-блокадницы, воспринимал руководством к действию. Главным помощником в его многотрудной деятельности стала Анна Васильевна Смирнова, вдова Василия Олейникова. В «Кузбасс» она пришла в 1939 году, когда мужа перевели в Кемерово собственным корреспондентом «Советской Сибири». Литсотрудник

отдела писем, а в годы войны ответственный секретарь газеты, она знала всех журналистов, работавших в городской тогда газете «Кузбасс». Помнила, как уходили они на фронт, как горевали в коллективе, получив известие о гибели товарищей.

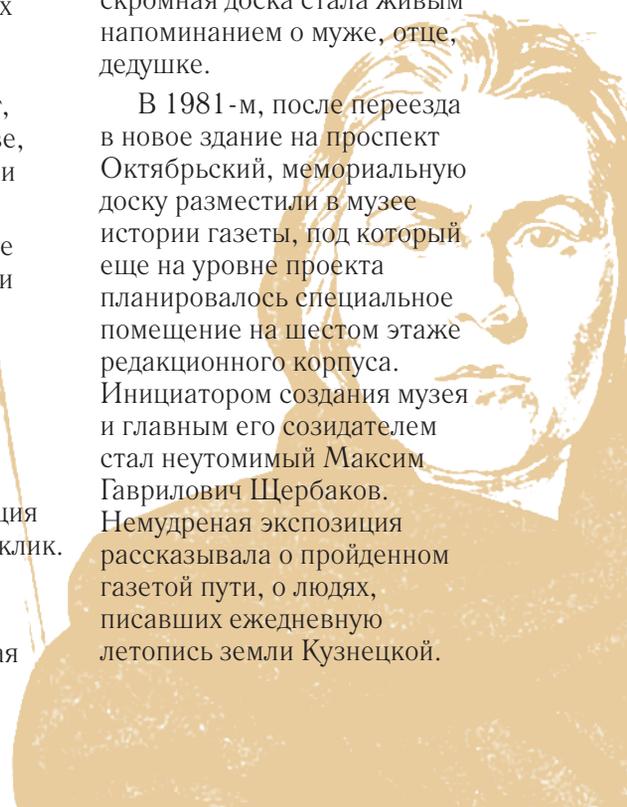
В 1960-е годы военные архивы неохотно отвечали на запросы, а материалы о безвозвратных потерях (читай — погибших) находились в закрытых фондах. Поэтому поиск в основном шел через газету по схеме: публикация известных сведений — отклик.

В канун 50-летнего юбилея «Кузбасса», в 1972 году, мемориальная

доска была установлена в холле здания редакции, которая тогда располагалась по адресу: ул. Ноградская, 3. Отметим событие негромко, по-домашнему, пригласив только родных погибших, для которых эта скромная доска стала живым напоминанием о муже, отце, дедушке.

В 1981-м, после переезда в новое здание на проспект Октябрьский, мемориальную доску разместили в музее истории газеты, под который еще на уровне проекта планировалось специальное помещение на шестом этаже редакционного корпуса. Инициатором создания музея и главным его создателем стал неутомимый Максим Гаврилович Щербаков. Немудреная экспозиция рассказывала о пройденном газетой пути, о людях, писавших ежедневную летопись земли Кузнецкой.

РОЛИН
ОВ

И конечно, почетное место отводилось участникам Великой Отечественной — павшим и вернувшимся живыми.

ХЛАМ ИСТОРИИ?

В 1991 году музея не стало. Организатор новоявленной газеты пожелал занять помещение, убедив власти, что площади используются нерационально. «Это все никому не нужный хлам, — проникновенно вещал журналист, — надо жить сегодняшним днем, писать новейшую историю России». Эти наскоки можно было бы отбить, но их подкрепила непомерная арендная плата. Во избежание утраты экспонаты были переданы в областной краеведческий музей, в том числе и мемориальная доска. В неразберихе тех лет, при труднейшем финансовом положении газеты — тираж упал вдвое и продолжал падать — такое решение казалось оправданным...

Прошло время. Несмотря на печальные пророчества, «Кузбасс» не только выжил, но и остался главной газетой Кемеровской области. В редакции обновился коллектив — на смену постаревшему поколению пришли молодые журналисты. И чем дальше, тем больше понимаешь, как много мы потеряли, не сумев сохранить музей.

Возобновить его сейчас непросто, но воссоздать хотя бы часть утраченного — реально. Потому по инициативе ветеранов редакции и была восстановлена мемориальная доска с именами журналистов Кемерова, погибших

при защите Родины.

...Человек не уходит в небытие, если есть среди живущих хотя бы одна душа, помнящая о нем... О журналистах «Кузбасса» 1930-40-х годов, конечно же, помнят их близкие и родные. Но негоже и коллегам забывать о них. Возрожденная мемориальная доска с именами газетчиков, не вернувшихся в редакцию с полей сражений, будет крепить эту память.

ВСПОМНИМ ПОИМЕННО

В первые дни войны в армию были призваны военнообязанные журналисты, в основном в строевые части. Только двое из них пополнили редакции фронтовых газет.

Василий Николаевич Олейников, 1912 года рождения, участник Финской кампании, работал спецкором «Советской Сибири» по городу Кемерово, на партийном учете состоял в редакции газеты «Кузбасс». Последняя запись в трудовой книжке лаконична: «25 июня 1941 года уволен ввиду мобилизации в РККА». Назначение получил в дивизионную газету «За Отчизну» Ленинградского фронта, где в 1941-1943 годах был ответственным секретарем. Не порывал связи с редакциями «Советской Сибири» и «Кузбасса», отправляя им заметки из действующей армии. В начале 1944-го добился перевода в войсковую часть. На подходе к Одеру 22 февраля 1945 года был тяжело ранен и скончался, не дожив до победы считанные дни.

Матвей Николаевич Никитин стал корреспондентом «Красного черноморца» — газеты Краснознаменного Черноморского флота. За образцовое выполнение заданий редакции награжден медалью «За боевые заслуги». Погиб при высадке десанта в Крым 10 января 1944 года.

Возложение цветов.

Василий Константинович Кондаков родился в 1901 году в селе Воронежской области. Семья в 1915 году переезжает в Сибирь, и крестьянский подросток становится ремонтником на Кемеровской железнодорожной ветке. В июне 1919-го его мобилизуют в колчаковскую армию. Как он писал в автобиографии, в боевых действиях не участвовал, в августе перешел в Красную Армию, в которой служил до конца 1926 года. И хотя в партию вступил в феврале 1921-го, всю последующую жизнь объяснял за свое «белогвардейское» прошлое.

После демобилизации вернулся в Кузбасс, работал в Кузнецком райкоме ВКП (б). По партийному набору направлен на учебу в Ленинградский

Бывший редактор
газеты «Кузбасс»
А. И. Кудрявцев

коммунистический университет имени Сталина, который окончил в 1930 году. Выпускника после недолгой партийной стажировки Новосибирский обком «бросает на печать» — работал в районных газетах области, а в декабре 1935 года Василий Константинович стал заведующим сельхозотделом «Кузбасса».

В августе 1941 года на территории Кузбасса начала формироваться 376-я стрелковая дивизия, и Василий Кондаков, оставив на руках жены троих детей, добровольно записывается в Кемеровский 1248-й стрелковый полк на должность политрука роты. Погиб 2 апреля 1942-го.

Александр Иванович Кудрявцев в «Кузбассе» работал с февраля 1937-го, прошел все ступени карьерного роста: репортер, заведующий отделом, зам редактора, редактор. В армию призван в декабре 1941-го. Старший лейтенант, заместитель командира батареи 1117-го стрелкового полка 332-й стрелковой дивизии. Погиб 10 ноября

1944 года.

Трудовая биография Владимира Ивановича Мызо (Мыза) началась на Кузнецстрое, где он успешно осваивал рабочую специальность, готовился стать электромонтером. Круто изменить жизнь заставило призвание — поступил в Омский художественный техникум...

В Кемерове поселился с семьей после службы в армии, работал художником на коксохимзаводе, в кинотеатре «Москва», художником-ретушером «Кузбасса». И рисовал, рисовал, мечтая о персональной выставке. Война изменила планы — стал заместителем командира батальона 185-го стрелкового полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии. Воевал храбро, о чем говорит награждение орденами Красного Знамени, Отечественной войны второй степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Дважды был ранен, но возвращался в строй.

Звание Героя Советского

Герой Советского
Союза Владимир
Иванович Мызо

Союза ему присвоено за участие в Днепровской операции. Выписка из наградного листа: «Тов. Мызо, возглавив командование батальоном, в ночь с 25 на 26 ноября 1943 года успешно форсировал Днепр, выбил противника из траншей, захватил плацдарм и, преодолевая жесточайшее сопротивление врага, обеспечил продвижение батальона вперед на 14 км». Указ о награждении подписан 22 февраля 1944 года. Герой его не увидел — погиб 5 февраля.

Григорий Яковлевич Носковец, уроженец деревни Шеверничи Березинского района Белоруссии, уйдя в запас после службы в армии, выбрал местом жительства Кемерово. Отработав три года врубмашинистом на шахте «Центральная», двадцативосьмилетний шахтер поступает в коксохимический техникум. Образование не закончил, вернулся на шахту — семья не могла прожить на его стипендию в 45 рублей. Активно проявил себя как внештатный

Василий
Николаевич
Олейников
(в центре)
и сотрудники
фронтной
газеты
«За Отчизну»
(фото 1943 года)

корреспондент ряда изданий, за что партком поощрил его направлением на курсы рабкоров. В декабре 1934 года Григорий Яковлевич был принят в редакцию «Кузбасса» литературным сотрудником отдела промышленности.

На фронт ушел, как тогда говорили, по первому списку. Спешно сформированные маршевые батальоны отправляли на пополнение частей, обескровленных в боях с наступающим противником. В 125-й стрелковой дивизии, куда в первых числах июля прибыл старший сержант Носковец, в полках оставалось по 250-300 человек. И в последующем дивизия несла огромные потери, сдерживая рвавшихся к Ленинграду немцев.

Григорий Носковец погиб 11 ноября 1941 года. Место захоронения оставалось неизвестным. Только в 2004 году в районе города Колпино поисковый отряд из Санкт-Петербурга обнаружил солдатский медальон Григория Яковлевича Носковца, 1902 года

рождения, помкомвзвода 657-го стрелкового полка, призванного Кемеровским РВК Новосибирской области. Останки перезахоронены в деревне Корчмино Колпинского района Ленинградской области. Об этом нам сообщил новокузнецанин Григорий Черкашин, отслеживающий в Интернете деятельность поисковых отрядов.

О Борисе Ивановиче Еремееве мы знаем очень мало. Работал в «Кузбассе» литсотрудником, на фронт ушел в 1941-м. Как рассказывала Анна Васильевна Смирнова, вдова В. Н. Олейникова, сначала пришло сообщение, что Борис пропал без вести, потом вроде было получено извещение, что он пал смертью героя.

Не смогли установить его судьбу и составители Всекузбасской Книги Памяти — Борис Иванович Еремеев, равно как и Григорий Яковлевич Носковец и Матвей Николаевич Никитин, в списках не значится. Так что поиск будет продолжен.

Много больше известно об Андрее Илларионовиче

Миляеве, биография которого наполнена такими событиями, что хватило бы не на одну жизнь. Родился в 1901 году в селе Астапово Воронежской области. В 1913-м совершил первое путешествие по России — большой клан Миляевых переселился в Сибирь. Высадились на разъезде Буреничево, где подросток сразу устроился на железную дорогу ремонтным рабочим — надо было помогать отцу поднимать младших детей. Спустя три года, слегка обжившись, семья перебирается в село Мазурово, Андрей же едет на заработки на Кемеровский рудник.

Страна бурлила: свершилась Февральская революция, двоевластие заменилось диктатурой пролетариата, вспыхнула Гражданская война. 18-летний коногон Андрей Миляев, всем сердцем принимая советскую власть, добровольно присоединяется к партизанскому соединению Мамонтова на Алтае. Воевал в 7-м полку «Красные орлы», потом в экипаже бронепоезда. С приходом Красной Армии партизаны влились в регулярные части, и Миляев

*Андрей
Илларионович
Миляев с семьей перед
уходом на фронт*

был откомандирован в 265-й полк 30-й Иркутской дивизии имени ВЦИК, где назначен политруком роты. В 1921 году стал членом ВКП (б).

Принимал участие в боях в Сибири, на Украине, в Крыму, служил в Омске, Новосибирске, Томске... И везде, как только предоставлялась возможность, учился. Запоем читал русскую классику, штудировал работы Ленина, изучал труды еще не запрещенных русских философов. Предполагал стать профессиональным военным, но судьба распорядилась иначе — ранения и перенесенные инфекции заставили медкомиссию вынести жесткий вердикт: «К военной службе не годен».

В ноябре 1926 года персональным пенсионером РККА возвратился в Мазурово. Спустя три месяца бывший политрук пишет заявление в райком партии: «Здоров, готов встать в строй». Его назначают председателем Мазуровского сельсовета. Затем переводят

на партийную работу. В послужном списке — должности инструктора Щегловского рабочкома, секретаря Мазуровского кустового парткома, инструктора Кемеровского горкома ВКП (б) и горпрофсовета Западно-Сибирского края.

В 1933 году Андрей Миляев становится заведующим отделом партийной жизни газеты «Кузбасс», которая тогда была органом Кемеровского горкома ВКП (б), горсовета и горпрофсовета Западно-Сибирского края. На работу его принимал редактор Борис Маркович Голубчик.

Чувствуя, что газетчику только политграммы маловато, Миляев просит послать его на учебу. Просьбу удовлетворили, но после окончания курсов в Новосибирске отправили секретарем Шегарского райкома партии Запсибкрая.

Когда началась война, Андрей Илларионович, ссылаясь на свой военный опыт, требует отправить его на фронт. В военкомате же

сочли нужным назначить его комиссаром строительного батальона, спешно завершавшего строительство Юргинского машиностроительного завода. В том, что в феврале 1943-го завод уже работал, выпуская пушки, есть заслуга и комиссара Миляева.

Боевое крещение на полях Великой Отечественной Андрей Илларионович принял 1 августа 1942-го в должности батальонного комиссара 148-й отдельной стрелковой бригады, входившей в состав Западного фронта. А 17 августа в бою за деревню Ястребы получил ранение. Счел его незначительным — подумаешь, задело ногу осколком! К тому же комбат был тяжело ранен, и Миляев взял командование на себя. Спустя два дня «легкое» ранение едва не обернулось гангреной, пришлось две недели «валяться», как писал домой, в санчасти.

Медики настаивали завершить лечение, но Андрей Илларионович рвался в часть — бои шли жестокие, каждый человек на счету. За спинами

солдат не прятался, всегда на передовой.

За мужество и отвагу был награжден орденом Красной Звезды. В представлении говорится: «В октябре 1942-го при выбытии комбата заменил его, умело руководил боем, что позволило освободить три населенных пункта».

Спустя месяц, 26 ноября, комиссар Миляев принял свой последний бой. Тяжело раненного, его доставили в санпункт соединения, где он 6 декабря умер. До последней минуты оставался в сознании, а когда почувствовал, что силы покидают его, позвал комбата Задорожного: «Капитан, напиши семье...»

Комбат сдержал обещание — написал. А кроме него, жене и детям о своем комиссаре писали боевые товарищи, даже медсестры, стараясь утешить в безвозвратной потере. В числе прочего сообщили: похоронен Андрей Илларионович Миляев с воинскими почестями близ деревни Коптеловки Сычевского района Смоленской (ныне Тверской) области.

Рассказывает дочь Миляева Маргарита Андреевна Лучшева:

— Мне было семь лет, когда папа ушел на фронт, но я его очень хорошо помню. Не знаю, мои ли это воспоминания или трансформировались рассказы мамы — она всегда говорила об отце, как о живом. Добрый, ласковый, всегда готовый прийти на помощь и решить наши детские проблемы, к которым относился серьезно, без снисхождения.

Сейчас я понимаю, что по роду своей работы, а это вечные командировки, папа мало находил дома. Но я ощущала постоянное его присутствие всегда, даже когда получили письмо от комбата Задорожного с известием о гибели папы. Читала его Юля, старшая сестра. Она прошептала, что папа погиб и что письмо написано 7 декабря. Маленький Реня, ему было три годика, запомнил дату, и когда пришла мама, радостно закричал: «Седьмое письмо от папы!» «Как седьмое? — удивилась мама, ведь получили мы их больше десятка. — А ну покажите!» Глянула — и онемела...

Очень родители любили друг друга. Познакомились, когда папа приезжал из армии на побывку в 1923-м, мама еще совсем девчонкой была. Папа пошутил: «Вырастешь — я на тебе женюсь». Так и вышло. Поженились они в 1926-м, а через год родилась Юля, следом Юра, я в 1934-м, спустя пять лет — Реня. Полное имя брата Реонольд, это папа его так назвал, приехав из командировки в Венгрию. Наверное, был у него друг с таким именем.

Папу часто переводили с места на место, и мы кочевали вместе с ним. Помню, как ехали в Юргу из Шегарки — на большой лодке-барже, ведомой моторкой. В Шегарке обжились, обзавелись хозяйством, и вот вместе с курами, гусями, коровой плыли по Томи. Чего-то испугавшись, бросилась в воду гусыня, а следом за ней корова. Мама тоже прыгнула в воду, чтобы

спасти живность. Благо до берега было уже недалеко...

Жили мы небогато, хотя папа занимал большие должности. Дом держался на маме, ее самоотверженности. Она умела даже временное пристанище сделать уютным. Оставшись после гибели папы с четырьмя детьми на руках, она сумела дать нам образование, воспитала достойными людьми.

Мы очень признательны, что о папе помнили не только его однополчане, чьи письма бережно хранила мама, но и коллеги по газете «Кузбасс». В 1960-е годы нас разыскал заведующий отделом пропаганды редакции Максим Гаврилович Щербаков. Он же тогда впервые написал о папе в газете.

— Мама очень горевала, что не может поклониться месту последнего упокоения папы, — продолжает старшая дочь Юлия Андреевна Миляева. — Когда в здании редакции на Ноградской была установлена мемориальная доска с именами погибших журналистов, мы каждый год 9 Мая приходили к ней, как на могилу папы. Потом нам сообщили, что прах папы перезахоронен в деревне Карамзино, и мы с сыном Андреем поехали на могилу. Как сейчас выяснилось, не там мы искали...

ВАХТА ПАМЯТИ

В апреле 2013 года в рамках ежегодной Вахты Памяти члены туристическо-поискового клуба «Горизонт» Московского энергетического института, обследуя боевые позиции 148-й отдельной стрелковой бригады, обнаружили несколько

захоронений. В пяти из них нашли смертные медальоны, два из которых удалось прочитать, в частности, фамилию и данные Андрея Илларионовича Миляева. Информацию о результатах поиска выложили в Интернете. Ею первыми заинтересовались журналисты газеты «Кемерово», разыскали родных Миляева.

По закону «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества» поисковики

Дочь батальонного комиссара Миляева Маргарита Андреевна Лучшева и внучка Елена Павловна Чуркина

обязаны согласовать с родными солдата место перезахоронения. Дочери Миляева очень хотели возвращения останков отца домой. Сначала проблема казалась нерешаемой, но дело пошло на лад, когда координацию действий взяла на себя М. В. Вострикова, бывшая тогда командиром сводного поискового отряда Кемеровской области «Земляк».

— Знаете, никого особо убеждать и не пришлось, — рассказывает Марина Владимировна. — Подготовили бумаги в администрацию города Кемерово, и мэр В. К. Ермаков

со словами «Это святое дело и наш долг» тут же подписал распоряжение. Активное участие приняли представители областного военкомата, мобилизационного отдела горадминистрации. Словом, равнодушным не остался никто. Более того, перевезти урну с прахом из Москвы в Новосибирск помогла руководитель экспедиции «Поиск» Сибирского кадетского корпуса Наталья Изотовна Некрасова. А уж в Кемерово мы ее доставили сами — на транспорте областного центра детского технического творчества и безопасности дорожного движения. Торжественную встречу помогли организовать бойцы Поста № 1, работники областного краеведческого музея, где в память о земляке развернута небольшая выставка фронтовых писем и документов, предоставленных семьей Миляевых.

Перезахоронение останков Андрея Илларионовича Миляева в кузбасской земле прошло 21 июня 2013 года. На войну он ушел в июле 1941-го, а домой, к семье, где его ждали и помнили, вернулся спустя 72 года.

КОЛДОБИНЫ НА ПУТИ

Нельзя не сказать о том, что путь солдата домой оказался счастливым только на последнем этапе.

7 декабря 1942 года батальонный комиссар Андрей Миляев был похоронен, боевые товарищи на могиле установили временную табличку в расчете на то, что со временем будет

на ней настоящий памятник. Не случилось. В 1950-60-е годы в стране началось массовое перезахоронение останков павших солдат — прах из одиночных могил должны были перенести в братские захоронения в крупных населенных пунктах. Но все свелось к тому, что одиночные могилы сровняли с землей, а фамилии указали на памятниках, установленных над пустым местом. Андрей Илларионович Миляев был виртуально перезахоронен в городе Сычевка, потом в деревне Карамзино, о чем сообщили родным. А фактически оставался там, где его погребли однополчане...

...На траурном митинге в Кемерово останки комиссара Миляева встречала огромная семья. Нет уже в живых жены Елены Николаевны, умерли сыновья Юрий и Реонольд, но выросли их и дочерей Юлии и Риты дети — стало быть, есть внуки, правнуки, подрастают праправнуки Андрея Илларионовича. И память о нем жива в их сердцах. «Кузбасс» Александр Иванович Кудрявцев

О РАБОТЕ КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛА БХСС В 1943 ГОДУ

Следователь, младший лейтенант Камодеев И. А. и начальник следственного отделения ОБХСС УНКВД Кемеровской области И. К. Казаков (справа). Кемерово. 1944 год.

Кемеровская область была образована 26 января 1943 года, а 28 января приказом народного комиссара внутренних дел СССР было организовано Управление НКВД по Кемеровской области.

Важным направлением деятельности милиции в тот период была защита народного достоинства от расхитителей и спекулянтов. Вся работа подразделений БХСС в это время строилась в соответствии с Постановлением ГКО от 22 января 1943 года «Об усилении борьбы с расхитителями и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Во вновь образованном областном центре основная тяжесть борьбы с хищениями легла на областной аппарат БХСС и районные отделения милиции.

В аппарате областной милиции отдел БХСС возглавил младший лейтенант милиции Григорий Минович Бердинченко, бывший заместитель ОБХСС Управления милиции Челябинской области. Штаты ОБХСС в тот период насчитывали всего 16 человек. Работать приходилось круглые сутки, без выходных. Приказом начальника УНКВД по Кемеровской области полковником госбезопасности И. М. Кирюшиным был установлен следующий режим работы: «Дневные занятия с 10 до 17 часов, вечерние — с 20 часов. Завтраки сотрудникам отпускались с 8-ми до 9-ти часов 45 минут, обеды — с 17 часов и ужины — с 22 часов до одного часа ночи».

В своих воспоминаниях о работе в те годы начальник первого отделения ОБХСС оперу-

полномоченный Константин Трофимович Добрынин (первое офицерское звание «лейтенант милиции» он получит только 4 февраля 1944 года) рассказывает: «После окончания вечерней работы каждый оперативный работник отчитывался о проделанной работе за прошедший день и представлял план работы на следующий день. Начальник отделения отчитывался перед начальником отдела, а он — перед начальником управления милиции».

Характер преступлений в городе был разный: мошенничество, хищения с предприятий, грабежи.

Вот несколько примеров. В начале апреля 1943 года в областное управление милиции поступило оперативное сообщение о прибытии в Кемерово группы гастролеров-спекулянтов с большим количеством разной ткани. Вскоре в первое отделение милиции города поступило заявление от двух граждан о том, что они оптом купили на центральном рынке города по тюку сатина у неизвестных продавцов, похожих на цыган. Дома, развернув тюки, они обнаружили, что сатина оказалось всего пять метров, а остальное было разными обрезками.

Задержав продавцов, сотрудники ОБХСС провели обыски на квартирах, в которых поселились эти торговцы, и обнаружили большое количество разной мануфактуры, а также два подготовленных к продаже тюка, называемых мошенниками «куклами».

Спекулянтов-мошенников арестовали и судили, а изъятые деньги и другие ценности были обращены в доход государства. Потерпевшим же гражданам потраченные ими деньги были возвращены.

В мае 1943 года в ОБХСС поступила информация о некоем Лютикове, проживающем на улице Чапаева в Центральном районе города. Лютиков нигде не работал и, имея в собственности лошадь, на центральном рынке и в сельской местности организовал продажу по спекулятивным ценам мелкой соли и различных круп.

Оперативные работники установили преступные связи Лютикова. Оказывается, он ранее работал на Кемеровском заводе № 510, в Центральном районе, и был в приятельских отношениях с завскладом этого предприятия. На склад поступала соль как сырье, которое отпускалось цехам завода для выпуска военной продукции. Завскладом сумел создать излишки соли и за деньги продавал их Лютикову.

К этому времени Лютиков сколотил преступную группу, в которую входили бригады совхоза «Сухая речка». Последние во время уборки урожая прямо в поле продавали банде Лютикова пшеницу, овес и ячмень. Из полученного зерна преступники изготавливали различные крупы. В дальнейшем, уплатив этим бригадирам крупные суммы денег, преступная группа Лютикова получила в свое пользование семь соток совхозной земли, на которой организовали различные хранилища, где они держали скот, птицу, а в дальнейшем установили большой емкости самогонный аппарат. Вся получаемая продукция продавалась ими на рынках города и в селах Кемеровского района.

В результате успешно проведенных оперативных действий по группе Лютикова было арестовано 20 человек. В ходе обысков изъяли много зерна, круп, соли и денег. Состоялся суд, преступники были осуждены на различные сроки лишения свободы, а двое из них приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

В ноябре 1943 года на центральном рынке города был замечен незрячий мужчина со своей женой, которая продавала продовольственные карточки. Выяснилось, что мужчина является инвалидом войны, получает пенсию, а продовольственными карточками для продажи его снабжает молодая женщина, которая вместе с мужем проживает в частном доме на улице Некрасова. Муж занимался изготовлением и починкой обуви. В доме был произведен обыск, в ходе которого были обнаружены: разная мастика, гербовая бумага, справки на право проезда на железнодорожном транспорте, а также несколько экземпляров отпечатанных продовольственных карточек.

Хозяин дома пояснил, что сапожная работа не главное его дело. Основной доход он получает от изготовления и продажи больничных листов, разных справок, а также фальшивых продовольственных карточек. Сапожник и его жена были арестованы и в дальнейшем осуждены.

По информации прокурора Центрального района областного центра в 1943 году за хищения социалистической собственности и за махинации с продовольственными и промтоварными карточками в районе было осуждено 433 человека.

Много хищений происходило на предприятиях города. Например, в марте 1944 года на партийной конференции Кировского района были приведены статданные о совершен-

ных преступлениях по расследованным делам за 1943 год. Было зарегистрировано три случая контрреволюционного саботажа, два бандитизма, 19 растрат и хищений, 5 мошенничеств, 360 краж, 7 хулиганств, 48 должностных преступлений. За хищения с предприятий было привлечено к уголовной ответственности более 600 человек.

Преступники прибегали к различным ухищрениям. Например, на рынке Кировского района под подозрение оперативных работников ОБХСС попала женщина, которая периодически продавала по спекулятивным ценам спирт. Было установлено, что этот спирт она получает от трех граждан, которые работали возчиками на территории комбината № 392. Вступив в сговор с мастерами цехов и пользуясь отсутствием необходимого контроля, эти возчики выносили в резиновых мешочках спирт и сливали его в специально изготовленные пустотелые оглобли повозок, на которых они работали. Заводская охрана на выезде из комбината проверяла только груз, который находился на санях или телегах у этих возчиков. Дома эти возчики сливали из оглоблей спирт в банки, а затем через подставных лиц продавали его на рынках города. Все преступники были задержаны и преданы суду.

На этом же комбинате сотрудниками ОБХСС было раскрыто и другое преступление.

Один из оперативных работников обратил внимание, что на центральном рынке города несколько дней подряд три женщины продавали шелковые косынки различных цветов по цене 65-70 рублей. Были установлены личности этих женщин. Одна из задержанных рассказала, что материал на косынки она получает на квартире некой Крюковой. Последняя окрашивала белый шелк в разные цвета и шила из него косынки. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что на комбинате работала группа мастеров-расхитителей во главе с начальником отдела снабжения комбината № 392, в которую входило девять человек. Эти работники похитили более 30 тысяч метров шелка и 61 тонну спирта.

Шелк преступники вывозили с территории комбината на санитарной автомашине, предварительно соорудив из шелка куклу, похожую на человеческую фигуру, которую укладывали на носилки. Военизированная охрана не замечала подделки и выпускала автомашину с предприятия.

Всего по материалам областной прокуратуры в 1943 году в Кузбассе было расследовано 12199 уголовных дел. Направлено в суд 11245 дел в отношении 16429 человек. 97 человек было привлечено к уголовной ответственности за убийство.

МЕЧТА О ГОРОДЕ-САДЕ: ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ПЛАНИРОВКИ КЕМЕРОВА

Город Кемерово разделен на левом берегу Томи на две части, граница между которыми проходит по реке Искитимке. Заискитимская часть — логичная, рационально организованная, с прямоугольными кварталами и улицами, идущими строго с востока на запад и с севера на юг. И есть центр города, где появляется ощущение, что здесь рациональная широтно-меридиональная схема сталкивается с какой-то другой, созданной совсем по иным принципам. Появляются улицы, неожиданно отходящие от проспектов под острыми углами; они изгибаются, меняют свое направление, огибая треугольные кварталы. Или внутри кварталов, среди монотонной периметральной

застройки, вдруг оказываются дома, развернутые в другом направлении, как будто стояли когда-то вдоль совсем другой, исчезнувшей уже улицы. Откуда они взялись, почему именно так поставлены?

Такие улицы и здания — то, что осталось от утопической мечты о городе-саде. Это напоминание о том времени, когда для новоиспеченного растущего города Щегловска был создан первый градостроительный проект.

Все первые градостроительные работы на территории нынешнего Кемерово были связаны с промышленной деятельностью Копикуза — Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей и металлургических заводов.

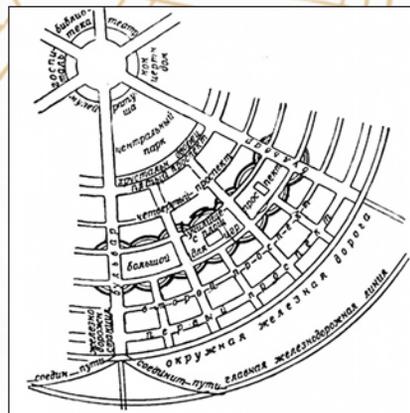
По замыслам учредителей Копикуза, Кузнецкий бассейн должен был стать для Урала и Сибири таким же мощным топливно-металлургическим комплексом, каким стал для Европейской России Донецкий бассейн.

В 1915 году Копикуз начал строительство коксохимического завода. Для его возведения, в связи с технологическими особенностями производства, требовались ровная площадка и доступ к воде. Единственная площадка, пригодная для постройки коксовых печей, находилась напротив правобережных угольных шахт Кемеровского рудника, на пологом левом берегу Томи, вниз по течению от села Щеглово. Так Кемеровский рудник и коксохимзавод, связанные перекинутой через реку грузовой канатной дорогой, стали градообразующими производственными комплексами, рядом с которыми как на правом, так и на левом берегах Томи начали строиться колонии-поселки для рабочих и служащих. Колонии Копикуза в Кемерове, в целом повторяя известный горнозаводской принцип организации поселений (завод — поселок, шахта — поселок), сложившийся еще в XVIII веке, стали первыми в Кузбассе примерами промышленно-поселкового строительства в соответствии с разработанными планами застройки и типовыми проектами жилых домов.

Вопрос об именах архитекторов, занимавшихся проектированием колоний Копикуза в Кемерове, требует дальнейших архивных изысканий. Вероятнее всего, в проектировании участвовали архитекторы Томска, имевшего в тот период наиболее крупный корпус квалифицированных архитектурных кадров, состав которых формировался из выпускников, главным образом, Санкт-Петербургской академии художеств и Московского дворцового архитектурного училища (позже Московское училище живописи, ваяния и зодчества). В возведении железобетонных каркасов промышленных зданий участвовала образованная в начале XX века в Томске инженерно-строительная фирма «Ц. Любинский и Э. Векер», специализировавшаяся на железобетонном строительстве [4, с. 87-88].

Достоверно известно об участии в проектировании городов для Кузбасса двух томских архитекторов этого периода — А.Д. Крячкова и П.А. Парамонова. Деятельность обоих архитекторов связана с формированием в предреволюционные годы нового градостроительного заказа, который привел к воплощению в практике градостроительства идеи города-сада.

Идея города-сада была одной из последних

Идеальная схема города-сада по Говарду

утопий начала XX века. Главным содержанием этой градостроительной идеи, теоретически разработанной английским философом и социологом Эбенизером Говардом (1848—1928), была ее социальная направленность, которая заключалась в общественном характере самоуправления и коллективном характере собственности на землю и недвижимость. Это исключало земельную спекуляцию и позволяло разрешить жилищную нужду для малоимущего населения. На этой основе предлагалось создавать небольшие города с разреженной застройкой, обилием открытых озелененных пространств и ограниченным числом жителей (30-35 тыс.), которым обеспечивались как удобства городской жизни, так и связь с природой (рис. 1). Город-сад должен был дать населению свет, воздух, зелень и простор, т. е. все то, чего недоставало в больших городах. Градостроители видели в этой идее возможность разрешения социальных противоречий капиталистических городов.

Инициаторами строительства городов-садов в России в начале XX века выступали преимущественно городские управы, частные промышленники, государственные ведомства, кооперативы, землевладельцы [6, с. 24]. В частности, в 1916 году Министерство путей сообщения приняло решение о строительстве поселков-садов, которые должны были обеспечить жильем в общей сложности около двух миллионов железнодорожных чинов Московско-Казанской, Николаевской, Омской и Томской железных дорог [6, с. 27]. По принципам города-сада решено было отстраивать заново

город Барнаул после опустошительного пожара, уничтожившего в мае 1917 года всю его центральную часть. В октябре 1917 года Барнаульская городская дума утвердила план сада-города, разработанный с участием архитектора И. Ф. Носовича (проект был частично реализован).

Идея города-сада в начале XX века была чрезвычайно популярна в кругах либеральной общественности, что объяснялось надеждами на осуществление социального переустройства общества без революционных катаклизмов. Российских архитекторов особенно привлекала художественно-пространственная составляющая идеи города-сада: живописная планировочная структура, обилие зелени, отказ от высокоплотной регулярной застройки в пользу индивидуальной малоэтажной, позволявшей разнообразить, «очеловечить» жилую среду.

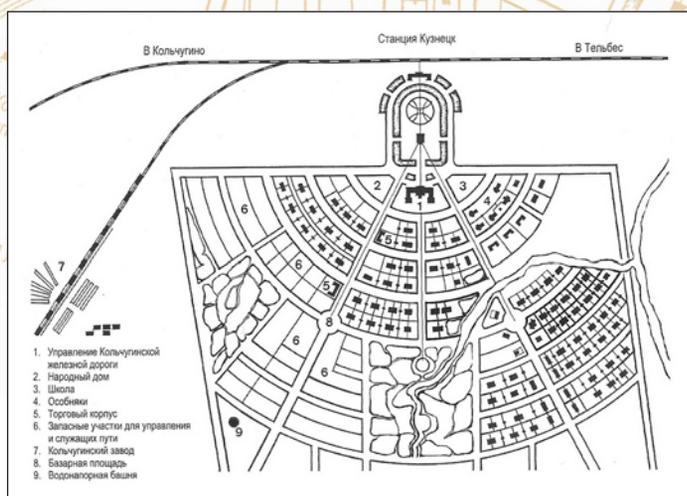
При этом, как правило, социальные вопросы, составлявшие главное содержание идеи города-сада, в России не ставились и не решались: земли и жилые дома принадлежали не акционерам, а городской управе либо администрации промышленных компаний или железной дороги. Они использовали передачу жилья в аренду как средство управления своими рабочими и служащими, прикрепления их к месту работы [6, с. 33-36].

Первым заказчиком города-сада на территории Кузбасса стал Копикуз, начавший в 1915 году подготовку к строительству близ Кузнецка металлургического завода на базе Тельбесского месторождения в Горной Шории. Проектирование завода велось в Томске под руководством видного ученого-металловеда, профессора Томского технологического института Н. В. Гутовского. При станции Кузнецк, недалеко от деревень Черноусово и Горбуново, по инициативе Копикуза проектируется и начинается первый в Западной Сибири город-сад. Проект города-сада в 1916 году выполнил знаменитый томский архитектор Андрей Дмитриевич Крячков, приглашенный Управлением Кольчугинской железной дороги, принадлежавшей Копикузу [2, с. 3]. Проект города-сада Кузнецка был первой градостроительной работой в деятельности зодчего.

Трапециевидный в плане Сад-город, ограниченный по периметру дорогой, был спланирован по радиально-кольцевой схеме, с центром на привокзальной площади. Территория поселения функционально была разделена на общественный центр, селитебную часть и зеленые зоны. Производство (Кольчугинский завод) и железная дорога были вынесены за границы города, на расстояние около 300 м [1, 3, 4] (рис. 2).

Проект поселка при станции Кузнецк был осуществлен лишь частично: намечены контуры центральной площади, разбита проходящая вдоль нее дорога (сейчас ул. Вокзальная) и один из радиальных лучей (ул. Пролетарская). В начале первой советской пятилетки Сад-город стал опорным пунктом для строительства Кузнецкого металлургического комбината. Жилая застройка в этот период велась беспланоно, общественные здания так и не были возведены. В современном плане Новокузнецка от Сад-города почти не осталось следов. В настоящее время территория, на которой он когда-то располагался, находится на периферии Новокузнецка, за железнодорожным вокзалом.

Гораздо более сильное влияние идея города-сада оказала на планировку Щегловска-Кемерово. Впервые о проекте города-сада для Щегловска упомянул известный историк архитектуры С. Н. Баландин. В нескольких его работах, без ссылок на первоисточник, говорится о проведении в 1921 году (!) конкурса на проект города-сада Щегловска и победе в этом конкурсе томского архитектора П. А. Парамонова [1, 2]. Обратим внимание на дату: доверяя авторитетному исследователю, её неоднократно

Проект города-сада на станции Кузнецк Кольчугинской железной дороги. Архитектор А. Д. Крячков. 1916 год

Красная горка

ПРОЕКТ
ГОРОДА-САДА
ЩЕГЛОВА

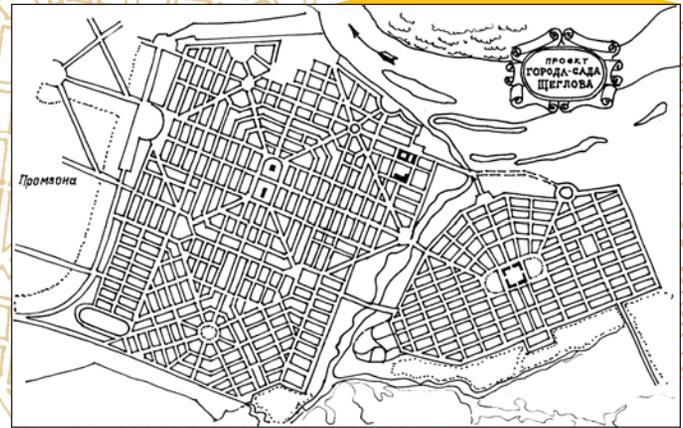
Проект города-сада Щегловска.
Архитектор П. А. Парамонов.
1918 год

повторяли и продолжают повторять и другие истории архитектуры, не заботясь о поиске подтверждающих эту версию документов. Документы же свидетельствуют о том, что проект города-сада Щегловска создан не в 1921-м, а в 1918 году! Откуда же возникло расхождение в датах? И что это — случайная ошибка, добросовестное заблуждение или намеренное искажение фактов? Да и вообще, так ли уж важно, когда именно был создан этот план, тремя годами раньше или тремя годами позже?

Возможно, объяснение кроется в одной фразе из книги С. Н. Баландина об архитекторе Крячкове: «Наиболее крупной градостроительной работой Андрея Дмитриевича, выполненной для Кузбасса уже после краха колчаковского режима в Сибири, были конкурсные проекты города Щеглова» [1]. Как известно, в 1918 году на территории Сибири существовало Временное Сибирское правительство, а затем правительство адмирала Колчака. Советская власть в Кузбассе окончательно была установлена только в самом конце декабря 1919 года. В мае 1921 года Совет Труда и Оборона за подписью В. И. Ленина принял постановление, в котором рудники и заводы Кузбасса объявлялись ударными стройками, а их снабжение приравнивалось к снабжению Красной Армии. Не была ли вынужденной и не идеологическими ли мотивами объяснялась ошибка советских историков? Незначительное смещение даты позволяло утверждать, что индустриальное развитие Кузбасса и первые градостроительные работы в Кемерове начались только при советской власти.

Как бы то ни было, документы свидетельствуют о том, что первые градостроительные работы на территории села Щеглово начались ещё в 1917 году. За период с 1911-го по 1917 год население села Щеглово, в связи со строительством крупных промышленных предприятий, увеличилось в три раза (с 1260 до 3906 чел.), а вместе с Кемеровским рудником составляло 5710 человек [5, с. 217]. Увеличение населения потребовало территориального расширения, а значит, составления плана застройки. По инициативе щегловских крестьян был создан первый проект регулярного плана села, предусматривавший его перепланировку по прямоугольной сетке улиц согласно требованиям Строительного Устава. Была даже осуществлена разбивка плана на местности¹. К сожалению, этот проект не сохранился.

9 мая 1918 года на уездном съезде Советов Щегловск был провозглашен городом, цен-

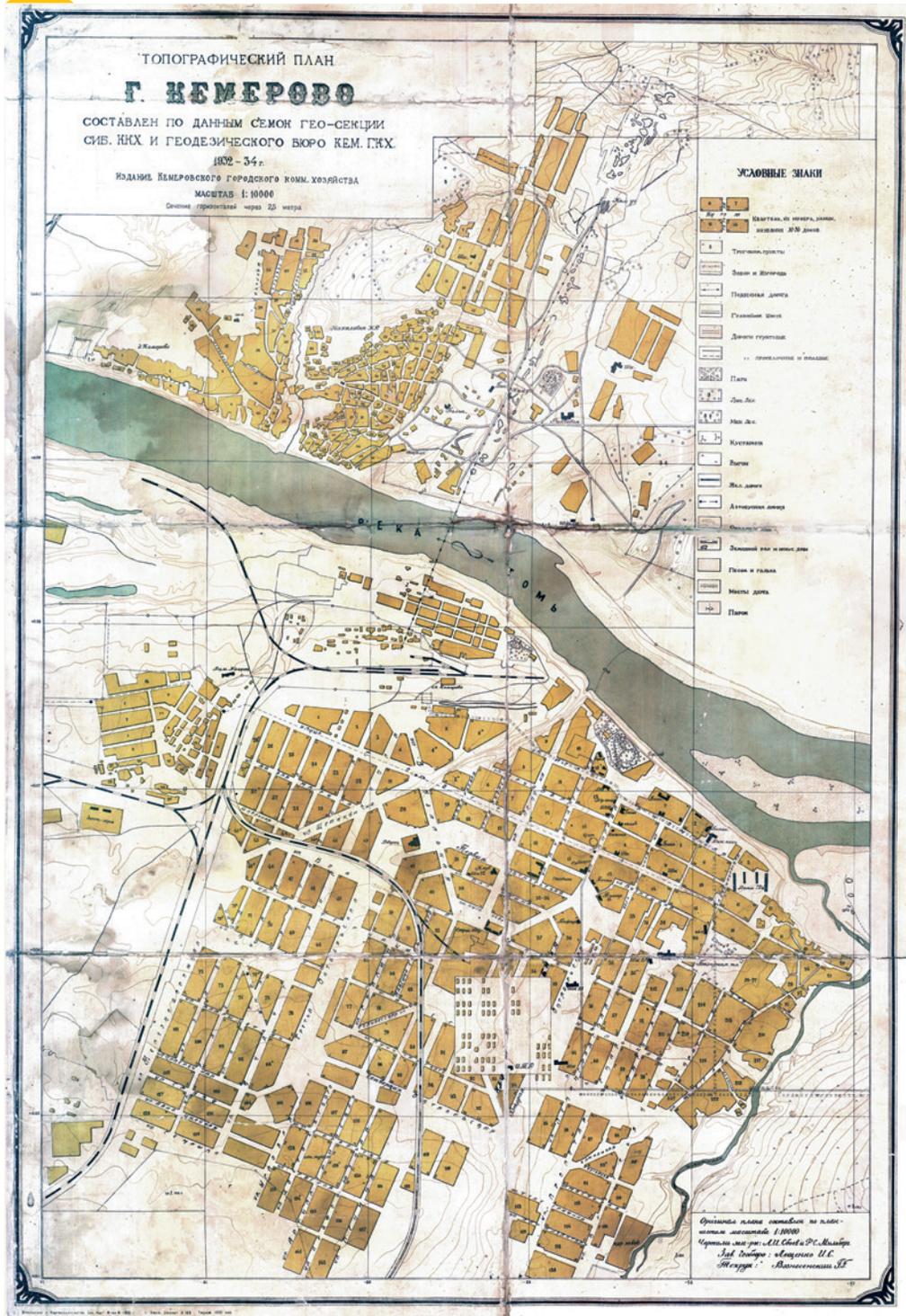
тром Щегловского уезда. 23 июня 1918 года в Томске на совещании Сибирской областной думы было образовано Временное Сибирское правительство, восстановившее частную собственность, рыночную экономику и прежнее городское самоуправление. Это позволило создать в Щегловске комиссию по выработке плана нового города. Рассмотрев принципы организации городов-садов и «принимая во внимание большие преимущества города-сада перед обычным типом города, Комиссия по выработке плана города Щеглова постановила: 1) В основу плана города Щеглова принять идею города-сада. 2) План города-сада должен удовлетворять требованиям гигиены, удобства и красоты. 3) На плане должны быть выделены районы: фабрично-заводский, хозяйственный, торговый, административный и жилой. 4) Выработать образцовые типы построек. 5) Размер усадьбы должен быть в среднем около 400 кв. саж. и не менее 300 и не более 500 кв. саж. 6) Наименьшая ширина усадьбы по улице должна быть не менее 12 саж. 7) Ширина улиц должна быть не менее 14 саж., а магистрали значительно шире. 8) На плане города-сада должно быть нанесено достаточное количество площадей для парков и садов, для общественных зданий, учебных заведений и хозяйственных построек, для водопровода, канализации, трамвая и т. п. ...»².

По предложению комиссии был устроен

¹ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 110 об.

² ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 110. Л. 108, 108 об.

рис. 4

Топографический план г. Кемерово.
1932-1934 годы

открытый конкурс на составление эскизных проектов, с тем чтобы победителю было предоставлено право дальнейшей разработки и реализации генерального плана. В программе конкурса были четко определены границы будущего города, заключающие в себе 3500 десятин удельной земли на левом берегу Томи³.

На конкурс было представлено пять эскизных проектов: Я.И. Николина, П. Земскова, П.А. Парамонова и два варианта проекта А.Д. Крячкова [1]. «Жюри премировало № I-м проект Инженер-строителя П.А. Парамонова для детальной разработки, рекомендуя использовать достоинства других эскизных проектов... для осуществления в натуре»⁴.

По мнению С.Н. Баландина, проект Парамонова «оказался более соразмерным своими частями, с более короткими улицами, с большим количеством линейных парков, «рассекающих» селитебные районы, при всех прочих условиях других проектов» [1].

Об авторе победившего проекта города-сада Щегловска известно немного. Павел Андреевич Парамонов (1879 — ?) в 1915 году окончил Томский технологический институт и уже с октября 1916 года занимал должность городского архитектора Томска, одновременно преподавая на вечерних курсах в Технологическом институте черчение, строительные материалы и архитектурное проектирование [4, с. 122].

В декабре 1918 года П.А. Парамонов представил в Щегловскую городскую управу более детально проработанный проект. Сохранилась датированная 22 декабря весьма подробная пояснительная записка к проекту, подлинность которой удостоверена подписью городского головы М. Мохова.

В соответствии с конкурсной программой П.А. Парамоновым была принята схема планировки на левом берегу Томи, разделенном р. Искитимкой, с главным центром на большей, пониженной части и подцентром на меньшей, заискитимской. Город состоял из трех частей: средней, расположенной между рекой Искитимкой и железной дорогой; восточной, на правом берегу Искитимки — «на горе с прекрасным видом с горы на реку Томь»; западной, располагавшейся за железной дорогой, где проектировался фабрично-заводской район с рабочим поселком (рис. 3). Схема плана была замкнутой, возможность перспективного расширения города не предусматривалась. Это соответствовало концепции города-сада, кото-

рая предполагала ограничение роста промышленных городов. К тому же вряд ли кто-то мог в 1918 году представить, что вчерашнее село превратится через несколько десятилетий в крупнейший индустриальный центр с полумиллионным населением.

По мнению архитектора, «создавая городсад в полном объеме этого понятия, нельзя было мириться с существованием села Щегловского, застроенного без определенного плана, переселенного волною беженцев, загрязненного до невозможности; нельзя мириться с существованием рядом с городом очага заразы, эпидемий и пожаров». Поэтому территория села, расположенного в устье Искитимки, согласно проекту должна была быть включена в территорию города и подвергнута полной перепланировке и оздоровлению.

Планировочная структура города формировалась из регулярной прямоугольной сетки кварталов, пересекающихся радиально-кольцевой системой основных магистралей. Радиальные и диагональные направления должны были связывать центральную административную площадь в средней части города с промышленной зоной и с уже существовавшими на тот момент железнодорожным вокзалом и речной пристанью на Томи. На пересечениях основных диагональных магистралей с прямоугольной уличной сетью располагались пять городских базарных площадей «того или иного специального назначения». Тем самым обеспечивалась доступность торговых площадей из любой части города по кратчайшему расстоянию, а «парадная часть города, торговый, административный и культурно-просветительный центры» находились «в стороне от базарной сутолоки и грязи».

Проектом предусматривалась также возможность строительства моста через Томь для соединения с правобережными поселениями. На самом высоком месте восточной, заискитимской части города была запроектирована площадь для общественных зданий и торговых помещений, от которой веером расходились улицы на запад, на три проектируемых моста через реку Искитимку.

Особое внимание уделялось в проекте озеленению города. На берегу реки разбивался парк, каждая часть города опоясывалась зеленым кольцом бульваров. В наиболее заселенной средней части «запроектирован кольцеобразный сад с широкими ответвлениями к окраинам города для подведения чистого воздуха полей к центру». В садах предлагалось строить школы, приюты и детские сады.

³ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 110. Л. 108 об.

⁴ Там же.

Следует отметить, что прямоугольная сетка улиц по плану Парамонова, так же как и в построенном еще Копикузом правобережном поселке Кемеровского рудника, повернута перпендикулярно Томи и параллельно направлению простирания угольных пластов (северо-запад — юго-восток), которое совпало также с линией железной дороги, проложенной Копикузом. Таким образом, наблюдается преемственность в развитии планировочной структуры как правобережной, так и левобережной частей города, обусловленная в первую очередь природно-геологическими условиями района.

В проекте оговариваются также характер и типы застройки, которую должно было регулировать городское самоуправление: определять высоту зданий, цвет и даже стиль строений и «в то же время не делать шаблонных домов. Фасады зданий должны быть с архитектурной обработкой, для придания улице нарядного вида». При этом, по мнению автора, должна быть запрещена сплошная застройка, ассоциировавшаяся с теснотой капиталистического города: «Каждое здание должно стоять отдельно, с разрывом 4 саж., и представлять из себя одно архитектурное целое». Центральную площадь предлагалось застраивать только монументальными зданиями «высотой не менее как в два этажа» — собором, театром, музеем, библиотекой; северную часть площади должны были окружать административные учреждения, южную — средние учебные заведения, народный дом, кинематограф⁵.

Следует отметить, что в проекте Парамонова принципы планировки и застройки города-сада проводятся наиболее последовательно; например, в конкурсном проекте А.Д. Крячкова, по утверждению С.Н. Баландина, предлагалась типичная для городов плотная периметральная застройка кварталов [1]. Это же относится и к социальной составляющей проекта. Гарантию действительного соблюдения всех принципов застройки города-сада автор видел в обязательном сохранении земли в собственности городского самоуправления, с передачей участков, с целью исключения земельной спекуляции, в долгосрочную аренду, с правом возобновления аренды на новый срок. П.А. Парамоновым были разработаны даже варианты исчисления арендной платы за землю и квартирной платы «в зависимости от положения в том или ином районе и в зависимости от созданного на ней имущества»⁶.

⁵ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 110. Л. 110.

⁶ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 110. Л. 111, 112.

Для города-сада автором были запроектированы три типовых дома и одно городское училище (проекты не сохранились). Городскому самоуправлению рекомендовалось, «принимая во внимание недостаток архитекторов в уездном городе», «озаботиться приобретением большого количества типовых жилых домов путем заказа специалистам и, еще лучше, объявить конкурс на составление типовых домов, как это сделало О-во города-сада в Барнауле»⁷. Архитектор предусматривал обеспечение города водопроводом, канализацией, электроосвещением, трамваем, разработав даже предварительный проект технических сооружений.

Некоторые положения генерального плана выглядят утопически. Например, в соответствии со Строительным Уставом 1912 года при доме должен был предусматриваться двор и службы не менее 24 кв. саж. (около 110 кв. метров). Однако П.А. Парамонов, следуя, впрочем, проектному заданию, предлагал площадь приусадебных участков в Щегловске сделать «не 100-200 кв. саж., как за границей, а 400 кв. саж.», то есть около 1820 кв. метров (18,2 сотки!). Архитектор мечтал о благоустроенных типовых коттеджах, утопающих в зелени садов, однако реальность оказалась далека от идеала: новоиспеченные горожане, оставшиеся, по сути, крестьянами, ставили на своих участках не европейские коттеджи, а привычные деревенские избы, а обширные приусадебные участки превращались в гигантские пустыри.

Что же осталось в современном Кемерове от красивой утопической идеи города-сада? Был ли план Парамонова реализован? Ответ на этот вопрос дает топографический план г. Кемерово за 1932-1934 годы⁸. Сравнение этого плана с проектом показывает, что вплоть до конца 1920-х годов разбивка сети городских улиц Щегловска и выделение участков под застройку проводились в точном соответствии с планом города-сада. К середине 20-х годов в общей сложности уже было застроено 868 владений с общей площадью 17,6 га при населении 6457 человек, однако плотность застройки была очень низкой и составляла всего 35 человек на гектар [1].

В части гражданского строительства, благоустройства и озеленения проект не был осуществлен. Как отмечали обследовавшие город в 1931 году специалисты Запсибкрайкомхоза, «Сад-город в полном беспорядке заселили частные застройщики своими одноэтажными

⁷ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 110. Л. 112.

⁸КОКМ. ОФ № 16283.

одно-двух-трехкомнатными домами, используя обширные земельные участки под огороды или совсем никак не используя остающуюся свободной незастроенную часть. ...«Зеленое кольцо» осталось лишь на плане. В действительности на нем нет ни одного деревца, только летом оно отчасти оправдывает свое название обширными зонами естественно растущей травы....Основная трагедия современного Щегловска заключается в том, что ни на одной усадьбе нет ни кустика дерева (последствия основной ошибки проектировщика: чрезмерные размеры усадебных участков, вследствие которых владельцу проще обратить незастроенную часть под огороды и совсем не под силу даже на 25 % засадить древесными насаждениями)....Щегловские учреждения строились так же, как и частные владельцы: кто где хотел, и также захватывали обширнейшие земельные участки, не задумываясь об их дальнейшем использовании»⁹.

К началу 1930-х годов была распланирована средняя часть города, между рекой Искитимкой и железной дорогой, то есть та территория, на которой сейчас находится центр Кемерово. В связи со строительством Большого Кемерово, начавшимся в годы первых пятилеток, большая часть улиц центральной части города была перепланирована по широтно-меридиональной сетке. Изменилась и застройка кварталов: на смену частным одноэтажным домам пришли многоэтажные ансамбли в стиле советского неоклассицизма. Однако элементы планировочной структуры, соответствующие плану города-сада Щегловска, сохранились в центре Кемерово. Это приречная часть города, так называемый Притомский участок, Советский проспект, Притомская набережная, улицы Островского, Кирова, Красноармейская, Ноградская, Весенняя, 50 лет Октября, а также улицы к западу от Кузнецкого проспекта. В районе, отсеченном железной дорогой, сохранились не только элементы радиально-кольцевой структуры, но и размеры кварталов, и характер малоэтажной индивидуальной застройки, предусматривавшейся для города-сада.

К началу 1990-х годов была осуществлена «парамоновская» идея строительства трех мостов через Искитимку, с «веером» магистралей, сходящихся на возвышенности на правом берегу Искитимки. В 1973 году на месте проектировавшейся Парамоновым общественной площади было построено здание цирка.

⁹ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 1.

Литература:

Баландин С. Н.

А. Д. Крячков. Сибирский архитектор. Новосибирск: Кн. изд-во, 1991.

Баландин С. Н.

Города-сады в Сибири / С. Н. Баландин, Е. А. Смирнова. Новосибирск, 1985.

Блинов Е. Н.

Архитектурно-планировочное развитие индустриальных городов Сибири в годы первых пятилеток: дис. ... канд. арх. Новосибирск, 1993.

Залесов В. Г.

Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). Томск: Изд-во Томск. гос. архит.-строит. ун-та, 2004.

История Кузбасса. Ч. I-III. Кемерово, 1967.

Меерович М. Г.

Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР. 1917-1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку): рукопись. Иркутск, 2007.

Встреча с амстердамской

Музей-заповедник «Красная Горка» связывают давние и добрые отношения с Королевством Нидерландов. Об истории этой дружбы в предыдущем выпуске альманаха «Красная Горка» писал Владимир Сухачкий. В 2013 году музей-заповедник «Красная Горка»

принял активное участие в объявленном президентом РФ Владимиром Путиным перекрестном году Голландии и России.

Культура Нидерландов, традиции этой страны стали темами для целого ряда мероприятий музея. Каждое воскресенье лета проходила детская образовательная программа «Голландская карусель». Голландским специалистам, работавшим в Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», была посвящена выставка «Голландцы в Кемерове». В музее проходили встречи с учеными, журналистами, просмотры фильмов на темы, в которых жители Нидерландов по праву считаются «законодателями мод», — цветоводство, архитектура, сохранение культурного наследия. Нидерландам были посвящена акция «Ночь в музее», состоявшаяся на «Красной Горке» 18 мая.

Но, пожалуй, самым ярким событием года стало открытие 27 сентября выставки «Жизнь в построенных идеалах».

Идея организации этой выставки возникла в октябре 2012 года, когда директор амстердамского музея «Дом «Корабль»» (Het Schip) Алиса Ругхолт впервые побывала в Кемерове, для того чтобы своими глазами увидеть сибирские памятники голландского архитектора Йоханнеса ван Лохема. Ее интерес к работам ван Лохема в Кемерове объясним, поскольку в начале своей карьеры он примкнул к амстердамской архитектурной школе. Архитекторы этого направления заложили основу нового представления о жилье для рабочих. Примером такого жилья может служить жилой многоквартир-

ный дом-«корабль», построенный в амстердамском районе Спаарндаммербуурт (Spaarndammerbuurt) в 1919 году по проекту Михеля де Клерка, основоположника амстердамской архитектурной школы. Внешний вид здания необычен со всех точек обзора: своими очертаниями оно напоминает корабль. В нем 102 квартиры для рабочих, небольшой зал для собраний и почтовое отделение, которое с 2001 года превращено в музей.

Во время обсуждения планов сотрудничества двух музеев было решено разработать проект совместной выставки, посвященной архитекторам и художникам амстердамской школы, которые, по словам Алисы Ругхолт, «посредством прикладного искусства и архитектуры хотели привнести красоту в жизнь народа и строили для рабочих настоящие «дворцы»».

При поддержке посольства Королевства Нидерландов в Москве и администрации г. Кемерово в течение нескольких месяцев шла подготовительная работа.

Выставка получила название «Жизнь в построенных идеалах». Значительный ее раздел рассказывал о Йоханнесе ван Лохеме.

В Кемерове сохранились жилые дома для специалистов, дома-«колбасы» для рабочих и школа рудника, построенные по проектам этого голландского архитектора. Сейчас они являются объектами культурного наследия регионального значения, а здание школы признано в Голландии памятником голландского архитектурного наследия за рубежом.

К открытию выставки был издан одноименный каталог. Алиса Ругхолт, а также сотрудники музея «Дом «Корабль»» Криста Йонгсма, Альфонсина Рёдекер, Анна Стигтер, разрабатывавшие дизайн каталога и выставки, приехали в Кемерово, чтобы принять участие в ее открытии.

Голландские гости были поражены воплощением своего замысла в интерпретации художника музея «Красная Горка» Евгения Бабкина. Выставочный зал был оформлен в виде корабля с парусами оранжевого цвета — национального цвета Голландии. Это решение экспозиции позволило гостям увидеть свой проект в несколько другом, но, несомненно, более интересном ракурсе, который им захотелось сохранить и в дальнейшей ее работе. По замыслу организаторов выставки,

ШКОЛОУ

после открытия в Кемерове выставка продолжила работу в Москве, в Государственном музее архитектуры им. А. В. Щусева, и в Голландии, в музее «Дом «Корабль»».

На открытии выставки 27 сентября в музее «Красная Горка» были все, кто участвовал в установлении и развитии культурного обмена между Кемеровом и Голландией: официальные лица, деятели науки, архитекторы, художники, журналисты.

По Skype со словами приветствия к собравшимся обратился советник посольства Королевства Нидерландов в Москве Тимен Каувенаар — давний и добрый друг музея. И само мероприятие скорее напоминало встречу давних друзей, а не официальную церемонию. Гости «Красной Горки», невзирая на статусы и общественное положение, сажали луковицы тюльпанов, привезенные из Голландии, а затем с удовольствием приняли участие в вечерней программе, посвященной Году Голландии в России.

Самыми востребованными у публики были мастер-классы, посвященные «визитным карточкам» голландской кухни — селедке, кофе и сыру.

Владимиру Сухацкому в рассказе «Как голландская селедка стала русской?» активно помогала «группа поддержки» из Амстердама. Попытки разделать рыбу на филе захотели многие из гостей музея, но справиться с заданием быстрее, чем это делают в Голландии, не удалось никому из кемеровчан.

По-настоящему захватывающим получилось выступление Ольги Пекаторос, которая продемонстрировала культуру употребления кофе жителями Европы. Интересный, эмоциональный рассказ, демонстрация способов приготовления кофе и возможность получить заряд бодрости, попробовав разные варианты легендарного напитка, вызвали целый шквал положительных эмоций у зрителей.

Эстафету кулинарных мастер-классов подхватил Александр Сурадейкин, региональный представитель известной компании, производящей молочную продукцию, — он организовал в музее дегустацию различных сортов голландского сыра.

Вечером 27 сентября каждый смог найти в музее интересное мероприятие и почувствовать дух Нидерландов: в вечерней программе были концертные номера фольклорных и эстрадных коллективов, из-

готовление сувениров и открыток, чеканка памятных монет, огненное шоу...

На первый взгляд могло показаться, что сотрудники «Красной Горки», стараясь привлечь к новой выставке внимание горожан, решили повторить программу майской акции «Ночь в музее». Но, пожалуй, самой главной «изюминкой» программы стала возможность всем желающим пообщаться с гостями из Голландии, которые, несмотря на напряженный, эмоционально насыщенный день, оставались такими же открытыми и любознательными, какими мы их увидели в первые минуты знакомства.

За эти несколько дней в Кемерове голландские специалисты встретились с городскими властями, провели лекции и мастер-классы в вузах и школах искусств, побывали в музеях областного центра и съездили в Томскую писаницу.

Визит голландских гостей не только открыл наш город для европейцев, но и позволил привлечь внимание кемеровчан к интернациональной странице истории родного города.

Сегодня в современном центре индустриального Кузбасса, за тысячи километров от Нидерландов, сохраняются постройки, возведенные по проектам голландского архитектора-новатора, которые и в наши дни являются источником творческих идей и амбициозных планов. Так, сотрудники музея «Красная Горка» разработали проект «Сохранение через развитие» — создание в районе Красной Горки туристско-музейного кластера. В своей работе они использовали опыт, полученный в ходе российско-голландских семинаров по сохранению совместного культурного наследия (2008—2011).

Этот проект был представлен музейщиками главе города в свете предстоящего 100-летнего юбилея Кемерова.

ЖИЗНЬ В ПОСТРОЕННЫХ

Выставка «Жизнь в построенных идеалах» является результатом сотрудничества кемеровского музея-заповедника «Красная Горка» и музея «Дом – Корабль» в Амстердаме. В перекрестный Год России и Нидерландов сотрудники двух музеев объединили свои силы, знания и мечты, чтобы представить широкой публике наследие голландских архитекторов начала XX века, в том числе сибирскую страницу в биографии одного из ярких представителей Амстердамской школы архитектуры Йоханнеса Бернардуса ван Лохема. Сегодня, за тысячи километров от Нидерландов, в современном центре индустриального Кузбасса, сохраняются постройки, возведенные по его проектам, которые и в наши дни являются источником новаторских идей и амбициозных планов.

Наталья Шелепова,
директор музея «Красная Горка», Кемерово, Россия

НЕ ТОЛЬКО АРХИТЕКТОР

ХУДОЖНИК И ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ

2

5

ARCHITECT EN KUNSTENAAR: EN OOK MAAT- SCHAPPELIJK BETROKKEN

Han van Loghem werd geboren op 19 oktober 1881 te Haarlem, een kleine, oude stad in de buurt van Amsterdam. Zijn vader was bloembollenkweker en had een bloeiende handel in tulpen. Van Loghem studeerde voor civiel ingenieur aan de Technische Universiteit in Delft. Daarnaast was hij sportief en roeide hij graag. Hij hield zich vaak op in artistieke kringen en werd hierdoor beïnvloed. In 1909 vestigde hij zich als architect in Haarlem en trouwde hij met de kunstenares Berthe Neumeier. Ze kregen vier kinderen. Neumeier was één van de oprichtsters van de Haarlemse Montessorischool, een onderwijsvorm die veel nadruk legt op de ontplooiing van het individu. Zij was ook geen onverdienstelijk kunstenaar. Zo won zij in 1925 en in 1937 met haar kunstwerken en bijzondere ontwerpen en leerbewerkingen medailles op de wereldtentoonstellingen in Parijs. In 1912 betrok het echtpaar Van Loghem de door Han van Loghem zelf ontworpen villa 'De Steenhaag' in Haarlem aan de rivier het Spaarne.

- 1, 6. Woonhuis van Van Loghem te Haarlem, eigen ontwerp (1912-1917)
2. Portret Van Loghem
3. Haarlemse Montessorischool, mede opgericht door Berthe Neumeier – Van Loghem
- 4, 5. Detail van landhuis de Reigerstoren in Bergen, door Van Loghem (1918)

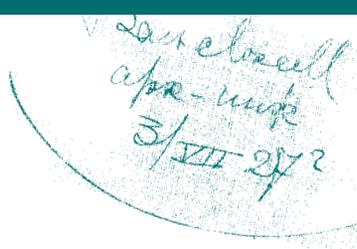
Йоханнес ван Лохем родился 19 октября 1881 года в Харлеме, старом городке неподалеку от Амстердама. Его отец выращивал цветочные луковицы и преуспевал в торговле тюльпанами. Ван Лохем учился на инженера-строителя в Техническом университете Делфта. Любил спорт и занимался греблей. Часто вращался в артистических кругах.

В 1909 году Ван Лохем получил в Харлеме работу архитектора и женился на художнице Берте Неймир. У них родилось четверо детей. Неймир была одна из основательниц школы Монте梭ри в Харлеме, проповедующей философию образования, где приоритет отдается раскрытию и развитию индивидуальности. К тому же, она была талантливой художницей. В 1925 и 1937 гг. получила награды на международных выставках в Париже за уникальные проекты произведений из кожи. В 1912 году супружеская пара Ван Лохем поселилась в Харлеме, на реке Спарне, на спроектированной Йоханнесом ван Лохемом вилле «Каменная ограда».

- 1, 6. Дом Ван Лохема в Харлеме, построенный по собственному проекту (1912-1917)
2. Портрет Ван Лохема
3. Школа Монте梭ри в Харлеме, одной из учредительниц которой была Берте Неймир-Ван Лохем
- 4, 5. Деталь дома «Цаплина башня/ Reigerstoren» в Бергене, построенного по проекту Ван Лохема (1918)

Идеалак

Архитектор-новатор из Харлема

ЙОХАННЕС ВАН ЛОХЕМ, АРХИТЕКТОР - НОВАТОР ИЗ ХАРЛЕМА

Йоханнес ван Лохем (1881-1940) был незаурядным архитектором и истинным гражданином своей страны. Он внес бесценный вклад в строительство социального жилья в Голландии. В 20-х годах прошлого века, благодаря развитию социал-демократии, этот вопрос стоял в обществе весьма остро. Ван Лохем спроектировал в Харлеме великолепные жилые дома для появляющегося среднего класса. Среди них особое место занимает район Tuinwijk-Zuid, построенный в период между 1920 и 1922 годами. Этот живописный район Харлема славится своими очаровательными общественными дворами, выступающими и углубленными частями фасада. Район Tuinwijk-Zuid входит в сотню наиболее характерных жилых комплексов Голландии и с 1978 года обладает статусом памятника архитектуры. Это означает, что благодаря своей культурно-исторической значимости данный район находится под защитой голландского правительства. Район Tuinwijk-Zuid являет собой яркую об-

разец архитектуры, призванной привести красоту в жизнь простого народа. Ван Лохем с большим энтузиазмом применял подобное видение архитектуры в своем творчестве. И не только в Харлеме, но и, как известно, в России. В 1926 году по приглашению другого голландца Себастьяна Рутгерса он отправился в Кемерово, где построил рабочий поселок около кемеровского рудника. В соответствии с тем, как строилось в то время социальное жилье в Голландии, Ван Лохем спроектировал грандиозный градостроительный план для шахтеров Кемерово. План предусматривал строительство школы, водонапорной башни, магазинов, общественного огорода и бани. В Голландии «голландский район» Ван Лохема в Кемерово считается памятником архитектуры.

Сотрудники музея-заповедника «Красная Горка» прилагают все усилия, чтобы отреставрировать наследие Ван Лохема.

*Бернт Шнейдерс, Мэр
Харлема*

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗЧИК

На телеканале «Мой город» в апреле 2013 года состоялся премьерный показ программы «Кузбасс от А до Я». Таким образом, продолжились сотрудничество телеканала и научного сотрудника музея-заповедника «Красная Горка» члена Союза журналистов России Владимира Сушацкого. На сегодняшний день эта программа находится в первых строчках рейтингов канала.

30 лет назад Владимир Сушацкий начал заниматься историей Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» и историей города Кемерово. Этим темам посвящены многие его авторские работы: фотоальбом «Неизвестный Кемерово, история АИК «Кузбасс» в фотографиях и документах», документальный цикл «Архитектурное наследие Кемерово 1915-1963 гг.», полнометражный документальный фильм «Остров» о деятельности АИК «Кузбасс» и документальный фильм «Кемерово. Историческая хроника

1930-80-х годов».

На телеканале «Мой город» Владимир Сушацкий получил полную журналистскую свободу. Взамен отдал еще больше – свои знания о Кузбассе. Предыдущий проект «От Щегловска до Кемерово с Владимиром Сушацким» (2010) был одной из программ, с которых телеканал начал свое вещание. По подсчетам самого автора, вместе с повторами его программы появлялись в эфире 1700 раз.

Даже названия передач привлекают внимание всех, кто неравнодушен к истории края: «Первый кемеровский аэропорт, 30-е годы»; «Зарница» в Кемерово», «История кемеровского Соснового бора», «Кемеровский дом моделей» и др.

Убедиться в том, что Владимир Сушацкий не только исследователь новейшей истории Кузбасса, но и замечательный рассказчик, можно посмотрев передачи в программной сетке телеканала «Мой город» и на сайте www.moygorod.tv.

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ ФОТОГРАФИЯ

Старшее поколение помнит, как в кинотеатрах перед показом художественного фильма демонстрировались снятые на черно-белую пленку новости. Теперь все, кому интересна история Кемерово, изложенная в формате новостного кино, могут воспользоваться новой услугой, которая стала результатом сотрудничества музея «Красная Горка» с сайтостроительной

компанией «Интернет-квартал».

Фотографии главной экспозиции «История Кемеровского рудника» и выставки «Кемерово — город перемен», отмеченные специальным значком, дополнены кадрами кинохроники из фондов музея. Ее можно посмотреть на экране планшетного ПК (устройство предоставляет музей).

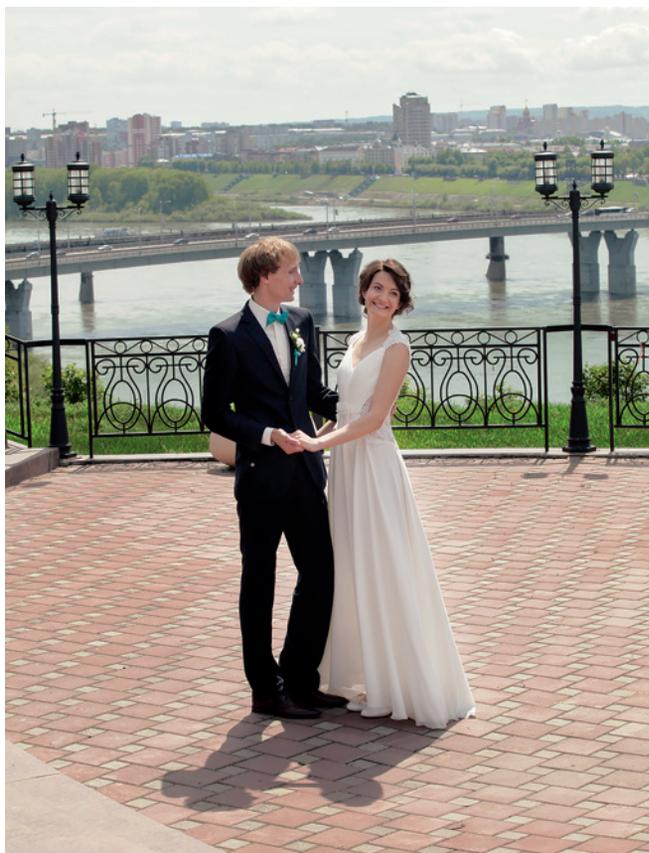
АУДИОГИД

В сентябре 2013 года у посетителей «Красной Горки» появилась возможность при знакомстве с экспонатами экспозиции «Шахта» использовать аудиогид. Сотрудники музея записали 13 аудиороликов (длительностью 2-4 минуты), которые подробно рассказывают о шахтерских профессиях, экипировке горняков, оборудовании угольного забоя.

Теперь посетители могут получить еще больше интересной информации при самостоятельном осмотре экспозиции. Эта новая услуга особенно важна тем, кому «визуальное» наполнение экспозиции было малодоступно или недостаточно: посетителям с ослабленным зрением и иностранцам (в аудиогиде есть звуковые дорожки на английском языке).

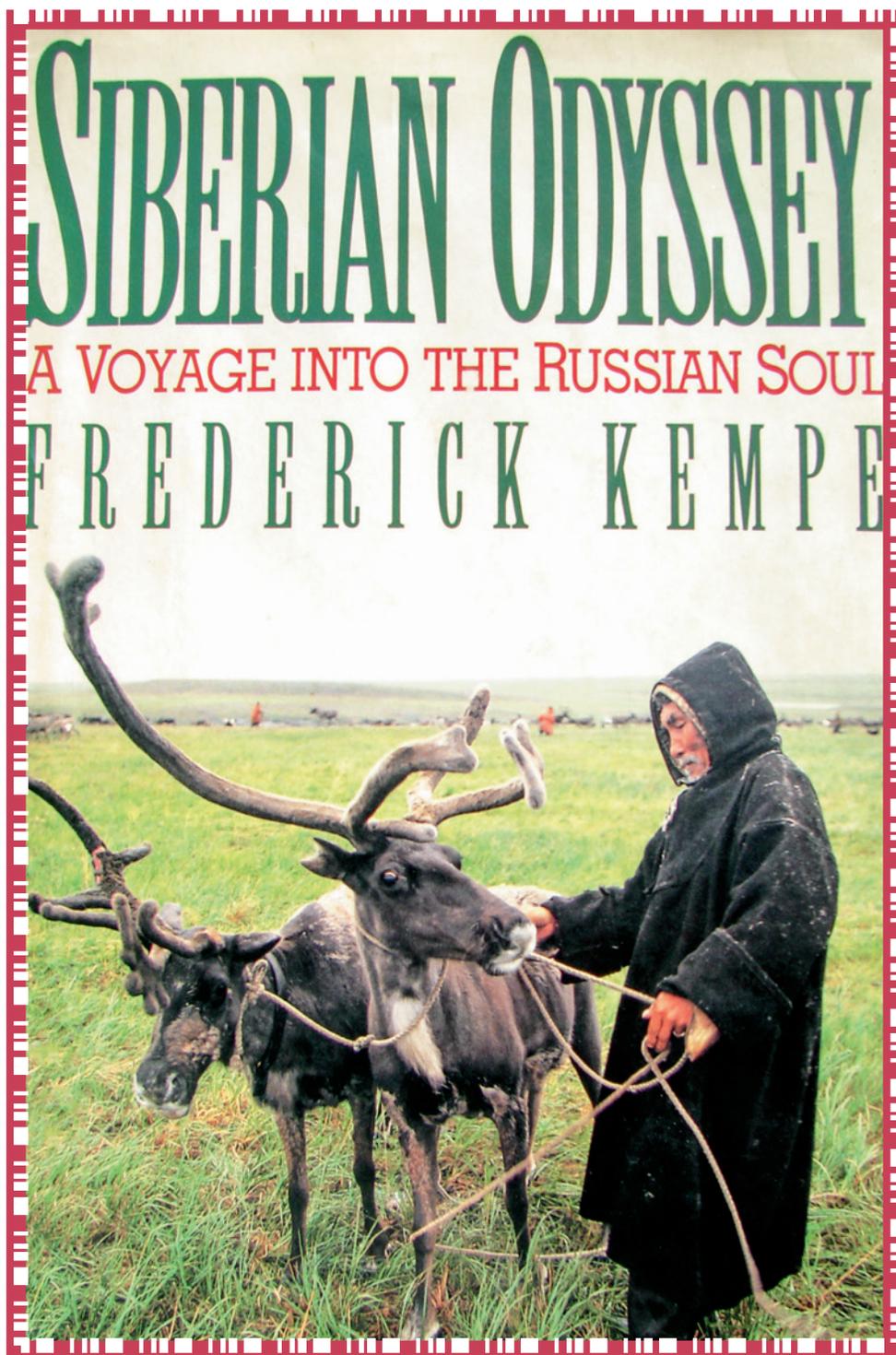

СВАДЕБНЫЕ ФОТОСЕССИИ

Одной из новых городских традиций становится посещение молодоженами музея «Красная Горка». Музей расположен в старейшем жилом доме города, от которого открывается прекрасная панорама Кемерова. После регистрации брака молодожены приезжают в музей и в каминном зале разжигают огонь — символ их будущего семейного очага.

Затем фотографируются у камина, на фоне панорамы города, у скульптурной композиции «Святая великомученица Варвара».

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЛИЧАЙШИМ СОБЫТИЕМ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. ОНА ВОБРАЛА
В СЕБЯ ТО, О ЧЕМ МЫ МЕЧТАЛИ И ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ...»
ЕСЛИ НЕ ВЕРИТЬ ЭТИМ СЛОВАМ ЛЕНИНА, ТО НЕЛЬЗЯ ВЕРИТЬ НИКОМУ.

•

Всегда интересно узнать, как воспринимается наша жизнь глазами иностранцев. В 60–80-е годы XX века Кузбасс довольно часто посещали корреспонденты зарубежных изданий, главным образом журналисты из коммунистических газет и журналов. Время от времени переводы их глянцевого статей появлялись в советской печати.

Но никогда в Кузбасс не пускали корреспондентов из недружественных стран. И вот в 1991 году в Кемерове оказался корреспондент одной из самых влиятельных американских газет «Уолл Стрит Джорнел» Фредерик Кемпе, который позже написал книгу о своем пребывании в СССР «Сибирская Одиссея. Путешествие в русскую душу». В 1992 году она была издана в

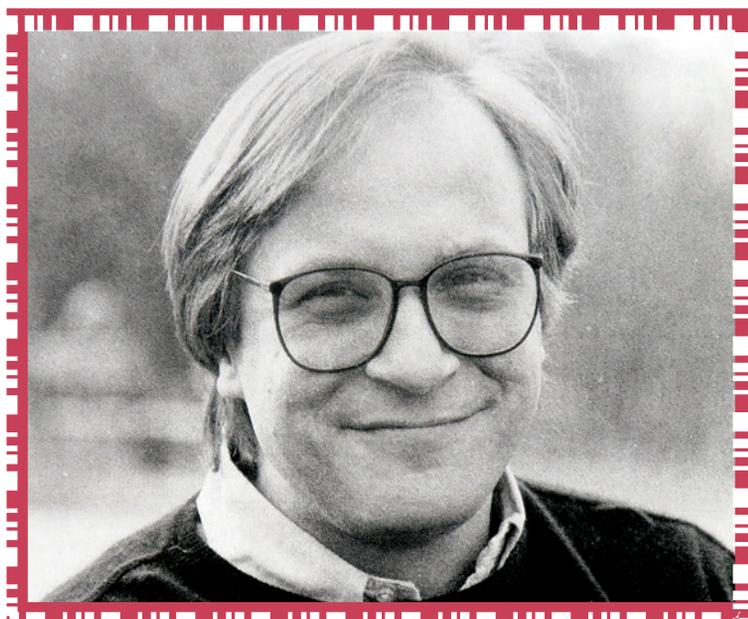
США. Годом позже перевод этой книги был напечатан в ФРГ.

Несколько глав посвящены Кузбассу.

Поскольку эти очерки в нашей стране никогда не публиковались, редакция альманаха сочла уместным поместить в номере перевод фрагмента об АИК «Кузбасс» из книги Кемпе. Переводчики не стали исправлять неточности в тексте американского журналиста, чтобы читатель составил собственное представление о происходивших событиях.

•

АМЕРИКАНЕЦ В СИБИРИ

Frederick Kempe spent more than ten years as a foreign correspondent for *Newsweek* and *The Wall Street Journal* before becoming the *Journal's* chief diplomatic correspondent and then its Berlin bureau chief. He is also the author of *Divorcing the Dictator: America's Bungled Affair with Noriega*. *Siberian Odyssey* marks his twelfth trip to the Soviet Union.

Перевод: С. Сафронов, В. Сухацкий

Получив разрешение КГБ СССР на беспрепятственное перемещение по маршруту нашей международной эколого-журналистской экспедиции от истоков Томи до Ледовитого океана, я захотел остаться в Кемерове еще на пару дней. Надо было адаптироваться к смене часовых поясов, отдохнуть, а также узнать нечто интересное об истории города.

Вечером в гостинице «Кузбасс» у нас было застолье по поводу успешного старта экспедиции. Но я так устал, что пошел в номер, чтобы зарядить батареи для ноутбука и расслабиться. Впереди — многодневная экспедиция по Сибири. Хорошо, что на утро не было запланировано никаких встреч. Я прилег, задремал, но тут меня разбудил стук в дверь.

Стучали тихо, но настойчиво и долго. Это явно говорило о том, что гость стучит в дверь неспроста. С опаской я поднял тумблер выключателя вверх, чтобы не ударило током. Выключатель находился между двумя розетками с оголенными проводами. Похоже, электрик, озабоченный выполнением плана, делал все наспех. Он не стал подключать розетки к току, а просто вывел провода наружу.

Я посмотрел на будильник — два часа ночи.

В комнате стоял запах простыней не первой свежести. Так пахнет постельное белье, если его стирали в жесткой воде без порошка. Полусонный, я встал с кровати, попытался обернуться полотенцем. Но в стране, где строят гигантские заводы, размер банного полотенца таков, что им можно лишь ногу обернуть.

Ночной визитер снова постучал в дверь, но на этот раз громче и настойчивее. Я обернул туловище простыней и приоткрыл дверь. На пороге стояла стройная женщина. У нее были крашенные рыжие волосы. Возраст — не более 25 лет, но ее яркий макияж, похожий на раскраску египетских фараонов, и кроваво-красная помада делали ее старше.

Коричневая мини-юбка была столь коротка, что внимание привлекали исключительно ноги. На черной, чересчур облегающей футболке красовалась цветная вышивка «Gucci». На днях в Кемерово прибыла огромная партия таких маек из Италии (в рамках бартерной торговли в обмен на уголь), и женщины всего города щеголяли в них.

Увидев на моем лице недоумение и услышав американский язык, девушка с малиновыми губами посмотрела по сторонам и, простодушно улыбаясь, спросила: «Я что, ошиблась номером?»

Вдруг в конце темного коридора загорелся свет. Дежурная по этажу, заметив, что дверь моего номера открыта, хриплым голосом что-то рявкнула. Я открыл дверь настежь, пытаясь понять: «Что происходит?» Простыня соскользнула, оставив меня голым.

Моя ночная гостья хихикнула, когда я наклонился, чтобы вновь облачиться в тогу. Она спросила: «Хочешь провести со мной ночь?» Когда я обернулся простыней, девушка незаметно поспешила удалиться.

Прежде чем закрыть дверь, я посмотрел в конец коридора и увидел вездесущую «дежурную по этажу», которая являлась своего рода пережитком советского прошлого. Она должна была зорким глазом фиксировать все, что касалось иностранных гостей. Ее тучная фигура заполняла едва ли не весь коридор. На этом этаже она была безраздельной хозяйкой. Дежурная дала понять, что меня «зачикали» в преступлении и что об этом будет доложено куда следует.

Дверь в конце коридора закрылась. В воздухе висел тяжелый запах духов. С одной стороны, это был аромат, привнесенный из прошлого времени, но, с другой стороны, что-то подсказывало мне: это возрождение капитализма в стране рабочих и крестьян. Было очевидно, что советский рай для рабочих уже разваливается.

Сон прошел, и я снова принялся читать автобиографию «Большого» Билла Хейвуда. В свое время он являлся самым известным радикальным американским анархистом. Он сбежал из тюрьмы и приехал в Кемерово за 70 лет до меня. Хейвуд надеялся построить в Сибири рай для рабочих, поскольку в Америке ему это сделать не удалось.

В одной из книжек о Хейвуде говорится, что это был «высокий, плечистый, сильный мужчина, который в детстве потерял один глаз. Он носил черную ковбойскую шляпу, прикрывавшее хмурое в шрамах лицо. Хейвуд являлся олицетворением пролетарского гнева и настоящим кошмаром для капиталистов».

На свой страх и риск Ленин дал 300000 долларов Хейвуду и двум его соратникам — Герберту Кальверту и голландцу Себальду Рутгерсу. Они предложили создать Автономную индустриальную колонию (АИК). Кузбасс богат углем. В 1921 году Ленин также сдал им в аренду металлургический завод на Урале, а также коксохимический завод в Кемерове, шахты и 8000 га сельскохозяйственных угодий. Территория этого региона по размерам — как штат Индиана.

Согласно условиям контракта, авторы проекта «АИК» обязались завербовать 5000 рабочих, в основном в Америке. Каждый из них должен был привезти инструменты на сумму 100 долларов, а также внести 100 долларов наличными в качестве первоначального взноса, для того чтобы оказаться в пролетарском раю.

«АИК — это великий эксперимент по созданию крупной промышленности в России. Рабочие не будут кормить паразитов-капиталистов, а будут жить на средства, полученные от полноценного продукта их труда», — писал Хейвуд в свойственной ему манере в рекламном проспекте кузбасской колонии.

Автономная индустриальная колония «Кузбасс» — малоизвестная глава в истории американского рабочего движения. Она заинтересовала меня потому, что Хейвуд был моим земляком из штата Юта. Он родился в городе Солт-Лейк-Сити в 1869 году, почти за 85 лет до меня.

Мормонская «земля обетованная», расположенная в долине хребта Усатч Скалистых гор, всегда была инкубатором утопического мировоззрения. И хотя Хейвуды вовсе не являлись мормонами, они также были приверженцами веры в светлое будущее. Меня воспитывали в таком же духе. Я наивно верил, что можно создать идеальное общество. И эта цель казалась достижимой. Мой идеализм поубавился, когда я повзрослел и столкнулся с реальной жизнью.

В автобиографии Хейвуд описал нравы жителей штата Юта. Насилие — обычное дело. Очень часто ссоры возникали из-за многоженства, которое исповедовали мормоны.

Тем не менее Хейвуда восхищала мормонская планировка города: широкие улицы с нумерацией домов, глубокие сливные стоки вдоль дорог. Вода, которая стекала с гор, использовалась для орошения пышных городских садов. Но дальше он пишет, что вся эта идиллия меркнет, когда вспоминает картину, увиденную в детстве: беснующаяся толпа линчует чернокожего прямо на городской площади.

«Лицо негра стало мертвенно бледным. Его смуглая кожа синела на глазах. Было страшно смотреть на лицо с высунутым языком и глазами навывкате, — писал Хейвуд. — Я смотрел на судороги несчастного и беспрестанно повторял: «Что же они делают? Что же они делают?» Ощущение было такое, как будто у меня в животе оказался кусок холодного свинца».

Эти детские воспоминания сформировали личность Хейвуда. Он стал рассматривать себя

как защитника угнетенных людей, рабочих и чернокожих, а также как борца против капиталистов.

В начале XX века Хейвуд приобрел в Америке всенародную славу. Он был пламенным оратором и создал организацию «Индустриальные Рабочие Мира» (ИРМ), члены которой называли себя «уоблиз». Некоторые историки считают, что это слово, ставшее прозвищем, возникло потому, что один из членов организации, китаец, последние две буквы в аббревиатуре IWW произносил как «уобли- уобли».

На учредительном собрании 27 июня 1905 года, в Чикаго, Хейвуд создал самую радикальную профсоюзную организацию, которая отчасти зиждилась на идеализме. Ничего подобного в США прежде не было.

«Это — всеамериканский конгресс рабочего класса», — сказал Хейвуд, выступая перед 200 делегатами собрания, которые представляли 300 тысяч рабочих.

Тогда же в России началась революция. В 1905 году стало очевидно, что страна находится в кризисе. Царское правительство после поражения в войне с Японией пребывало в растерянности. Меры, которые оно предпринимало, были малоэффективными. В такой ситуации революционное движение в стране только нарастало. По всей России, включая Сибирь, прошли восстания и забастовки, которые царь жестоко подавил. Но это было лишь временной передышкой.

В обращении к восставшим на броненосце «Потемкин» съезд ИРМ выразил поддержку «угнетенным, борющимся и страдающим товарищам в далекой России». Вряд ли Хейвуд предполагал, что именно с этими «страдающими товарищами» будет связана его дальнейшая судьба.

28 сентября 1916 года американский федеральный суд присяжных предъявил Хейвуду и его соратникам (более чем 100 человек) обвинение в преступном сговоре, а также «призывах к мятежу против участия США в Первой мировой войне».

Позже Хейвуда обвинили в заговоре против правительства. Этого 48-летнего великана, ростом выше 180 см и весом 103 кг, поместили в тюрьму округа Кук, в Чикаго.

Не прошло и месяца после ареста, как заключенный Хейвуд узнал о большевистской революции в России. Вместе с другими арестованными «уоббли» он организовал шумную акцию. Люди громко скандировали лозунги и пели революционные песни. У всех имелись

книжка «Маленький красный песенник» с текстами пролетарских песен.

Короче говоря, Россия стала привлекать Билла еще больше, чем до ареста. Адвокаты Хейвуда пытались вытащить его из тюрьмы. Они обращались в Верховный суд, но там им дали понять, что у их клиента мало шансов на освобождение.

В конце концов Хейвуду под залог удалось выйти на свободу. Тотчас же он получил от советского агента фальшивый паспорт и все проездные документы. Ему предложили поработать консультантом у Ленина.

Поскольку внешность Хейвуда была хорошо известна представителям власти, он надел широкий черный плащ. Чтобы скрыть невидящий глаз, который по неосторожности выколол ножом в детстве, строгая рогатку, надел монокль. Сел на пароход — планировал сначала оказаться в Европе, а затем поездом добраться до Москвы.

Когда судно проходило мимо статуи Свободы, Хейвуд вышел из своей маленькой каюты третьего класса на палубу и сказал: «Привет, старая ведьма с факелом в руке! И прощай! Слишком долго ты стояла ко мне задом. Сейчас покажу тебе свой. Я отправляюсь в страну настоящей свободы!»

Настоящим подвижником, который сегодня рассказывает об американской колонии в Сибири и о Хейвуде, стала кемеровский историк Евгения Кривошеева — невысокая, круглолицая дама, которая в начале 50-х годов приехала сюда и случайно узнала об АИКе.

«Я работала в архиве. Просто делала свою работу и совершенно случайно наткнулась на документы, датированные 20-ми годами. Они касались деятельности колонии. Поэтому я решила написать диссертацию и посвятить несколько глав АИКу».

Долгое время историк Кривошеева скрывала «взрывоопасную» информацию, которую обнаружила в архивах.

Официальная версия того, почему в конце 20-х годов колония была ликвидирована, сводилась к тому, что она была не нужна. Но Кривошеева полагает, что, скорее всего, Сталин разогнал колонию потому, что не доверял иностранцам. Те, кто пожелал остаться в Советском Союзе, потом были арестованы и казнены.

«Почти половина тех колонистов, которые остались в СССР, были объявлены шпионами. Их отправили в ГУЛАГ, где они и сгинули, — сказала Евгения Кривошеева. — Злая ирония

заключается в том, что многие побоялись возвращаться на родину, поскольку являлись коммунистами. Опасались преследований. Но открыто сказать о репрессированных я не могла».

В последние годы ученый-историк попыталась запустить план реконструкции семи бывших зданий колонии, в том числе и бревенчатых. Но вряд ли стоит ожидать каких-либо вложений в ее проект, поскольку в городском бюджете не имеется денег не только на приобретение шприцов для больниц, но даже на производство молока.

Тем не менее жители Кузбасса, самой индустриальной части Сибири, считают, что живут в «городе-саде». Во время своих вечерних пробежек по улицам я видел тенистые дворы, в которых ребячьи играла в прятки, а старики сидели за шахматными досками. Молодые мужчины гуляли по улицам с нарядно одетыми кокетливыми девушками. Многие из них были одеты в футболки с надписью «Gucci».

Однако рай для пролетариата, о котором так мечтал Хейвуд, здесь так и не появился. В настоящее время уровень заболевания раком и респираторными заболеваниями из-за выбросов коксохима и других заводов зашкаливает.

Я бы не позавидовал тому человеку, который оказался в это время в кемеровской клинике. В местных больницах не имеется ни лекарств, ни оборудования. Один местный хирург рассказал мне, что во время хирургических операций он использует тесьму, которую покупает в магазине тканей.

Однако историк Евгения Кривошеева во время наших экскурсий по городу вовсе не обращала внимания на подобные довольно печальные факты. Она жила в призрачном прошлом, в «ревущих двадцатых годах», которые, по ее мнению, были золотым времечком, когда «в русский меланхолический быт пришли задорная американская кадрили и веселые вечеринки».

«Вот то место, где колонисты играли в американский футбол», — сказала Евгения Кривошеева, когда мы остановились у поля, заросшего бурьяном, на котором паслись две коровы. Сохранились поржавевшие столбики от ворот.

«Колонисты соорудили трибуны вокруг стадиона, и все приходили смотреть соревнования. Электрик из Детройта Джек Тучельский, поляк по происхождению, был лучшим игроком. Об этом можно прочитать в письмах колонистов на родину».

Когда колонию ликвидировали, Тучельский сначала работал на сталелитейном заводе, а в

1930 году стал главным электриком на новом автомобильном заводе в Горьком, который был построен по лицензии компании «Форд». Но спустя восемь лет его арестовали якобы за саботаж. Вся его вина заключалась в том, что он — иностранец.

«Сначала он ни в чем не признавался, — сказала Евгения Кривошеева. — Но после долгих часов допросов вынужден был согласиться с обвинением. Умер от пыток в тюремной больнице в декабре 1938 года. Можно только предполагать, через что этот человек прошел. Его дочь живет в Москве. Она была совсем маленькой, когда отца забрали в тюрьму».

Наш микроавтобус остановился у высокого, метров 60, утеса на берегу Томи. Кривошеева показала мне точку, откуда лучше всего был виден коксохимзавод, который у колонистов являлся одним из самых важных промышленных объектов. Он и сегодня — главный работодатель в городе. Неподалеку от коксохима располагались другие, более мелкие предприятия. Кругом торчали трубы, что придавало сходство с музыкальным органом. Из них шел густой дым, и поэтому небо было серым.

Зато на правом берегу вокруг нас лежал ковер из пестрых полевых цветов, которые никак не вписывались в этот индустриальный пейзаж. Мы прошли к каменной пристани, которая была похожа на амфитеатр. Когда-то здесь колонисты устраивали театральные спектакли. Медленные воды реки являлись живописной декорацией. На восток тянулась дикая тайга. В ясный день можно было даже разглядеть отроги Алтайского хребта рядом с Монголией.

С самого начала колония столкнулась с серьезными проблемами. Хейвуду и его партнерам так и не удалось выполнить обещание, данное Ленину, — нанять на Западе 5000 работников. Максимальное число колонистов не превышало 500. Первая же холодная зима, плохие жилищные условия вынудили 50 американцев вернуться на родину, где они выразили свое возмущение настолько сильно, что это отбило охоту у других новобранцев.

Дефицит жилья, который наблюдается в Кемерове даже спустя 70 лет после возникновения колонии, вынудил первопроходцев жить в товарных вагонах, в которых они и приехали. Люди жили в школах и бараках среди тараканов, блох, вшей и свирепых сибирских клопов.

Следующий удар Хейвуд получил от организации ИРМ, которую он же и основал. Его соратники в Америке вовсе не являлись приверженцами советского коммунизма. Сам же

Хейвуд, поселившись в Сибири, перестал быть для соотечественников вождем и легендарным оратором. «Ирмовцы» считали его предателем, потому что Хейвуд сбежал из Америки, оставив собратьев по классовой борьбе за решеткой.

Ну а те американцы, которые все-таки рискнули приехать в Кемерово, столкнулись с весьма серьезными проблемами. Местное население относилось к чужеземцам, как к захватчикам, которые забрали в управление шахты и заводы и теперь помывают русскими. Напряжение во взаимоотношениях росло также из-за культурных различий.

Например, пуритане-американцы никак не могли привыкнуть к тому, что аборигены купаются в реке нагишом. Русским мужчинам очень не понравилось, что 12 американских колонистов, едва обосновавшись на берегах Томи, женились на местных девушках.

«Колонисты выбирали в жены самых красивых, — сказала историк Е. Кривошеева. — Ну а кемеровские дамы охотно вступали в брак с иностранцами, поскольку их привлекали экзотические супружеские отношения».

Большое раздражение у Хейвуда вызывала местная антисанитария. «В каждом доме обитают полчища паразитов», — писал он.

Летом 1922 года колонисты построили на Руднике новые благоустроенные туалеты. А старые выгребные ямы, которые американцы считали просто омерзительными, засыпали известью.

Накал страстей во взаимоотношениях русских и иностранцев пришелся на начало лета 1923 года. Два голландских инженера предложили использовать для переправы через реку паром нового типа. Он крепился к канату, который проложили между берегами Томи, и двигался за счет силы течения реки. Однако в первый же день паром перевернулся, и 18 человек утонули. Все, кроме одного пассажира, были русскими.

Скандалы случались и среди членов АИК «Кузбасс». Американским коммунистам и местным большевикам не нравилась позиция членов ИРМ, которые настаивали на установлении в колонии «производственной демократии». (Иными словами, все вопросы должны решаться на общих собраниях коллектива, а не начальством. — Прим. переводчиков). Кроме того, «ирмовцы» считали, что стали «рабами зарплат, которую они получают от Советского государства, а не подлинными хозяевами предприятия». Однажды этот спор между американцами и русскими вылился в большую драку.

Большая часть «ирмовцев» вернулась на родину. А те, кто остался в Кемерове, превратились в твердолобых коммунистов.

Свирепые морозы, отсутствие жилья, скудное питание и высокий уровень заболеваемости среди первых колонистов вынудили Хейвуда спустя несколько месяцев вернуться в Москву. Когда он ушел в отставку с поста директора колонии, газета «Чикаго Трибьюн» в 1923 году писала: «Хейвуд был сломлен. Покидая Кемерово, он рыдал, как ребенок».

Но колония продолжала работать.

Несмотря на внутренние распри, колонисты обрели уверенность в своей значимости. Людям с такой позицией в колонии имелось достаточно. Они обладали высоким уровнем технической подготовки, богатым опытом. Кроме того, они были убеждены, что в жизни нет ничего невозможного.

Ко всему прочему, в 1923 году Ленин выделил колонии еще 2 миллиона золотых рублей (около миллиона долларов) и отдал в управление иностранцам другие кузбасские предприятия.

В 1924 году в жизни колонии случались как радостные, так и печальные события.

Подача электричества на огромные коксовые батареи, без которых они не могли бы работать, сопровождалась парадом духовых оркестров, шествующих по льду замерзшей реки.

Глаза Е. Кривошеевой, когда она рассказывала об этом событии, блестели, как у очевидца. Она отметила, что колонистам потребовалось установить огромный турбогенератор. Его мощности хватало на электрификацию близлежащих деревень.

По такому случаю директор колонии Себастьян Рутгерс устроил для местных крестьянок целое представление. Электрическим утюгом он выгладил мятые рубашки и даже испек блины на электроплитке. Однако он никак не мог убедить неграмотных женщин выключать днем свет. Они боялись, что потом он никогда не зажжется.

Многие колонисты были вполне довольны жизнью в Сибири. Е. Кривошеева показала мне фотокопию брошюры «Кузбасский бюллетень», который издавался в Нью-Йорке. В нем было напечатано письмо американской школьницы из Кемерова своей подруге, живущей в США, родители которой собирались также перебраться в Сибирь. Вот о чем говорилось в этом письме: *«Летом здесь тепло и красиво. Покупаем, удим рыбу, катаемся на лодках и ходим на охоту. Из зимних развлечений —*

санки и коньки. Непременно захватите с собой коньки... Было бы очень хорошо, если бы вы привезли несколько голубей и попугаев. А вот папе нужны 2 стальные удочки длиной 10 футов и много крючков. Размер № 7».

Однако за два месяца до пуска Кемеровского коксохимзавода скончался Ленин, и мечты о развитии колонии постепенно улетучивались. И хотя предприятие просуществовало еще два года, Сталин решил как можно скорее его закрыть.

«Колония умерла вместе с Лениным, — сказала Е. Кривошеева. — Это позор! Иностранцы имели очень высокую квалификацию и к тому же вынашивали весьма амбициозные планы».

Она полагала, что если бы удалось не утрачивать культурно-образовательное влияние иностранцев, то сейчас, в начале 90-х годов, все было бы иначе. Говоря об этом, женщина нахмурилась. Казалось, что она пребывает в некоем ностальгическом транссе, окунувшись во времена, в которых никогда не жила, но была пропитана духом оптимизма американских колонистов 20-х годов. Для нее история колонии — отдушина.

«С того времени мы не так уж и далеко продвинулись. Стоим на месте. По сути, страна забуксовала», — сказала она.

Здесь же, в Кемерове, я встретился с Этель Грунд, дочкой американского колониста. Я увидел милую кудрявую блондинку. Ее скромный макияж лишь подчеркивал природный румянец.

К сожалению, я опоздал на встречу, и было видно, что женщина нервничает. На столе уже лежали домашние пирожные и стояли чашки с кофе, который сварил ее муж. У супруга была ярко-рыжая крашенная шевелюра, которая никак не сочеталась с седыми усами.

Этель является едва ли не последним потомком колонистов — из тех, кто не стал возвращаться на родину. Она преподавала английский язык в школе, но говорила со мной по-русски.

Ее отец никогда не говорил с дочерью по-английски, и лишь иногда он называл дочку Little Pussy Cat (кошечкой), а она называла отца Микки Маусом.

О деятельности колонии 46-летняя Этель Грунд узнала опосредованно, т. е. из аудиозаписей интервью с отцом и автобиографии. «Когда я была ребенком, он вообще ничего не рассказывал, — сказала она, как бы извиняясь. — Понимаете, все дело в том, что чем меньше дети знают о своих родителях, тем меньше вероятность того, что они наболтают одноклассникам и подставят под удар семью».

Потом Этель сказала: «Только когда мне исполнилось 19-20 лет, т. е. стала достаточно взрослой и стала понимать, что к чему, вот тогда папа рассказал о своем прошлом».

Семья Франца Грунда переехала из Австрии в Америку сразу после начала Первой мировой войны. Будучи подростком, он работал пекарем в Нью-Йорке. За нищенскую зарплату трудился в пекарне с 4 утра до поздней ночи. Именно тогда Франц Грунд возненавидел капиталистов.

«Жизнь была настолько ужасной, что отец отрекся от Бога, хотя рос в набожной католической семье, — сказала Этель. — Он вступил в организацию «Индустриальные Рабочие Мира» (ИРМ), а затем в компартию. И, как многие молодые люди, отец стал активистом этих политических движений. Безусловно, он знал Билла Хейвуда и восхищался его личностью».

О том, что в Сибири возникла американская промышленная колония, Франц Грунд узнал из «ирмовской» газеты. Ему было всего 19 лет. Не раздумывая, он отправился в Советский Союз, в страну пролетарской справедливости и равенства.

Этель Грунд показала мне толстый семейный альбом, в котором было множество фотографий. С трепетом она достала одну из них — с изображением мужчин, которые стояли на палубе огромного корабля. Снимок был старый, с оторванными уголками и совсем крошечный. На фото Франц Грунд стоит на палубе корабля с развернутым большим носовым платком. На лице довольная улыбка.

«Когда судно отправилось из Америки в Европу, он развернул платок — очевидно, красного цвета — и держал как флаг. Он пел «Интернационал»», — сказала дочь.

Этель Грунд показала мне документы, которые отец предоставил советским властям для получения советского гражданства.

Имя: Франц Иоганн Антон Грунд

Адрес: 413, Западная 56-я улица, Нью-Йорк

Национальность: австриец

Профессия: пекарь

Дата рождения: 21 марта 1902 г.

«Отец собрал все необходимые документы для получения нового подданства. Он был очень скрупулезен. Но у него не имелось американского удостоверения личности, поскольку, живя в США, отец не хотел афишировать свою принадлежность к коммунистической партии. В этом он отличался от тех американцев, которые поехали в Сибирь за приключениями. Отсутствие некоторых необходимых документов

вызвало проблемы с получением нового гражданства. Однако ему удалось вступить в члены Российской компартии, и в конце концов власти радушно предоставили ему советское подданство. Членства в партии большевиков было вполне достаточно».

Оказавшись в Кемерове, Франц Грунд три года изучал коксохимическое производство и даже стал заместителем начальника цеха.

«Но в 1936 году, когда начались сталинские гонения на иностранцев, директор завода отобрал у Грунда партбилет и уволил его, — говорит Этель. — В это время Кремль издал указ, что все несоветские граждане не могли являться членами советской компартии. Кроме того, директор коксохимзавода опасался, что его могут арестовать только за то, что на предприятии работали какие-то подозрительные иностранцы».

Тогда у Франца Грунда началась длительная тяжба с американским посольством в Москве. Ему было необходимо доказать, что он приехал в СССР из США. Процедура по установлению личности отъявленного коммуниста — малоприятная. Тем более что бывший колонист был убежден, что коммунизм гораздо лучше того капиталистического мира, в котором он когда-то жил.

Он не изменил своего мнения даже тогда, когда его шурин, литовский еврей Исаак Гольдфайн, инженер, который покинул Америку, чтобы работать в Кемерове, в 1937 году был арестован. Его обвинили в участии в троцкистском заговоре против Сталина. Его расстреляли в 1938 году в лагере, который находился в деревне рядом с Кемеровом.

После казни Гольдфайна Франц Грунд предоставил кров двум его дочкам, хотя понимал, что очень рискует.

«Где-то в 1937-м или 1938 году жена Гольдфайна, стирая спецовку и нижнее белье мужа, обнаружила кусочек материала, на котором было что-то написано. Вода размывала буквы, и было невозможно прочитать текст. Но она считала, что это послание муж писал кровью. Женщина всю жизнь винила себя за невнимательность, — сказала Этель Грунд, — поскольку так и не узнала, что написал ее муж».

Через год после смерти шурина Франц Грунд обратился к местному прокурору и потребовал: «Либо арестуйте меня, либо разрешите работать». Неопределенность сводила американца с ума. Прокурор приказал директору коксохимзавода восстановить Грунда в должности.

Никто не знает, почему кто-то из американ-

цев остался в живых, а других казнили. Франц Грунд часто задавался вопросом: почему он выжил, а его шурин нет? Этель Грунд считает, что отец остался в живых только потому, что всегда был спокоен и выдержан. Он никогда не позволял себе пустословия и двусмысленных шуток, за которые его могли арестовать.

«Я помню, что отец, когда мы шумно играли, велел соблюдать тишину и не мешать соседям».

Франц Грунд так и не расстался с мечтой о коммунизме, ради чего он и приехал в Россию. В 1961 году бывший колонист написал заявление в обком партии, чтобы ему восстановили прерванный партийный стаж. В 1965 году его ходатайство было удовлетворено. Партийный стаж увеличился на 30 лет.

«Конечно, отец видел недостатки, которые были присущи коммунизму, но он всегда верил, что в конце концов правое дело победит, — сказала Этель. — Он всегда говорил нам, что плохие времена рано или поздно пройдут. После таких речей он обычно начинал петь американские революционные песни, которые знал с молодости. Например, он мог спеть «Красное знамя» на английском и итальянском языках».

Как и Хейвуд, Франц Грунд не мог забыть Америку. Чем хуже становилась жизнь в России, тем больше он испытывал ностальгию.

«Он смотрел все фильмы, в которых так или иначе упоминался Нью-Йорк, — сказала Этель. — Я хотела выяснить у отца о родственниках и друзьях, живущих в Америке. По моему мнению, таковые имелись. Я даже писала им письма по тем адресам, которые я нашла в старой записной книжке отца. Безрезультатно! После 1936 года папа перестал поддерживать с ними связь. Полагаю, что они поменяли место жительства. В России не так часто, как в Америке, люди покидают родительский дом. Имея квартиру, русские люди держатся за жилье. Я вот до сих пор живу в квартире своего отца».

К моменту моего появления в Кемерове единственным напоминанием о Хейвуде были заводские трубы коксохима, из которых шел густой дым. Именно на этом предприятии работал и Франц Грунд вплоть до увольнения в 1973 году.

Как известно, многие европейские города строились поблизости соборов, купола которых венчали высокие шпили. Но в Сибири индустриальные города возводились рядом с заводскими трубами. Они придавали стройность городскому ландшафту, но были окружены извилистыми трубопроводами и котлами. Создавалось впечатление, что кто-то вытащил всю

сантехнику из подвала и увеличил ее размеры в 100 тысяч раз.

Коксохимзавод уже давно вызывал нарекания у кемеровчан. Горсовет даже проголосовал за полное закрытие предприятия, которое отравляет атмосферу серой. Только экономический кризис побудил власти отказаться от ликвидации, поскольку завод являлся крупнейшим в городе работодателем и налогоплательщиком.

Директор завода, закоренелый коммунист, заключил с местными властями договор о том, что предприятие будет снабжать город продовольствием и медикаментами в обмен за отказ закрыть предприятие.

«Если слишком много думать об экологии, то и жрать нечего будет!» — сказал директор завода Леонид Шелякин. Ему было 59 лет, и он заверил меня, что никогда не откажется от своих коммунистических убеждений и никогда не снимет портрет Ленина, который висел на стене у его рабочего стола.

Однако объемы вредных выбросов не сокращались, и завод вынужден был предпринять еще один шаг навстречу местным властям. Директор завода пообещал переселить горожан, которые жили в полукilометровой зоне от коксохима, а затем расширить ее до километра. Говорят, что продолжительность жизни у тех людей, которые ютились поблизости от завода, была на 10 лет меньше, чем у жителей других районов города.

Принудительное переселение у людей протеста не вызвало. Они обитали в двухкомнатных деревянных бараках или лачугах без водопровода. Это было самое худшее жилье, которое построили еще во времена Хейвуда. Кучи угольного шлака лежали прямо у дверей. Домашний очаг — электроплитка. Люди спали на железных койках или просто на полу. Туалет — на улице. Отопления в сортире никакого. За долгую зиму пол покрывался льдом.

Завод уже переселил 4000 семей, но тысячи других кемеровчан из полумиллионного города все еще живут в подобных хибарах.

Я спросил у Л. Шелякина, почему вместо переселения людей не убрать завод в другое место?

«Даже если снести наш завод, — сказал он, — позади будет еще один. За ним — другой. Все они в одной цепочке. Даже пальцев не хватит, чтобы все пересчитать».

На площадке у коксовых печей, которые шипели, свистели и извергали клубы дыма, я спросил у рабочих в белых касках о демократи-

ческих реформах в Советском Союзе. Мой вопрос был явно им не по душе. Они хмурились.

«Поначалу мы встретили перестройку с энтузиазмом, — сказал заводской ремонтник Петр Семенович Войтович. — Но сейчас ремонт в доме затянулся. И поэтому живешь в нем, потому что идти некуда. Думаю, что вам известно, как неудобно жить в квартире, которая

ремонтируется. Несколько недель — это еще терпимо. Затем проходит несколько месяцев, а потом и несколько лет. Ремонт затягивается, а вот тогда теряешь веру. Жизнь слишком коротка. Уровень жизни при Брежневке был гораздо выше, чем сейчас. В общем, страна движется куда-то не туда».

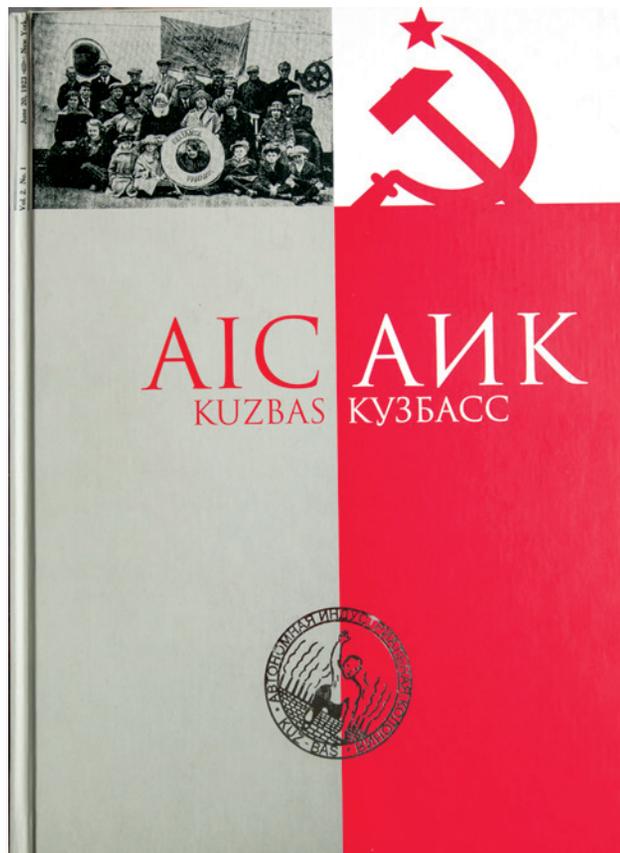
Из фондов музея-заповедника «Красная Горка»

Анатолий Чернов

Красная Горка

Дом приезжих, в котором жили руководители АИК «Кузбасс», в настоящее время в нем расположен музей «Красная Горка»

**КРАСНАЯ
ГОРКА**

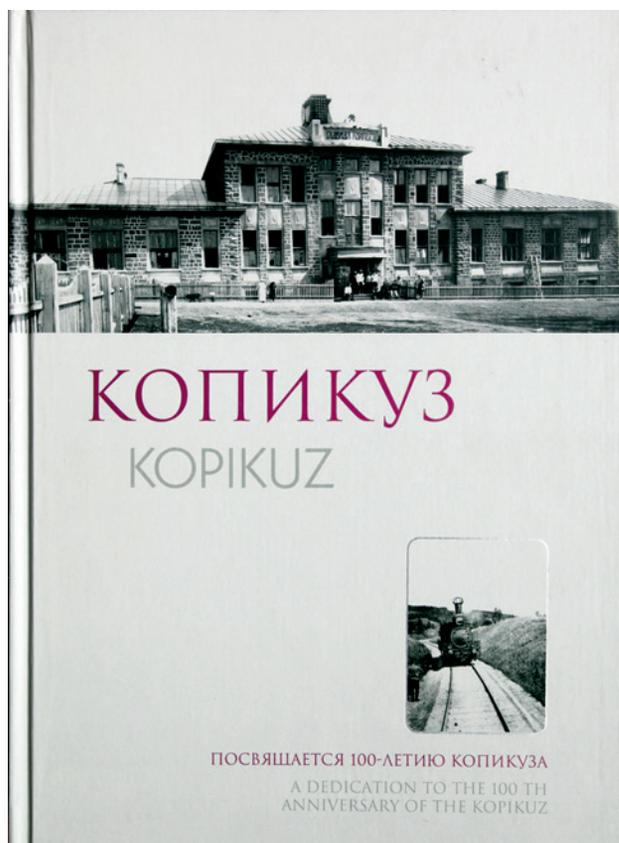

«Автономная Индустриальная колония «Кузбасс».

Научно-публицистическое издание. Книга посвящена одной из самых необычных страниц в истории нашего края и города Кемерово – деятельности Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». В 1920-е годы маленький сибирский городок Шегловск (Кемерово) стал центром крупнейшего международного проекта, в котором участвовали люди 30 национальностей из разных стран мира. В основу книги положены материалы диссертации, защищенной Л.Ю. Галкиной в Кемеровском государственном университете. Текст адаптирован для рядового читателя. Впервые в России при изучении этой темы автором были использованы иностранные источники, в том числе из архивов США. Сами колонисты, историки, журналисты по-разному оценивали деятельность АИК «Кузбасс», ее вклад в развитие Кузбасса и Кемерово. Автор книги избегает политических оценок, предоставляя право читателю самому делать выводы на основе объективного изложения истории колонии.

Книга «Копикуз».

В издании представлены документы, фотографии из фондов кузбасских музеев и архивов. В нее вошла повесть Александра Бека «Курако». В 1930-е годы писатель неоднократно выезжал на площадку Кузнецкстроя, встречался и беседовал со многими непосредственными участниками создания КОПИКУЗа. Написанная им по горячим следам повесть, впервые опубликованная в 1934 году и включенная в изданную книгу, посвящена истории КОПИКУЗа, судьбам делавших эту историю талантливых и увлеченных людей.

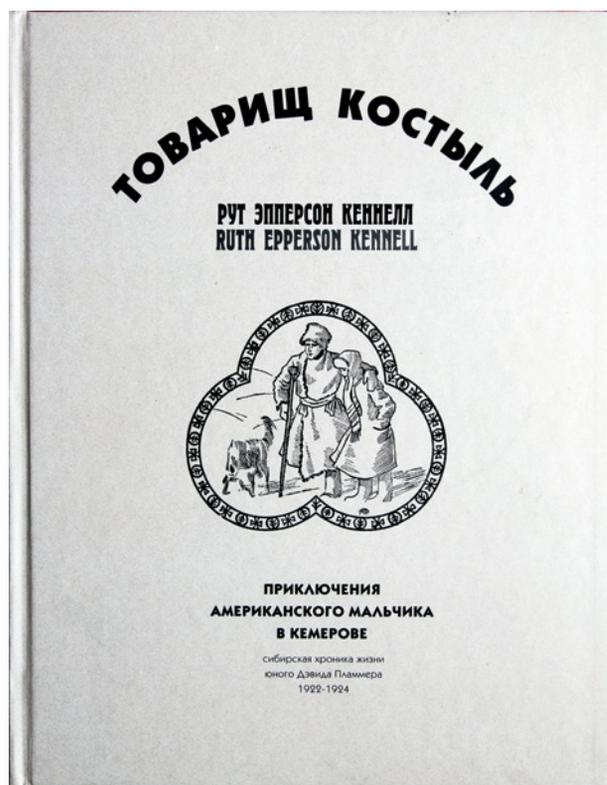

«Неизвестный Кемерово. История американской колонии в Сибири 1921-1926».

Научно-публицистическое издание. Помимо большого количества фотодокументов книга содержит уникальные текстовые материалы, немалая часть которых собрана по западным архивам. Это и письма колонистов-иностранцев своим друзьям и родственникам, и выступления руководителей АИК «Кузбасс» и разнообразные документы и записи летописцев жизни мечтателей и строителей «Города Солнца» в Сибири Анны Прейкшас и Рут Кеннел, документы руководителя АИК Себальда Рутгерса. В «Неизвестном Кемерово» автор В. Сухашкий занимательно и познавательно открывает нынешним кемеровчанам «новое старое». Столько героического и драматического было в короткой истории АИК с 1921 по 1926 годы.

«Товарищ Костыль, или Сибирские хроники юного Дэвида Пламмера».

Рут Кеннел – американская колонистка, приехавшая с мужем в Кемерово в 1922 году и три года работавшая секретарем правления Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Потом она переехала в Москву и трудилась в библиотеке Коминтерна, в 1927 году в качестве секретаря сопровождала в поездке по Советскому Союзу известного американского писателя Теодора Драйзера, который впоследствии написал новеллу об ее жизни. Вернувшись в Америку, Рут стала детской писательницей и несколько книг посвятила жизни колонистов в Кемерово. Одна из них – «Товарищ Костыль» – рассказывает о дружбе и необычайных приключениях двух мальчишек, американца и русского, в автономной колонии «Кузбасс».

НАШИ АВТОРЫ

Волкова Зинора Фатиковна,
зам. директора музея-заповедника «Красная Горка» по науке

Галкин Николай Владиславович,
старший научный сотрудник Государственного архива
Кемеровской области

Захарова Ирина Викторовна,
доцент Кузбасского государственного технического университета

Калишева Галина Павловна,
научный сотрудник

Кузнецова Любовь Федоровна,
старший научный сотрудник Кемеровского областного
краеведческого музея

Левина Ирина Валентиновна,
зам. директора музея-заповедника «Красная Горка» по развитию

Лопатин Анатолий Андреевич,
полковник милиции в отставке

Малышкина Тамара Дмитриевна,
корреспондент газеты «Кузбасс»

Москвина Елена Альбертовна,
главный археограф отдела информации Государственного архива
Кемеровской области

Предеина Ольга Николаевна,
начальник отдела хранения фондов музея-заповедника «Красная Горка»

Светлаков Юрий Яковлевич,
кинооператор

Сухацкий Владимир Александрович,
научный сотрудник музея-заповедника «Красная Горка»

**КРАСИВА
ГОРКА**